

П.П. Африкантов

**Сказки
о символах
города Саратова**

П.П. Африкантов

СКАЗКИ О СИМВОЛАХ
ГОРОДА САРАТОВА

Саратов
2020

Африкантов П.П.

Сказки о символах города Саратова. Текст 186
стр. 2020.

В сказках главными героями являются: саратовская глиняная игрушка, саратовская гармошка с колокольчиками, саратовский хлебный калач, а так же стерлядь, украшающая герб города. Сказочные персонажи живые, думающие с творческим подходом к любому делу. Они попадают в разные сложные ситуации, но неизменно выходят победителями.

Читая сказки, ни на минуту не покидает осознание того, что это ещё и символы города Саратова, рождённые в Саратове, живущие в нём, защищающие город и его жителей, несущие добро и сами являющиеся олицетворением доброты.

Предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана в авторской редакции.

© Текст, П.П. Африкантов, 2020

Сказка о глиняном петушке золотом гребешке, гармошке с колокольчиками, да румяном калаче с хрустящей корочкой.

Жили были в городе Саратове , глиняный петушок золотой гребешок, гармошка с колокольчиками да калач с хрустящей корочкой. Каждый жил на своей улице и имел хозяина. Гармошка с колокольчиками находилась у сапожника, калач с хрустящей корочкой жил у булочника, а глиняный петушок с ямчатой росписью у мастера - игрушечника.

У гармошки с колокольчиками хозяином был сапожник Иван Кудашкин. Он играл на гармошке с детства, и благородное её звучание уважал. Бывало, поработает в сапожной мастерской, устанет, а как возьмёт гармошку с колокольчиками в руки, да растянёт мех – и куда усталость делась. Бабы дивуются, ребятишки на заборе виснут, мужики самокрутками попыхивают, Ивана за душевную игру хвалят.

Только, не долго такая жизнь была у гармошки. Умер сапожник, а его место в мастерской занял его сын Сёмка, Семён значит. Только до отца ему было в мастерстве далеко. Не хватало у Сёмки усидчивости и терпения ни хорошо сапоги сшить, ни на гармошке научиться мастерски играть. Потому ребятишки на заборе, когда Сёмка играл, не висли, мужики музыку не

слушали, самокрутками не дымили и Сёмку за игру не хвалили. Понял Сёмка, что гармонист он так себе и решил игрой на гармошке не заниматься, а сапожную мастерскую людям в новом свете преподнести, чтоб обувь лучше покупали. Нарисовал ему художник пляшущие ноги в разной обуви на стекле окна, что из мастерской на улицу выходило, а посредине окна, Сёмка гармошку привесил, да ещё мех растянул, чтоб выразительнее было. На стекле написал:

*Сапоги и штиблеты Семёна Ивановича
сами в пляс пускаются*

Только Сёмка, как ни старался людей в мастерскую заманить, сапоги и штиблеты его лучше от этого не становились, а вот гармошка от долгого висения за стеклом на солнышке без дела только пылилась, да рассыхалась. И долго бы она висела посреди окна, подвешенная на гвоздике, кабы не поломойка, тётя Нюра. Вытирая пыль с окна, она зацепилась за злополучный гвоздик, на котором висела гармошка и вытащила его. Гармошка упала на подоконник и звякнула колокольчиками. Только перезвона не получилось, ДЗЫН – ЦЫН и всё, а поломойка, недолго думая, взяла и задвинула инструмент ногой под старое кресло с протёртой обивкой, что стояло у окна.

Закончив уборку в этой комнате, она перешла в другую, а гармошка осталась лежать под креслом. Под

старым креслом лежать было хуже, чем висеть на окне. Хотя висение на гвоздике в качестве рекламы обуви ей тоже опротивело, но там хоть мир божий было видно – за окном люди ходят, извозчики ездят, дворники улицу подметают, а тут пыль столетняя, пауки да тараканы. Не прогудев ни одним язычком, гармошка потихоньку вылезла из-под кресла и, увидев приоткрытую входную дверь, выскользнула на улицу и бросилась бежать, куда глаза глядят, только бы подальше от этого дома.

У калача хозяином был булочник. Тут своя история. Булочник умел выпекать отличные калачи, так, что жители города Саратова с утра занимали очередь за его калачами и готовы были стоять за ними в очереди весь день, лишь бы насладиться калачом с ароматной хрустящей корочкой. Выпекал булочник калачи вместе с женой Марфой, очень доброй женщиной. Жена булочника была хорошей хозяйкой и внимательно следила за тем, чтобы в булочной был уют и порядок.

Особенно она радела о калачах. Калачи были гордостью семьи булочника. В булочной на всеобщее обозрение был выставлен калач, чтоб привлечь покупателей. И до того он был аппетитный и красивый, и так ароматно пах, что и сравнить его во всей выпечке булочника было не с чем. Ни мягкие булки, ни пышногрудые караваи, ни кренделя, ни витиевато расписанные пряники, ни что не шло в сравнение с калачом.

Калач на выставке был главной заботой булочника. Каждый день Марфа выставляла на обозрение новый, только что испечённый калач. И это правило в течении тридцати лет никто и никогда не нарушал. Так бы, наверное, и всегда было, только умерла Марфа, и взял булочник другую жену.

Новая жена булочника, мадам Цукеркот, была из немок и отличалась властолюбием и педантичностью. Всегда ходила в белой блузке, сарафане с передником и чепцом на голове. Она стала наводить в булочной свои порядки. Муж ей был в этом деле не указ. Мадам Цукеркот, в первую очередь, занялась витриной.

– Это что такое!?! – доносился её властный голос. – Какое расточительство. Я этого не понимаю – калачи в витрине стоят на самом видном месте, а другие изделия, где-то сзади. Это неправильно, калачи и так все купят. Их знают не только в Саратове, а и за городом. Нечего их выпячивать и место ими в первом ряду занимать. Кыш отсюда! – и она убрала калачи в витрине с первого ряда на последний, оставив только один, что стоял над витриной на специальной подставке.

Это был тот самый выставочный калач, краса и гордость булочника. Именно этому калачу было хозяином отведено столь почётное место. И, как я уже говорил, по распоряжению булочника выставочный калач меняли каждый день. Это было правилом, которое никто не мог отменить, кроме самого хозяина булочной. Однако, после женитьбы булочника ни на

второй, ни на третий день этот калач никто с его почётного места не снял и не заменил новоиспечённым. Не заменили его ни через неделю и ни через месяц. Тут и решил калач напомнить о себе хозяйке:

– Госпожа хозяйка... госпожа хозяйка, – вкрадчиво произнёс он, когда та подошла к витрине.

– Кто?.. Кто меня зовёт?! – проговорила та сердито и в то же время удивлённо.

– Это я, калач, который на подставке. Я хотел спросить...

– Ах, это ты, – обратила мадам Цукеркот на него внимание. – Чего надо!?

Калач, зная крутой нрав хозяйки, начал говорить как можно мягче.

– Я хотел напомнить вам о том, что меня пора менять. Выставочный калач меняется ежедневно. Хозяин установил такое правило, и вот уже много лет это правило неукоснительно выполняется. Вы новый человек и я хотел только напомнить вам о правилах, которые установил сам господин булочник. Вы могли этого не знать...

– Ты решил учить меня! – нахмурилась мадам Цукеркот, отчего её лицо стало похоже на большую репу. – Хозяин им сказал, видите ли... Возомнили себя не весть чем. Я теперь устанавливаю порядки в булочной. Я! Слышите меня! Это всех касается. И никто другой, только я, понятно!? – и она обвела глазами

выпеченные булки, калачи и бублики. Те согласно закивали головами, повторяя:

– Разумеется, госпожа Цукеркот... А как же иначе, госпожа Цукеркот... Так и должно быть...

– Нет... нет, госпожа, я хотел только напомнить, – продолжил вкрадчиво говорить выставочный калач. – Я совсем засох и покупатели уже заметили это... и наверняка меня уже никто не купит, разве только те, кому врач рекомендовал есть сухари из калача.

– Ах! ты, наглец!! – побагровела от злости хозяйка. – Ты кем себя возомнил!? Тебя с удовольствием съедят не почтенные горожане как лекарство, а тебя съедят свиньи в моём хлеву! – С этими словами она схватила калач и швырнула его в помойное ведро. – Не надо нам никаких калачей на подставке! – сказала она и на место калача поставила расписной пряник, приказав полomoйке немедленно выбросить засохший калач свиньям.

Хорошо, что в том ведре помоев не было, а то бы простился наш калач с белым светом, превратившись в липкий комок. Поломойка подхватила ведро с калачом, вышла во двор и опрокинула его в свиное корыто. И ещё хорошо, что свиньи в это время у хозяина были сыты, их только что покормили. К корыту, чисто из любопытства, подошла только одна большая грязная свинья. Она ткнула рылом калачу в бок, фыркнула, пробормотав:

– Чёрствый калач... Хрю... Хрю. Эка невидаль. Хорошо, что только зачерствел и зеленью ещё не покрылся. Хрю...

– Что это? Хрюки... Хрюки... Что это? – Стали спрашивать свинью поросята, поочерёдно тыкая пяточками в бока калача и пытаясь его укусить.

– Хрю. Ничего интересного, – вразумляя детей, проговорила свинья. – Принесут пойло и мы его размочим. – Она повела рылом в сторону, давая понять пороссятам, что калачом они займутся позже, и отошла от корыта. Поросята гурьбой побежали за ней, радуясь, что калач им достанется на обед.

Калач ещё какое-то время полежал на дне корыта с остатками недоеденной пищи, а затем, видя, что его на время оставили без внимания, перевесился через край корыта, упал на землю и, прячась за другими посудинами, добрался до невысокого, но крепкого забора. Там он быстро вскарабкался на него и, с высоты услышал, как один из поросят завизжал: «Мама! Мама! Наш обед убегает!» Свинья с пороссятами, увидев беглеца, бросились к нему, но было уже поздно. Калач спрыгнул на другую сторону забора и был таков.

Третьим героем нашего повествования является глиняная игрушка, точнее – глиняный петушок со свистком. Как мы знаем, этого петушка сделал мастер - глинолеп. У него и жил петушок до поры до времени, пока с полки не перекочевал в коробку мадам

Гороховской. Мадам Гороховская – высокая брюнетка с чёрными, пробивающимися над верхней губой усиками, обладала зычным голосом, который был слышен во всех уголках базара.

Мы упомянули коробку этой дамы. О ней стоит сказать поподробнее. В этой коробке мадам Гороховская вывозила глиняные игрушки на продажу. Она оптом скупала их у игрушечников Саратова и близлежащих деревень. Надо сказать, мадам Гороховская не любила игрушки и детей тоже, но игрушки давали ей хороший доход, потому как она скупала их у мастеров за сущие копейки, а продавала наоборот – втридорога.

Особенно ей хотелось выгодно продать глиняного петушка с золотым гребешком, разноцветными в хвосте перьями и пышным воротником из смеси красных, синих, зелёных перьев, с нанесённым на них ямчатым рисунком, который состоял из простейших геометрических фигур. Мадам Гороховская запросила за него слишком высокую цену и покупатели, глядя на петушка, только цокали языками от восхищения, а покупать не покупали, дороговато. Другие же игрушки довольно быстро расходились, а петушок после продаж всё сидел и сидел в коробке, не видя ни вольного света, ни свежего воздуха. «Как было хорошо у игрушечника, – думал он. – Там, на полках, стояло много других глиняных игрушек и было весело».

У игрушечника в мастерской было действительно много глиняных игрушек. Одни из них, полностью

готовые и приготовленные для мадам Гороховской, стояли на отдельной полке. У других имелись всякие недоделки.

Однако, не смотря на недоделки, игрушки не испытывали неудобств и бойко переговаривались между собой.

– Я вполне готова, – хвасталась перед товарками солидная курочка с ярким гребешком. – Мастер сказал, что сегодня поставит на мне штампиками рисунок на спине и груди. Он бы это уже сделал, но у него нет пробки от шампанского с рёбрами.

– А зачем ему пробка от шампанского? – спросила обезьянка, усаживаясь на край полки.

– Мастер сказал, что отпечаток пробки на моей спине будет очень кстати. Этакое солнышко с лучиками получится. – Похвасталась курочка.

– Счастливая, – заметил бычок. – Мне бы такое солнышко. Представляю, как это красиво.

– Красиво - некрасиво, но скоро мы все очутимся в коробке у мадам Гороховской, заметил баранчик, а там говорят не очень уютно.

– О каком ты уюте говоришь! – воскликнула козочка, – там просто скверно...

«Прав был баранчик, – думал петушок, вспоминая тот разговор, – и козочка права, – пытаясь в это время высунуть голову из злополучной коробки, но это ему никак не удавалось. Мадам Гороховская очень крепко

обвязала коробку верёвочкой. Помочь ему никто не мог. Других игрушек в коробке не было, все они перекечевали в сумки покупателей. «Может быть, меня завтра купят? – думал петушок, – завтра второй день праздника, и тогда я избавлюсь от этой ненавистной торговли».

Вот наступил второй день праздника и большой торговли. Мадам Гороховская сложила игрушки в коробку и, как всегда, крепко обвязала её верёвочкой. На этот раз игрушки мадам Гороховская вывезла на продажу все без исключения. Их набралось довольно много. Ей пришлось даже воспользоваться расписной тележкой и маленькой лошадкой – пони. Мадам продавала свой товар прямо с расписной тележки, то и дело выкрикивая:

Покупайте игрушки! -
Вашим детям веселушки.
Не горят, не дымят
И все весело свистят!

– Мадам Гороховская! Мадам Гороховская! – просит крестьянин, приехавший в город на праздник, – уступите курочку и петушка, суший пустяк, сбросьте по копейке на штуку.

– Ишь, чего захотел, – хмурит брови торговка, – а ну, геть от тележки! По глазам вижу, что чего-то украсть хочешь...

– Мадам Гороховская! Вы зря так подумали и на человека напраслину возвели, – оправдывается

крестьянин. – Я прошу уступить всего две копейки, по копейке на штуку. У меня два мальчика... будут драться из-за одной игрушки. Какую ни купи, хоть петушка, хоть курочку, всё одно.

– Не приставай! – отрезала продавщица и закричала:

– Подходи-и-и-и! Игрушки разные... глиняные не бумажные... Есть сушёные, есть в печи обожжённые!!!

В это время овод, докучавший лошадке мадам Гороховской, нашёл место и так куснул конягу, что та не выдержала и с силой ударила задними копытами в тележку. Игрушки попадали, а петушок буквально вывалился из тележки под её колесо. Пока торговка раскладывала по местам свалившиеся игрушки и ругала на чём свет стоит овода и лошадку, петушок, почувствовав свободу, выбрался из-под колеса. Он незаметно прошёл под тележкой, затем нырнул под другую тележку, что стояла рядом, с неё торговали самоварами, спрятался за возком с кожами. Затем, увидев, что мадам Гороховская его ещё не хватилась, бросился со всех ног бежать прочь, петляя между торгующими и покупателями.

Долго ли, коротко ли скитались наши беглецы гармошка, калач и игрушка, то неизвестно, но в одно время они встретились в городском парке под лавочкой для отдыхающих. Изрядно побродив по городу, каждый из них думал только о том, чем бы набить свой голодный желудок. Увидев друг друга, они сразу

поняли, что их собрало под этой лавочкой. Несчастье всех заключалось только в том, что у них не было крыши над головой и очень хотелось есть. Из близстоящей харчевни вкусно пахло жареным картофелем и свежим горячим хлебом.

– Что будем делать? – спросил глиняный петушок, вопросительно посмотрев на гармошку с колокольчиками и на калач.

– Не знаю. – Пробормотала гармошка, звякнув одной клавишей. – Я только умею играть и больше ничего не умею. Я даже просить не умею, мне стыдно, – сказала она и опустила глаза.

– А ты на что способен? – обратился петушок к калачу.

– Я, к сожалению, ничего не умею делать руками, но отлично знаю, как выпекать всякие вкусные хлебобулочные изделия. Я долго стоял на самом видном месте в булочной и наблюдал за пекарями. Весь перечень их изделий я изучил досконально и особенности изготовления тоже. Изучал, пока не засох, и меня не выбросили. Жаль, что так получилось... – и он развёл маленькими ручками.

– А ты сам-то чего умеешь? – спросили разом петушка гармошка и калач.

– Я-то... – проговорил глиняный петушок. – Г-м. – Он на несколько секунд задумался. – Г-м, что я умею делать? То есть, вы спрашиваете – в чём заключается мой талант? И, подумав, многозначительно ответил. – Я

умею руководить. Своими глиняными курочками я очень даже успешно руководил и все были моим руководством премного довольны.

– Значит, ты, братец, ничего делать не умеешь, – заключил калач. – Руководить всякий может. Ты нам о деле скажи...

– Это вы зря так, – заметила гармошка, – уметь руководить это очень важно и ответственно. Мой хозяин повесил меня на окно, потому что не увидел во мне большей пользы для своего заведения, стало быть, он неважный руководитель, я так думаю.

– Мудрёно, но верно, – заметил глиняный петушок. – А теперь о том, что я могу ещё делать. Ещё я умею петь, плясать, если надо, детей забавлять, на ум-разум наставлять.

– Вот это другое дело, – заулыбался калач. – Правда, у нас в булочной петушков не было, особенно глиняных, и я не знаю, на что твои таланты сгодятся. Если б ты был слеплен хотя бы из ржаного теста, то можно бы было и подумать.

– Нам надо поразмышлять о нашей совместной деятельности, чтоб себя прокормить, – проговорила в тон калачу гармошка с колокольчиками. – Иначе мы с голоду ноги протянем под этой лавочкой.

– Кажется, я знаю, что нам делать, – проговорил петушок.

Все пристально и ожидающе на него посмотрели.

– Давайте, братцы, организуем в городе трактир.

– Что-о-о-о!?! – вопросительно протянула гармошка на высокой ноте.

– В общем, – ответил петушок. – Если учесть наши возможности, и эти возможности сложить в одно целое, то и получается, что нам по плечу только организация трактира, или какого другого подобного заведения, например, ресторана или кофейни.

– В ресторан ходят только сановные люди, – проговорил калач. – Я слышал это от хлебопёков.

– В ресторане мне делать нечего... – сказала гармошка. – Мои колокольчики там ни, к месту, публика в ресторане изысканная, в кофейне я тоже не нужна. В неё заходят с целью – по-быстрому перекусить. Может быть вы и нужны, а я нет. – Тихо и как-то обречённо проговорила гармошка.

– Объясни, пожалуйста, поподробнее. Почему именно трактир, а не что-то другое? – спросил калач петушка.

– А потому, что наши знания и умения очень к трактиру подходят. – Убедительно проговорил петушок. – Гармошка будет в нём музыку играть, я петь, плясать, гостей развлекать и детей забавлять. Вот почему именно трактир. Там всё можно.

– Ничего себе ты, Петя, вывел, – заметил калач. – Ты с гармошкой в трактире при деле, а я что, лишний?

– Ты, калач, будешь в этом трактире кухней заведовать, шеф-поваром станешь. Ведь посетителям

надо, в первую очередь, поеть, а уж потом слушать песни, танцевать и всё такое... Ты же будешь самое главное лицо в деле поеть, а ты говоришь, что нужен не будешь...

– Здорово ты, Петя, придумал, – восхищённо воскликнула гармошка. Каждому умению своё дело определил. Хорошо... Только как мы это всё организуем?

– Вот и организаторские способности понадобились, – заметил глиняный петушок. – Об этом пусть у вас голова не болит. Я предложил – я и организую.... – заключил он, улыбаясь, и товарищи под руководством петушка принялись за дело. Калач из глины печку лепит, в которой будут булки да калачи выпекаться, гармошка ему помогает, глину месит, калачу глину подаёт, петушок досок раздобыл, дом рубит и песни поёт.

Наконец помещение под трактир построено, из печной трубы дым валит, из окна плясовая мелодия доносится, то и дело слышится «КУ-ка-ре-ку!», да звон петушиных шпор раздаётся. Вокруг дома вкусный запах разносится. На этот запах и люди, и звери валом валят. Спорится дело у друзей. Доход появился. Глиняный петушок себе сафьяновые сапожки приобрёл и малиновую безрукавку, гармошка в мастерской музыкальных инструментов побывала, где ей мех заменили и звучание настроили, калач франтом

вырядился, даже не узнать. Для работы себе фартук белый приобрёл и поварской колпак.

Так бы дело и шло, если бы не случилось непредвиденное. Приехали в город на ярмарку Сёмка-сапожник с сапогами и штиблетами для продажи, мадам Гороховская с игрушками и мадам Цукеркот с калачами и сладостями. Зашли они в тот самый трактир, который друзья организовали, и диву дались, как в том трактире уютно и всё вкусно приготовлено. А ещё в нём они увидели представление. На помосте гармошка с колокольчиками играла задорную плясовую, глиняный петушок под музыку выплясывал и пел частушки, а улыбающийся калач, кланяясь, подносил присутствующим разного рода угощения.

В конце обеда глиняный петушок, галантно раскланявшись, подарил деткам посетителей по заливистому глиняному свистку. Обед удался на славу. Присутствующие встали и долго аплодировали хозяевам, говоря меж собой: «Как хорошо, что в городе появился такой хороший трактир... Ах, какой в нём приветливый персонал... Другим трактирам следует с них брать пример...» и так далее.

Разумеется, Сёмка Кудашкин, мадам Гороховская и мадам Цукеркот, сразу узнали в хозяевах трактира своих беглецов и, конечно, возгорелись желанием вернуть этих успешных предпринимателей себе обратно.

Калачница захотела снова обладать калачом, чтоб сделать его главным пекарем в булочной. Сёмка Кудашкин, у которого дела в сапожной мастерской не сильно удавались, решил вернуть гармошку с колокольчиками обратно себе и заодно нанять глиняного петушка для совместных концертов в его сапожной мастерской для привлечения покупателей, о чём он тут же и сказал мадам Гороховской.

На это высказывание мадам Гороховская показала Сёмке кукиш, а затем и кулак и заявила, что глиняная игрушка принадлежит ей и уступать её сапожной мастерской она не намерена. И быть бы между ними скандалу, если б не мадам Цукеркот. Она попросила сапожника и продавца игрушек собраться напротив трактира на лавочке и спокойно обсудить создавшееся положение.

Через несколько минут они все трое сидели на той самой лавочке, под которой когда-то сидели голодные гармошка с колокольчиками, глиняный петушок с золотым гребешком и калач с хрустящей корочкой.

– И как вы представляете наше положение? – спросила мадам Цукеркот.

– А никак. – Ответил Кудашкин. – Войду в трактир, суну под мышку гармонь и пойду домой, – вот и всё. Так ведь? – обратился он к мадам Гороховской.

– Целиком и полностью поддерживаю, – сказала мадам Гороховская и чёрные усики её задвигались.

– Друзья предприниматели! – проговорила мадам Цукеркот. – Наши действия не могут быть такими вызывающе прямолинейными. Мне даже неловко вас слушать. Так вы могли поступить сразу после их побега, – и она понизила голос. – Сейчас же, когда наши подопечные организовали собственное заведение, и оно стало привлекательным в городе, то такие действия накличат на нас презрение горожан, а это ударит по нашим продажам. Кто захочет покупать кренделя, игрушки, штиблеты и слушать музыку у людей бездушных и чёрствых, которые лишили горожан удовольствия бывать во всеми любимом трактире? Разумеется, никто. – Подчеркнула она и обвела взглядом присутствующих.

– Что же делать?! – изумился Сёмка-сапожник.

– Этого нам только не хватало! – воскликнула гортанным голосом мадам Гороховская.

– Вот я и предлагаю, – полушёпотом заговорила булочница. – Надо сделать так, чтобы всё произошло как бы само собой, чтоб трактира не стало, а его организаторы пропали неизвестно куда, понятно?!!

– Хорошо бы, только как же мы это сделаем? – спросил Кудашкин. – Так только в сказках бывает.

– А очень просто, – голос мадам Цукеркот прозвучал заговорщицки. – Самым безобидным средством к достижению цели будет пожар. Трактир сгорит, а вместе с ним, якобы, сгорят и их хозяйева, – проговорила мадам Цукеркот. – Пожар, жертвы – всё логично. Горожане

раздосадованы, но ни на кого не обозлены... Они так же покупают наши сапоги, игрушки, крендели и слушают у нас музыку. Мы даже в их глазах выступим благодетелями к погорельцам, если они их узнают.

– Здорово придумала! – Потёр от волнения руки Кудашкин. – А если поточнее, то, как это всё обставить?

– Это уже второй вопрос, – заметила мадам Цукеркот.
– С таким решением все согласны? «Согласны, согласны!» – закивали Сёмка и мадам Гороховская.

– Мы подожжём трактир с тыльной стороны. – Продолжила мадам Цукеркот. – Затем устроим в трактире панику криками: «ПОЖАР! ПОЖАР! Трактир ГОРИТ! СПАСАЙТЕСЬ!» Люди, сшибая друг друга, будут стараться покинуть помещение. Понятно – крики, вопли, падения, плачь, суматоха. Так всегда бывает при пожаре. Мы в это время хватаем петушка, гармошку и калач и скрываемся. Горожане посожалеют немного, как в этих случаях водится, и забудут о трактире, зато мы от мнения людей будем в безопасности.

– Здорово придумано! – восторженно проговорил опять сапожник, ёрзая на лавочке от нетерпения. – Я тогда схожу в керосиновую лавку и куплю литра три керосина, – и Кудашкин сорвался с места.

Возможно и удалась бы заговорщикам их затея, кабы не сорока. Она сидела рядом на дереве и всё слышала. Сорока рассказала петушку, гармошке и калачу то, что узнала, но не из особой любви к ним, а по причине

природной болтливости. «Тра-та-та-та... – затрещала она у самого входа в трактир. – Не слышите! Не знаете! Вам и на ум нейдёт, что вас хотят украсть. Тра-та-та-та... Бывшие ваши хозяева – булочница, торговка игрушками и сапожник договорились украсть вас самым бесовестным образом, а трактир сжечь! И об этом я... я... я... сорока-белобока узнала. Уже и спички припасены, и керосин, и мешки, в которые вас будут совать. Это всё я узнала... и никто больше. А вы всё калачи печёте, музыку играете, пляшете и песни горланите, народ веселите, а у вас беда... беда... беда... – выпалила она. И тут же добавила. – Они притворились нищими, ждите нищих, в лохмотьях. Тра-та-та... Нищие к вам придут, трактир керосином обольют, а хозяев схватят и в мешок засунут...»

Услышали сороку калач, петушок и гармошка и пригорюнились. Никому не хочется снова в неволю идти.

– Значит, узнали они нас, – проговорил скорбно калач.

– Да, выходит так, узнали, – поддакнула гармошка. – Я, думала, не узнают, у меня мех новый, а вот на тебе...

– Я тоже думал, что меня в колпаке и при фартуке не узнают. Напрасные надежды... – и калач поник головой. – С другой стороны, я один из вас, кто от своих хозяев не сбежал, они сами меня отдали свиньям на съедение, я им был не нужен, а теперь – на тебе... Снова свиньям что ли решили отдать? Не понимаю...

– А тут и понимать нечего, – проговорила гармошка.
– Зависть всегда была делом жадных, корыстных людей. Вот она ими и двигает, и ничего больше. Они просто хотят на нас больше заработать.

– Не будем унывать, друзья... – весело проговорил петушок. – Мы предупреждены, и это главное. Не так ли? А теперь слушайте меня, – и он, наклонившись к друзьям, что-то зашептал, кивая в сторону весёлой компании студентов, что обедали в трактире. Затем петушок подошёл к их столику, о чём-то тихо со студентами переговорил и вернулся назад. Об этом разговоре рассказал друзьям.

После рассказа петушка, друзья прибодрились и повеселели. А когда около трактира появились две нищенки и нищий в лохмотьях с котомками, около них сразу очутились студенты. Они окружили нищих и, подталкивая сзади и с боков, направили их к входной двери в трактир, приговаривая:

«Заходите, заходите! – Милости просим. Мы гостям всегда рады... У нас сегодня праздник в трактире, «День глиняного петушка» называется. Мы приглашаем вас на торжественный обед!»

«Да как мы можем войти в такое заведение, – упирались нищие....» – На нас и приличной одежды нет, – говорили они, не желая входить в помещение и видя, что их план с поджогом рушится.

«А мы вас настоятельно просим, – продолжали говорить и подталкивать их сзади студенты. – Хозяева трактира нищим особенно рады. Они хлебосолы...»

Когда «нищие» очутились в трактире, молодые люди стали раздевать гостей, приговаривая, что в трактире тепло и верхнюю одежду можно снять. Каково же было удивление всех, когда они увидели под лохмотьями великолепные наряды мадам Цукеркот и мадам Гороховской. Сапожник при виде таких обстоятельств сам снял с себя рваный сюртук, а гармошка уже вытряхивала из его мешка бутылки с керосином и спички.

– Друзья мои!!! – Воскликнул петушок. – Наши гости пожаловали к нам под личиной оборванцев, и не просто так пожаловали! В их суме оказались зачем-то бутылки с керосином и спички, да и сами они на оборванцев, как видите, совсем не похожи. На них приличные одежды. Да и на живущих впроголодь людей, они не тянут!!!

– Это не керосин, а вода. – Перебила петушка мадам Цукеркот. – Мы её взяли, чтоб жажда не мучила.

– Ах, жажда! – воскликнул Михайло, – так звали одного из парней. – Тогда докажите, что это не керосин и сделайте по глоточку!

Мадам Цукеркот наотрез отказалась пить содержимое бутылки.

– Вот вам и доказательство, – сказал студент, усмехаясь.

– Что с ними разговаривать! – крикнул другой парень, которого звали Василий, – бить их надобно. Вон чего удумали – лучший в городе трактир сжечь!

– А давайте мы их самих сожжём... – предложил нарочно Михайло и подмигнул Василию. И они стали теснить незадачливых поджигателей, делая вид, что сейчас их будут связывать, при этом они корчили страшные рожи.

– Ой! Не надо нас жечь! – взмолились Сёмка, а за ним и мадам Цукеркот с мадам Гороховской и, упав на колени, они рассказали о своём плане, и что теперь они прилюдно отказываются от глиняного петушка, калача и гармошки.

– То-то, – засмеялись хором студенты и расступились, образовав узкий проход, через который, тут же прошмыгнули незадачливые заговорщики и пустились наутёк.

– Улю-лю-у-у, – закричали им вслед и захлопали в ладоши обрадованные парни, а потом ещё долго смеялись, вспоминая отдельные эпизоды.

Обрадованные глиняный петушок, гармошка и калач закатали по этому случаю, совершенно бесплатно, такой пир в своём трактире, что о нём и сейчас люди вспоминают. Потому, как гулять в трактире в этот день не возбранялось никому, ни бедным, ни богатым.

На том и сказке конец. С тех пор глиняной игрушке, гармошке с колокольчиками и калачу с хрустящей корочкой в городе Саратове почёт и уважение, а глиняному петушку, за находчивость и смекалку, от автора особый поклон.

Саратов, 2019, 8 ноября

Лесной великан Берендей

Случилось это в седую старину на Волге-реке у города Саратова. Вокруг города деревеньки пораскинулись, в них крестьяне живут, жито сеют и скот домашний выращивают, горожан хлебом и мясом кормят. Только не долго у них такая спокойная жизнь продолжалась. Настигла город и его окрестности беда великая – объявился лесной великан Берендей. Ростом, как две высоченные ели; на голове кустарник растёт; усы – что два дуба поваленных; борода, словно осины вниз вершинами растут, корнями в подбородок вцепились; глаза похожи на две бондарные десятиведёрные бочки, а зубы – пни дубовые в два обхвата. Вот какое было это страшилище - Берендей.

Идёт великан по лесу, всё равно, что человек по лугу. Под ним самые непроходимые чащи, как трава склоняются. На одном плече его ворон сидит, а на другом филин. Ворон по указанию Берендея летает и впереди местность осматривает и обо всём великану лесному докладывает, а филин то же самое делает, что и ворон, только в сумерки и ночью.

Подошёл Берендей к Саратову и расположился на Волге-реке, на острове, а город данью обложил. Ох! и обжора был этот Берендей. Повелел он горожанам, если те не желают смерти, ежедневно поставлять себе бочку мёда, бочку сала, бочку хлебов только выпеченных,

бочку масла и три бочки щей наваристых. И чтоб, когда те щи в городе повара варят, до Берендея бы запах доходил и его душу ублажал и аппетит разыгрывал. Распорядок жизни у лесного великана был особенный. Он три дня ест, три дня спит и три дня песни поёт, да пляшет.

И потянулись к берегу реки со всех сёл и деревень обозы с провизией для Берендея.

По деревням народ плачет. Последнее Берендею отдаёт, а на печках их ребятишки с голоду пухнут и кричат: «Тятка! Мамка! Хлебушка хотим! Не отдавайте великану наш хлебушко! Без него мы не бегать, ни резвиться не можем. У нас ножки и ручки высохли, пальчики на руках ослабли, что и ложку не держат».

А родители им в ответ говорят: «Что вы, детки, плачете, что вы нашу душу на части рвёте, потерпите немного, мы и сами голодны так, что в поле работать не можем от слабости. И всё из-за этого Берендея. Всё зерно отправили великану, а ему всё мало, всю скотину поизвели, а ему всё мало. Может быть, найдётся человек, кто с Берендеем справится и освободит нас!?».

Были в городе и такие, кто не смирился с властью Берендея. Пытались смельчаки подкрасться к великану, чтобы его сонного убить, да ничего у них не вышло. Зорко оберегали от всяких напастей Берендея днём ворон, а ночью филин. Как что заметят, так сразу начинают: Филин ухать, а ворон каркать. Берендей

просыпается и съедает того смельчака, кто отважился на него руку поднять.

Однажды не один, а целых десять смельчаков незаметно подплыли к острову на плоту, что их даже филин не увидел. Увидеть то он этот плот увидел, да думал, что это бурелом по реке плывёт, вот смельчаки и очутились на острове. Только им всё равно не удалось Берендея убить из-за чистой случайности. Они уже, обнажив клинки, к его горлу по бороде подбирались и филин их в этом буреломе совершенно не видел.

Залезла в это время к Берендею в одну ноздрю ящерица. Она на ноздрю подумала, что это пещера и решила в ней устроить своё жилище? Ползала она в ноздре, ползала, и так от этого ползания Берендею щекотно стало, что он не вытерпел да как чихнёт. От этого великого чиха все смельчаки, что по его бороде пробирались, в реку попадали, откуда их Берендей выловил и по одному проглотил, и молоком от шести коров запил.

Народ, после этого случая, к губернаторскому дому толпами повалил, кричит, и губернатора вопрошает: «Доколи будем терпеть супостата! Он город и деревни разорил, и ему всё мало!!» Губернатор на площадь к народу вышел и говорит:

– Велика беда у нас, больше этой беды и придумать нельзя. Указ мой такой. Если кто из смельчаков сыщется и победит Берендея, то будет этот человек самым почётным жителем города и всю свою

оставшуюся жизнь ни в чём нужды знать не будет. Горожане будут его кормить, поить, обувать, одевать и даже чарку вина ежедневно подносить.

И совсем плохо бы пришлось городу и сёлам, и, наверное, совсем бы загибли, не случись в то время, когда губернатор свой указ объявлял, быть на площади глиняному петушку, гармошке с колокольчиками и калачу. Услышали они про такую беду и про указ и говорят меж собой: «Давайте подумаем, может быть, чем и поможем городу?»

– А чем мы поможем? – восклицает калач. – У нас нет ни меча острого, ни пики, ни щита, и не приспособлены мы для сражений. Я их просто в руках никогда не держал. Да и вы тоже, как я знаю, ратным делом не занимались.

– Это точно, – поддержал его петушок, – я как-то не подумал.

– А вот я подумала, – пропищала гармошка с колокольчиками.

– И что ты предлагаешь? – спросил калач.

– Слышите, как на острове Берендей поёт, а скоро выпьет вина и плясать начнёт?

– Говори толком, – обозлился петушок. А то ходишь всё вокруг да около... Поёт... Пляшет... Сами слышим, не глухие...

Гармошка на такое замечание только улыбнулась и продолжила. – Как вы не понимаете? Он же без музыки поёт и пляшет.

– Так подыграй, чтоб Берендею веселее было, – съязвил петушок.

– И подыграю. Только надо так подыграть, чтоб Берендей в пляске остановиться не мог. Чтоб он плясал до тех пор, как упадёт от изнеможения.

– А ты так можешь? – спросил недоверчиво калач.

– Не знаю. Мастер, который меня делал, говорил, что в моих колокольчиках особая сила заключена. Покуда они звучат – пляшущий остановиться не может.

– А ты так играть пробовала? – опять спросил калач.

– Нет, не пробовала, – виновато проговорила гармошка, – точнее, я в стаде козликам плясовую играла. Так, они плясали и танцевали, без отдыха. Может быть, они так бы и долго плясали, не знаю, только я сама быстрее их устала. Вот и всё.

– Этот опыт сомнительный, – задумчиво проговорил петушок. – Если б ты играла, а они все от усталости попадали, тогда другое дело. Тут же ты сама чуть от усталости не упала.

– А я думаю, что надо попробовать, – перебил петушка калач, – другого выхода всё равно нет.

– Я же говорю, что пока я играла, и звучали мои колокольчики козлята не переставали плясать, значит и Берендей будет плясать, – уверяла друзей гармошка.

– Ты, гармошка, начинай играть, а там увидим, что делать, – согласился с доводом гармошки петушок.

– У нас получится... Запляшется басурман. – Уверенно проговорил калач. – Пошли на берег. – И все трое поспешили на берег реки.

Когда они пришли на берег Волги, Берендей уже бросил петь и его, от выпитого вина, потянуло в пляс. Он плясал, а от содрогания земли по реке ходили большие волны, и макушки церквей в городе раскачивались. И вот, когда Берендей уже от пляски достаточно устал, с берега донеслась плясовая музыка, с перезвонами колокольчиков, и Берендею от этих звуков захотелось ещё плясать и плясать.

Высоко поднимая ноги он плясал и припевал:

Съел баранов десять штук
И ногою топнул,
Три бочонка молока
И чуть-чуть не лопнул.

Хороша в реке водица
Освежает и бодрит
У меня от вида града
Разгорелся аппетит.

А гармошка с колокольчиками всё играла и играла. Берендей уже устал плясать, а остановится – никак не может. Наконец он взмолился: «Перестань играть.

Смилуйся надо мной. Я остановиться не могу. Ах, эти проклятые колокольчики!!! Ах, эта проклятая музыка!!!»

Не только Берендей устал, но и гармошка устала и уже едва растягивала мех. И может быть, вся затея друзей закончилась бы ничем, если бы не петушок. Увидев, что гармошка от усталости едва ударяет молоточками, он подскочил к ней сзади, ловко продел крылья в ремни и стал помогать растягивать мех. Музыка зазвучала веселее, темп игры увеличился. Теперь гармошка только управляла клавишами, а глиняный петушок тянул и тянул мех туда и обратно. Берендей уже не пел залихватские частушки, а едва поднимал ноги и, всхлипывая, проговаривал:

Ах, зачем я народился?

Зачем к городу пришёл?

Видно бес в него вселился

Здесь я смертушку нашёл...

Гармошка же и петушок с двойной силой продолжали играть и играть. То один мех растягивает, то другой, то один на клавиши нажимает, то другой. Они уже оба устали, а Берендей всё не падает. И тут калач, глядя на измождённых товарищей, догадался, что надо делать. Он быстро отломил кусок от своего левого бока и бросил петушку, затем такой же кусок калача от правого бока полетел в рот гармошке. Музыка сразу зазвучала быстрее, у петушка и у гармошки появились силы. Каждый из играющих подумал: «Ах, какой молодец калач! Как он вовремя сообразил, что надо подкрепить нас. Без его догадки мы бы от

усталости упали на берегу и умерли от изнеможения раньше великана».

А калач всё подкармливал и подкармливал своих друзей. То одному кусочек, то другому, пока сам не стал таким тонким, что и на калач перестал быть похож. Похож он стал на какой-то гриб с тонкой ножкой. Однако, в это время калач думал только об одном: «Если Берендей продержится хотя бы десять минут, то я должен буду прыгнуть сам играющим в рот, но только, чтобы они довели дело до конца и уже намеревался это сделать, как Берендей, последний раз поднял одну ногу, затем вторую, глаза его закатились и он рухнул на землю бездыханный.

После того, как Берендей умер от пляски, сразу упали от усталости и заснули крепким сном и глиняный петушок, и гармошка, и калач. Спали они долго. А пока они спали десять искусных хлебопеков, принялись за починку калача. Они неведомо как нарастили ему бока, починили коричневую корочку и когда калач проснулся, то даже не заметил своей новизны.

За время, пока друзья спали, губернатор распорядился спасителей города перенести в городской замок и поместить в самую красивую комнату, положить на самые мягкие перины, которые только могли найтись в городе.

Друзья спали целую неделю, а когда проснулись, то не увидели уже Берендея, волжские волны унесли его тело в море, а на острове была видна только истоптанная трава да поломанный кустарник. Народ,

после исчезновения Берендея стал воспевать трёх друзей спасших город. Он сложил о них песни, былины и сказки. Горожане даже поставили героям в городе скульптуру с надписью:

«Глиняному петушку, гармошке и калачу СЛАВА». Слово «слава» было написано крупными буквами и его было видно издалека. На том и сказке конец. Глиняный петушок, гармошка с колокольчиками и калач по сей день живут в городе Саратове и как обещал губернатор – ни в чём нужды не знают.

Саратов, 2019, 30 ноября.

Чего око не видывало, ухо не слыхивало и язык не ощущал

Жил был в деревне, близ города Саратова, старик и было у него три сына. Старший сын и средний были женаты, а младшенький, Ивашка, жениться даже не думал. А если б он и захотел, то кто за него в деревне в жёны пойдёт? Старшие братья в поле работают, а Ивашка целыми днями на печи лежит, на гармошке играет, или из глины игрушки лепит, в них сам играет и с ними разговаривает. Дурачок, и всё тут.

Снохи на Ивашку злятся и ругаются. Старшая сноха говорит: «Экий арясина вырос, а помощи никакой, всё бы на гармошке с колокольчиками тренькал. Скоро все с ума сойдём от звона этих колокольчиков. «На печь залезть нельзя, – вторит другая сноха, – глиной от игрушек измажешься». Снохи уж эту гармошку прятали, игрушки его глиняные скалкой разбивали, только всё одно – гармошку находит, игрушки снова слепит и радуется, и зла ни на кого не держит.

Особенно нравилось Ивашке, когда снохи калачи начинали печь. Тогда он улучит момент, спрыгнет с печки, хватить готовый калач и снова на печь. После этого снохи брались за Ивашку по-настоящему. Возьмут в руки одна полотенце, а другая сковородник и давай Ивашку со всех сторон охаживать и приговаривать: «Не воруй! Не воруй, а в поле и на подворье работай! С братьев пример бери». Они бы давно с Ивашкой счёты свели, да боялись свёкра. Старик за Ивашку заступался и особо своевольничать снохам не давал.

И вот умер старик. После похорон, выставили снохи Ивашку за дверь и сказали: «Иди куда хочешь, дурак. Вот тебе на дорогу сума, а в ней твоя дурацкая гармошка, твои дурацкие игрушки и вот тебе калач, чтоб с голодухи сразу не помер. А так, глядишь, всё подальше уйдёшь и не вернёшься». «Спасибо и на этом», – ответил Ивашка и пошёл со двора, куда глаза глядят.

Долго ли он шёл, коротко ли, только чувствует, что проголодался и сел на пригорке поесть. Взял калач и только хотел кусочек отломить, как слышит: «Не ешь меня, Ивашка, я тебе целый буду нужен; добрую службу тебе сослужу».

– А что же мне есть, лапти что ли? – спрашивает Ивашка, нисколько не изумившись тому, что калач оказался говорящий. Однако ломать его не стал, сунул в суму и дальше пошёл.

Шёл, шёл, только голод не тётка, каждую секунду о себе напоминает и вот, когда стало от голода невмоготу, проговорил вслух:

– А продам-ка я глиняные игрушки, куплю на эти деньги еды, тогда и калач ломать не надо будет.

«Ой, ой! Не надо нас продавать, – слышалось из сумы, – мы тебе, Ивашечка, пригодимся».

– Что за напасть такая? – говорит Ивашка. – Одного есть нельзя, других продавать нельзя, чтоб поесть. Осталась одна гармошка, она одна молчит и не отговаривается.

«И нисколько я не молчу, – слышалось из сумы. – Я очереди своей для разговора жду».

– Можешь не продолжать, – проговорил зло Ивашка. – То же самое поди скажешь, как и они, что ты мне годишься.

«Конечно пригожусь и не меньше других – утвердительно сказала гармошка. – Потерпи, Ивашка, скоро всё образуется».

– Об-ра-зу-ет-ся, – недоверчиво произнёс Ивашка. – Это по-вашему образуется, а по-моему в животе у меня скоро ветер свистеть будет. И ничего там кроме него не образовывается. Хоть бы горбушку от каравая да полкринки молока съесть.

Закинул Ивашка суму на плечо и дальше пошёл. Идёт, голод терпит.

Долго ли он шёл или коротко, только приходит он в столицу на центральную площадь и, видит – на ней множество народа собралось. Посреди помост стоит. На помосте человек громким голосом грамоту царскую зачитывает.

ГРАМОТА

Я царь всея Руси Спиридон, объявляю подданным свою волю царскую. Выдаю я любимую дочь замуж, но не за дворянина, не за боярина, а за всякого молодца, но с одним условием: пусть этот молодец принесёт мне то, чего око царское не видывало, ухо не слыхивало, и язык не ощущал. Кто царю это принесёт и об этом объявит, того и царская дочь женой будет. А коли принесёт и царь это уже видывал, такое слыхивал, и то языком ощущал, значит класть тому молодцу голову на плаху. Как говорится – хотел сорвать куш, да оказался не дюж.

Надо сказать, что царь Спиридон был скуп и уже не раз в течение нескольких лет объявлял такие указы.

Навезут ему добрые молодцы со всего света пряности разные, попробует царь, одно, другое и скажет, что это для него не новость, знает эту пряность, вкушал и того молодца раз и на плаху. Другой искатель руки царской дочери принесёт музыкальный инструмент с интересным звучанием. Послушает его царь и головой отрицательно помотает, слышал, мол. И этого молодца на плаху, а инструмент в царскую сокровищницу. Следующий - удивительные по своей красоте бусы и всякие женские украшения преподнесёт. И у него та же участь, а украшения идут в царскую сокровищницу.

Дело дошло до того, что царская сокровищница стала полна. Все сундуки добром заполнены, а царю Спиридону всё мало. Вот и на этот раз царский указ прочитан, а никто из толпы не выходит и царю в ноги не кланяется и не клянётся, что выполнит царскую волю, потому как каждый понимает, что царская воля обманчива.

Ждёт царь-Спиридон минуту, другую, третью, а никто не выходит и челом царю не бьёт, и выполнить условия не обещает. Нахмурился Спиридон, посохом в землю стукнул и говорит:

– Это вы так царскую волю попираете! Это вы так царскую дочь позорите и мои седины срамите! Да у неё каждый волос десятка ваших жизней стоит. – Обвёл глазами толпу и приказал стражникам схватить первых попавшихся пятерых юношей и поставить перед ним – будут женихами. Слуги побежали, первых попавшихся

схватили и перед царём поставили. В их число попал и Ивашка, потому, как в первый ряд протиснулся, чтобы царя рассмотреть получше.

– Откуда ты будешь? – Спрашивает царь Спиридон Ивашку.

– Мы из-под Саратова, из деревни, – отвечает Ивашка нисколько не испугавшись.

– И чем же ты, мил человек, можешь царя изумить и порадовать?

– Да ничем, батюшка царь, не смогу вас ни изумить, ни порадовать. В дальних странах я не был, яств заграничных не едал. Диковинок тоже никогда не видывал. Для меня и столица в диковинку. Усладить ваш слух тоже нечем, разве что могу на гармошке побренчать.

– Эка невидаль, гармошка, – говорит царь Спиридон, – их мне целую дюжину со всех концов света женихи натащили. А ты бы лучше за море сходил и там чего интересное поискал, может быть чего и найдёшь, то, что моё око не видывало, ухо не слыхивало, и язык мой царский не ощущал.

– У меня даже столько лаптей нет, чтоб за море хаживать, – отвечает Ивашка.

«Вот мужичина, – заговорили обступившие их вельможи. – Посылает царь дурачину за границу, а он про лапти толкует. Ха-ха-ха!!! Лаптей, знаете-ли, не сплёл. Лаптями бы хоть с подковыркою попробовал

удивить. Вот умора. Право, умора. Чего ещё от мужика ждать...»

– А знаешь ли ты, Ивашечка, что я должен за это с тобой сделать, что ты царскую волю не хочешь выполнять? – спрашивает царь Спиридон.

– Знаю, Ваше царское величество, – казнить вы меня должны. Я покорен вашей воле. Правда, я царицу в жёны брать не хотел и в очереди, как вам известно, за этим не стоял. А так как ваше слово – закон, то прошу перед казнью исполнить мою последнюю волю. Это похристиански.

– И что это за просьба такая? – спрашивает Спиридон.

– Прошу, Ваше царское величество, подать мне мою суму дорожную, хочу я напоследок чуток нашего домашнего хлебца откусать, да на свои самоделки в последний раз полюбоваться, и произвести какие-никакие перезвоны, что душе моей милы, а уж там и казните, бог с вами.

– Не разрешайте, государь! – слышался голос воеводы. – Охота нам тут его чавканье мужицкое слушать. Откусать он, видишь-ли, хочет мужицкого хлеба напоследок, да на самоделки, топором рубленные, или, поди, из глины слепленные посмотреть. Одно слово – мужик... – заключил воевода.

– Дудками нас тоже не удивишь. А больше ничего мужик и не может, – добавляет первый министр.

– Цыц, наушники! – Топнул ногой царь Спиридон. – Велю дать Ивашке его суму подорожную, пусть перед смертью порадуетя.

Суму сразу подали. Достал Ивашка из сумы глиняные игрушки и давай в них играть, да с ними разговаривать. А игрушки до того хороши, что глаз не оторвать. Увидела царевна в окно светёлки, что пред Ивашкой на траве что-то лежит и всеми цветами радуги переливается, и в глаза искрами брызжет, не утерпела, на площадь прибежала, и сразу к Ивашкиным игрушкам. Смотрит, любитя, в руки берёт. Спрашивает:

– Это где такую красоту делают?

– У нас в Саратове делают. – Отвечает Ивашка. – Да хоть возьми мою деревню. У нас всяк игрушки лепить может.

– И ты умеешь? – спрашивает царевна Ивашку.

– Умею... Эти игрушки я сам сработал.

– Сам?! – удивилась девушка.

Царь Спиридон тоже в руки игрушку взял, дивуется и говорит:

– Какие красивые и душевные вещицы. Такого мне никто и никогда из-за океана не привозил. Вот уж что не видывало царское око, то не видывало.

– Так у них там, за морем, царь батюшка, такого и нет, – просто говорит Ивашка.

– Думаем, царь-батюшка, что он купца какого-нибудь ограбил, что из дальних странствий возвращался, – вставил самый толстый вельможа.

– Что на это скажешь? – спрашивает царь Ивашку.

– Наговаривают на меня, царь-батюшка. Они такого не видели, потому что из столицы в сёла никогда не выезжали и не знают, что их мужики умеют делать. Я и сам вам какую хотите игрушку слеплю. У нас в деревне их каждый умеет лепить. У меня даже глина с собой есть.

– Слепи, Ивашечка, мне чего-нибудь, – просит царевна.

Достал Ивашка из сумы кусок глины и раз, два – слепил царевне игрушку. Потом попросил у царевны заколку из волос, что бриллиантами блистает, и такие ей рисунки этой заколкой на игрушке сработал, что диву можно дать.

– Вот видите, – говорит царь грозно, повернувшись к вельможам, – не знаете вы свой народ, дармоеды. Привыкли к заграничному...

Вельможи сконфузились, молчат и только зло на Ивашку поглядывают.

– Тогда разрешите мне ещё своего хлеба перед смертушкой откусать, – говорит Ивашка, – а сам из сумы калач достаёт и кусок отламывает.

«Что? Что это? Что такое!?» – задвигали носами вельможи, принюхиваясь.

– Что ты ешь, Иваша? – ласково спрашивает Царь Спиридон. – Уж больно запах вкусен и мне ранее неведом. Может быть, мне дашь попробовать?

– Можно и дать. – Сказал нехотя Ивашка, отломил и дал по куску царю и царевне. Остальное из рук Ивашки вельможи выхватили и стали свои рты набивать, да заморских кондитеров хвалить и всё про то же говорить, что мужицкий сын купца де убил и теперь они не узнают в какой стране убиенный купец это кушанье купил.

– Что вы заладили! Купца убил... Купца убил... – говорит Ивашка, обращаясь к вельможам. – Да нигде этот калач не покупался и никого я не убивал. У нас в деревне каждая хозяйка по праздникам такие калачи выпекает. Возьми хоть моих снох. Они хотя меня и тузят, то ухватом, то сковородником, однако на дорогу калач дали. – И улыбнулся. – Калачи у них отменные получаются, одно слово – мастерицы-ы-ы...

– Удивил ты меня во второй раз, – проговорил царь. – Стало быть, эту вкуснейшую еду снохи твои состряпали?

– Как есть, они. Батюшка царь.

– В жизни такого лакомства во рту не держал, – говорит царь Спиридон, – пережёвывая ломоть калача. Вот уж воистину такого мой язык никогда в жизни не ощущал. Как бы вместе с калачом и язык не проглотить.

– Что, понравилось!? Батюшка царь, – весело говорит Ивашка.

– Очень понравилось, Ивашечка, очень.

А Ивашка, увидев, что от калача и крошек не осталось, достал гармошку с колокольчиками, да как растянет мех, да как нажмёт на лады, да как вдарит в колокольцы.

«Что это!? Что так красиво и игриво звучит?» – спрашивают друг друга придворные, а сами ногами притопывают в такт музыке и всё чаще и чаще. Царь тоже ногами задвигал, глядь уже вприсядку пошёл, коленца выкидывает. Тут уж, даже тот, кто стоял в дальних уголках площади не мог на месте устоять. Вельможи тоже животами заколыхали и уж через минуту другую стали сбрасывать с себя дорогие шубы, чтоб пляске не мешали. И до того расплясались, что царь стал просить Ивашку остановиться, потому как люди от усталости на землю стали валиться и продолжали лёжа ногами в такт музыке дрыгать.

– Ух, развеселил! Такой музыки моё ухо отродясь не слыхивало, такого весёлого инструмента я не встречал. Вот, бестия, где ты такую гармонию взял?! – спрашивает царь Ивашку.

«Не иначе купца ограбил, что из заморских стран возвращался и гармонь вёз», – говорят царю вельможи, поостыв от пляски и снова водружая на себя дорогие шубы.

– Отвечай, – говорит царь Ивашке, вытирая платком со лба пот. – Народ спрашивает и на тебя суд наводит.

– А что отвечать!?! – весело говорит Ивашка. – У меня братья ещё лучше гармошки с колокольчиками умеют делать, они и звучат лучше, и перебор у них приятнее. Только делают мало. По вечерам, жёны прядут, а они гармошки клепают. У нас в Саратовской земле и не такое можно увидеть.

– Значит, гармошки тоже в Саратовской земле делаются?! – изумилась царевна.

– А где же ещё. Я за границей отродясь не был.

«Не верьте этому мужику, батюшка, – говорят чуть ли не хором придворные. – Купца он убил. А потому он убил, что у нас в царстве такого, чего за границей есть, никогда не было, нет и быть не может. Стало быть, преступление налицо».

А царевне уж больно Ивашка понравился. Не было у неё раньше таких женихов. Много всяких было, и из луков стреляли хорошо, и на кулаках бились, и на лошадях верхом скакали, и на мечях сражались. Только это всё не то. Руками-то они делать стоящего ничего не умели. Эх, её бы мысли да царю в голову.

Царевна рядом стоит, плачет, по Ивашке слёзы льёт, а царь Спиридон думу думает, как с Ивашкой поступить. Не хочет он за простолюдина царевну отдавать. «Казнить бы его, – думает, – тогда и вопросов никаких. А с другой стороны, как же казнить, когда он сам царь всея Руси признался перед всем честным народом, что

то, что Ивашка показал, он и не видывал, и не слыхивал, и языком не ощущал. Тут дело не простое. И так народ говорит, что я из-за жадности парней гублю».

Рядом вельможи царю шепчут: «Нельзя, чтоб Ивашка вашим зятем стал. Тогда мы должны будем с ним за одним столом сидеть, кланяться...»

– Цыц! Охолоньте, – прицыкнул на них Спиридон... – Позвать звездочёта, пусть рассудит.

Привели звездочёта. Посмотрел звездочёт на игрушки, что у Ивашки были и какие он только что сделал, послушал, как он на гармошке играет и говорит:

– Ты хотел царь-батюшка видеть то, чего око не видывало. Вот и увидел. И больше того увидел. Узрел не только чудные поделки, но и мастера, что игрушки сделал, он же является твоим подданным. А это больше чем поделки.

Затем звездочёт послушал Ивашкину игру на гармошке и говорит:

– Ты, батюшка-царь, не только услышал прекрасную музыку на неведомом инструменте, но узрел и мастера, который умеет на этом инструменте играть. А это больше чем просто инструмент. Славно то, что гармонь делается в твоём царстве.

«А калач... Калач... Про калач-то сказать нечего, – стали говорить вельможи, – Ивашка его не пёк».

– Ивашечка, кто у вас в деревне печёт такие калачи? – спрашивает царевна.

– Да, почитай, в каждой избе по воскресеньям пекут,
– просто отвечает Ивашка. – Этот калач жёнки моих старших братьев испекли и в дорогу мне дали.

– Вот видите, – продолжил звездочёт, – Эти калачи в Саратовском крае всяк печёт, а не избранные хлебопёки. Стало быть, саратовский калач, это больше чем калач, это ещё и наука его выпечки, которым обладают твои подданные, а не изделие, привезённое из-за границы. – С этими словами звездочёт, поклонившись царю, отошёл в сторону.

Выслушав звездочёта, царь Спиридон говорит: – Повелеваю! – пусть Ивашка женится на царевне, пусть Ивашкины снохи мне по воскресеньям калачи пекут, а сам Ивашка пусть игрушки лепит и на гармошке с колокольчиками играет. Братья его пусть гармошки с колокольчиками делают и народ веселят. – После этих слов стукнул царь Спиридон посохом в землю и встал. Народ царю в пояс поклонился.

На том и сказке конец. С тех пор прошло много времени, но до сих пор в Саратове делается прекрасная гармошка с колокольчиками, выпекается вкусный калач и лепятся глиняные игрушки с особым штамповым декором, что и глаз не оторвать.

Саратов, 2019, 12 сентября.

Серебряная стерлядь с золотыми плавниками

Решил Змей-Горыныч завоевать русское царство. Знает Горыныч, что ни дед его, ни отец, ни он сам – никто за тысячу лет не мог раз и навсегда его покорить. Налетит кто-либо из змеиного семейства на Русь, войско царское разобьёт и ну свои порядки устанавливать, дань налагать. Дед Змея-Горыныча, дань молодыми девушками брал и их целыми дюжинами проглатывал; отец – так тот непременно зерно отбирал, коров и овец, а уж сам Змей-Горыныч любил детишками малолетними живот набивать. Проглотит их живьём, и они у него ещё долго в животе плачут и отца с матерью зовут, чтобы их спасли.

И вот какая штука непонятная с такими завоеваниями происходила. Вроде бы уже и русское царство покорят, и данью обложат, а не тут-то было, обязательно в земле русской найдётся богатырь, что змея не побоится и выйдет с ним на бой. Да хоть возьми того же Никиту Кожемяку. Мял он там себе кожи и мял, и Змей-Горыныч, ему нисколько не мешал. Так нет же, простой мужик, а пошёл за свою землю биться. Горыныч потом сто лет от этого Кожемяки на дне морском в себя приходил. И вот, когда он от побоев Кожемякиных оправился, то решил уже такой ошибки в завоевании русского царства больше не совершать,

напролом не лезть и на силу свою не надеяться. Захотел змей одолеть русское царство иным способом.

Правил в это время в земле русской царь Тимофей. Был он человек добрый, простодушный, неспесивый, обременительный оброк на крестьян не накладывал, министрам велел жить тихо и смиренно, особо своих жён не наряжать, лишних нарядов не заводить и народ этими нарядами и собственными дворцами и экипажами не злить, а иметь всё по разумной достаточности, как православная вера велит. Народ был царём Тимофеем доволен и потому не бунтовал. Министры же царские наоборот, царя Тимофея за то, что он им пышно жить и расхищать государственное добро не позволял, не любили и между собой злословили.

Разумеется, царь каждому человеку в государстве приказы не отдаёт, а отдаёт их министрам, а уж те эти приказы выполняют. Вот Змей Горыныч, пользуясь доверчивостью и простодушием царя Тимофея, а ещё больше нелюбовью к нему министров, решил хитростью переманить на свою сторону в русском царстве влиятельных царедворцев и министров, для того чтоб они Горыныча указы выполняли, а не царя Тимофея. Для выполнения этого плана, он пригласил Бабу Ягу и приказал ей собрать всех сорок, которые только в небе летают, и представить их ему для беседы.

Наутро все сороки были собраны. Трескотня стояла неимоверная. Вышел к ним Змей-Горыныч и говорит:

– Летите сороки в русскую землю и рассказывайте там всему народу и особенно министрам и царедворцам о том, как хорошо живётся в царстве Змея-Горыныча. Говорите, что в земле его колосья пшеницы, ржи и овса в человеческий рост вырастают. Из одного колоса можно хлеб испечь. А лошадей и коров столько, что лугов не хватает, чтоб их пасти. Каждая корова по целой бочке молока за раз даёт. Мёд и масло в его царстве не переводятся и всё потому, что Змей-Горыныч правитель просвещённый, грамотный, науку уважает и о своих подданных заботится. Поняли!?

– Поняли! – кричат сороки.

– Только смотрите не говорите, что все эти богатства я грабежом других стран нажил, головы посворачиваю, – и пальцем погрозил. – А о государстве царя Тимофея трещите, как о допотопном, убогом, бедном и человеконенавистническом. Будете так говорить – я в долгу не останусь. Понятно!!?» «Та-к то-ч-но, ва-ше Зм-ее-вы-со-че-ст-во!!!» – протрещали тысячи сорок и полетели в русскую землю приказ змея выполнять и тень на плетень наводить.

После того, как сороки разлетелись, Змей-Горыныч говорит Бабе Яге:

– Молодец Ягуда, что сорок собрала! Сороки птицы хвастливые и ума недалёкого, прибавлять любят к

сказанному. Это дело ты для меня сделала, сделай и другое, секретное. Превратись-ка, Ягудочка, в красивую девушку и преподнеси царю Тимофею вот этот платочек, гладью вышитый. Он колдовской. Как только царь Тимофей платочек в руки возьмёт, то и голову потеряет. Ему будет не до министров и не до царства своего. Твоей руки просить будет – ты не отказывайся, в жёны к нему иди, рядом с царём будешь.

Когда станешь царицей, то никого кроме себя к Тимофею не допускай, потому как, расколдовать могут; сама министрами его руководи. Да будь с ними поласковой, золотом убожай. Министры во всех царствах вороватые, да жадноватые и Тимофеевы министры в этом не исключение. Поняла??

– Поняла, поняла... Я, сам знаешь, понятливая, – быстро проговорила Баба Яга. – Всё сделаю, как велишь, Горынюшка мой. Только я не за Тимоху – царька замуж собираюсь, а за тебя, чтоб стать владычицей змееносной.

– Будешь, будешь, милая Ягуда, владычицей змееносной, – заверил Бабу Ягу Змей Горыныч. – Ты мне главное – дело состряпай. Ох, и заживём мы тогд-а-а!!!

– Не беспокойся, Горыныч, Бабка Ёжка своё дело знает, не подведу, не впервой! – И баба Яга улетела.

Как видите, Змей Горыныч называет Бабу Ягу ласково Ягудой и даже Ягудочкой, а она его

Горынюшкой величает. Вот два сапога-пара. Посмотрим, что у них дальше из их затеи выйдет. Распланировал Змей-Горыныч хорошо, знает, что министры у царя Тимофея вороватые и на золото падкие, и если им золото дать, то не только царство, а и отца с матерью продадут.

Летают по Руси сороки Змея-Горыныча и всем рассказывают о том, как в змеином государстве все люди живут счастливо и жизнью наслаждаются. А у царя Тимофея нет в государстве порядка супротив царства Змея Горыныча. Да и сам царь Тимофей пить стал, молодицу в жёны взял, Ягудой зовут. Царь Тимофей её Ягодкой называет, и никуда без неё не ходит и не ездит, во всём ей доверяет. Ягуда все бумаги царские подписывает и царской печатью скрепляет.

Министрам же царским от многих сорочьих разговоров очень захотелось посмотреть змеиное царство и узнать – правду ли о нём сороки толкуют, что там так хорошо. Они к Ягуде с поклоном пришли и просят: «Уговори, мать родная, царя, чтоб разрешил нам съездить за границу и одним глазком посмотреть на змеиную землю, на царство его, больно уж хороши, говорят, его земля и царство!»

– Поезжайте, поезжайте, родные, – ласково говорит Ягуда министрам. – Я царя Тимофея уговорю, как только он проснётся. Не сумлевайтесь.

«Спасибо! Заступница наша», – хором сказали министры и поехали наперегонки за границу. А как только они туда приехали, то Змей Горыныч стал их обольщать. Возит он министров по ресторанам, дорогие украшения их жёнам дарит. Тимофеевым министрам лучшие экипажи подают, вино дорогое в бокалы наливают, награды на них сыпятся, слуги Змея Горыныча им низко кланяются ...

«Эх, хорошо у Горыныча живётся! – говорят министры, – лучше, чем у царя Тимофея. Здесь тебе и почёт, и уважение, и вольности всякие, что царь Тимофей нам не позволяет».

Только они это произнесли, а Змей Горыныч тут как тут. Говорит им:

– Будете мне служить, то до конца своих дней станете жить так, как сейчас у меня живёте!

«Хотим так жить!» – отвечают министры.

– А раз хотите, тогда, поезжайте на Русь и выполняйте указания Ягуды, молодой жены царя Тимофея. И нисколько ей не перечьте. Её слово для вас закон! Поняли!?!?

«Поняли! Как не понять...» – отвечают министры.

– А чтоб ещё лучше поняли, вот вам по золотому ордену, а жёнам по серьгам самоцветным.

Все министры взяли и ордена, и серьги для жён, а военный министр не взял, в сторону отошёл.

– Почему из лап моих награду не берёшь? –
Спрашивает Змей-Горыныч министра.

– Не к лицу мне военному министру брать награду от лютого врага русского царства, – отвечает министр.

– А зачем тогда приехал? Шпионить?!

– Врага надо знать в лицо, с этим и приехал.

– Умён ты, министр, но дерзок, – говорит змей. –
Понравилось мне, что ты Родину не продаёшь. Хоть ты мне и враг, но мужество я ценю, потому убивать тебя не буду, а скажу Ягуде, чтобы сослала она тебя в самую, что ни на есть, дальнюю деревеньку, что на Руси имеется. Будешь там землю с мужиками пахать, да свиней пасти и радоваться тому, что жив остался.

Другие же министры обрадовались наградам, поклонились Змею Горынычу в пояс и домой, в Москву, поехали. А как только они приехали, и стали по слову Змея Горыныча обязанности исполнять, то в русском царстве сразу неурядица пошла. Например, надо отправить обоз с кожами из Москвы в Киев, а его отправляют в противоположную сторону, в Казань. И так во всём. Возят этот воз по стране, возят, да так за бесценок Змею Горынычу и отдадут.

Змей Горыныч, понимает, что это его хитрый план срабатывает. Раньше он дань с Руси силой собирал, а теперь воевать с царём Тимофеем и проливать кровь змеиную не надо, дань сама в руки Змея Горыныча идёт, где кожами, где мехами соболиными, где скакунами. Змей только Тимофеевых министров похваливает, да

щедро награждает, а особо отличившихся своими подданными сделал и даже замки им разрешил в своём царстве построить или купить, потому как жёны, особо отличившихся, совсем не захотели в своём отечестве жить и тут же к змею Горынычу переехали.

Воинство же царя Тимофея Горыныч до того довёл, что дальше некуда. Новый военный министр всё войско разорил. Захочет царь Тимофей войско собрать, отдаст приказ, а воевода только позёвывает, и войско собирать не спешит. Воевода на этот счёт десятки отговорок находит, то лошади у конницы без сёдел, то копыта не точены, то овса лошадям не завезли. В результате, если раньше войско собиралось за полдня, то теперь его собрать и двух недель не хватает.

Военных учений министр тоже не проводит говоря: «А чего их проводить. Лишний раз скакать – только подковы стирать. Казне убыток». А сам в это время подсчитывает, сколько ему змей за такое руководство войском золота даст.

Покатилась эта беда от столицы по всем землям Тимофеева царства. Услышали о ней в саратовской земле глиняный петушок, гармошка с колокольчиками и хлебный калач. И не от людей услышали, а от самого опального царского воеводы, которого к ним в деревню Малую Крюковку сослали, чтоб пахал и сеял, и как простой мужик жил.

Послушали друзья рассказ воеводы и решили избавить страну от этого горя. Стали они думу думать, как царя расколдовать и как министров заставить не Змею служить, а своему государству русскому. Думали они, думали – так ничего и не придумали. Решили обратиться за советом к Ворону, что тысячу лет живёт на дубе и всё знает. Люди добрые подсказали, где тот дуб растёт.

Пришли они к тому дубу и говорят ворону: «Полонена русская земля не мечом, а обманом и хитрым планом. Как этому горю помочь?»

– Не знаю, – отвечает ворон. – Только все ходят и ходят, спрашивают, и спрашивают. Всем то, то скажи, то это; никакого покоя, думать мешают. Двести лет назад приходил Иван-царевич, а пятьсот лет назад заезжал Соловей-разбойник. И всё ходят и ходят, спрашивают и спрашивают, и никак не угомонятся. Будто ворон – справочное бюро! Лучше сходите к реке, на которой Саратов стоит. В реке той живёт царь-рыба – серебряная стерлядь с золотыми плавниками, у неё спросите, она знает, – и ворон повернулся хвостом к посетителям, говоря тем самым, что разговор закончен.

– Спасибо, Ворон, – проговорил калач. – Помог ты нам. Знаем теперь куда идти и что делать. Будь добр, прими от нас небольшой подарок, и он кивнул глиняному петушку и гармошке. Гармошка сразу заиграла плясовую, петушок стал плясать и коленца

выкидывать, а калач отломил от своего бока и подал ворону частичку калача.

Повеселел ворон, услышав игру на гармошке и увидев задорный перепляс петушка. А уж, когда он отведал калач, то и совсем, передом к посетителям повернулся и даже на суку, где сидел, приплясывать стал. После выступления друзей, похлопал в знак благодарности крыльями и проговорил:

– Тысячу лет меня никто так не веселил, тысячу лет я такого не едал. А теперь скажу так. То что я вам сказал – это не вся правда, а только полправды. А почему полправды скажу. – Ну, придёте вы к реке Волге, а дальше что? – и, выждав паузу, добавил, – а ничего дальше и нет. Как увидеть серебряную стерлядь с золотыми плавниками, владычицу всех рек? – вы не знаете, как до неё добраться? – не ведаете. Вот потому это и полуправда, что знать знаете, а взять не можете.

«Так скажи нам, воронушка, скажи, родной, как нам царицу речную увидеть? Мы в долгу не останемся», – стали просить ворона друзья.

– То-то же... Уразумели!! – засмеялся ворон. – Скажу, конечно, скажу. Так вот слушайте. – Как подойдёте к реке, то на берегу увидите лодку с разошедшимися бортами. Лодку эту просмолите и на воду спустите. Как только лодка будет готова – плывите на середину реки, там играйте, пойте и пляшите. Та рыбка, что из воды голову высунет, чтобы вас послушать, она и

будет горничная серебряной стерляди с золотыми плавниками.

Только увидите эту рыбку, сразу петъ и играть бросайте. Горничная будет вас просить продолжить концерт, а вы не соглашайтесь, говорите, что сыграете и спляшете, только услуга за услугу. Пусть покажет дорогу к царице в пучине речной. И стойте на этом крепко-накрепко. Вот теперь всё. Дальше сами увидите, что вам делать. Идите с богом.

После этих слов трое товарищей поклонились ворону, и пошли на берег Волги.

На берегу реки они нашли лодку с разохшимися бортами, развели костёр и стали её смолить. Закончив работу, они спустили лодку на воду, сели в неё и приплыли на средину реки, где петушок и гармошка стали играть, петъ и плясать. Калач в это время смотрел на воду и ждал, когда над водой появится голова рыбки. И рыбка не заставила себя долго ждать. Её головка с красивым ожерельем высунулась из воды прямо около калача. Калач подал друзьям знак, и они сразу бросили играть и петъ. На что рыбка проговорила человеческим голосом:

– Никогда не слыхивала и не видывала такой музыки, таких песен и такой пляски. Нельзя ли, господа, продолжить ваш концерт, это прелестно.

– А мы закончили, – сказала гармошка, – до свидания.

– Как закончили!? Я прошу вас поиграть хотя бы ещё немного, – проговорила рыбка.

– Поиграем и попоём, только услуга за услугу, – сказал петушок. – Ты нам за это покажешь дорогу к серебряной стерляди с золотыми плавниками.

– Ах, вам нужно увидеть царицу рек и озёр! – воскликнула рыбка-служанка. – Очень хорошо. Я провожу вас к царице, и там вы покажете ей своё искусство играть, и плясать, она будет рада, следуйте за мной, – и она нырнула в речную гладь.

– Да я же размокну, – испуганно проговорил калач, – Я так не договаривался, чтоб в воду лезть...– Только он это произнёс, как вдруг перед товарищами расступилась водная гладь и они увидели дорогу с водяным сводом и водяными стенами, идущую в глубины речные. Ни сколько не думая, петушок, гармошка и калач вылезли из лодки, и пошли по этому тоннелю.

Дорога уходила всё глубже и глубже, воды перед ними расступались и они шли по водному тоннелю всё дальше и дальше. По бокам и сверху они видели прекрасные картины речного мира, плавающих больших и маленьких рыб. Рыбки подплывали прямо к кромке водяной стены и изумлённо смотрели на гостей из воздушного мира.

Долго ли коротко ли они шли, только пришли они к удивительному подводному замку, построенному из золотых и серебряных ракушек и украшенному камнями самоцветными. Смотрят – к воротам замка

ведёт дорожка лазуритовая. По бокам дорожки цветы невиданные растут.

– В этом замке живёт владычица речная, – проговорила рыбка проводница. – Сейчас ей о вас доложат.

– А как же мы дальше пойдём, сухая дорога кончилась и водяной тоннель тоже? – вымолвил испуганно калач. Он никак не хотел отсыреть в воде. – Нет! Вы, братцы, идите, а я вас здесь подожду. Мне намочить не резон.

– А вы идите, идите, не бойтесь, – подбодрила их рыбка, и петушок первым шагнул из тоннеля на дорожку, прямо в водяную стену.

И вдруг, каким-то непостижимым образом, все трое очутились как бы, в стеклянных комбинезонах. Вода омывала друзей, но к ним не прикасалась. Откуда-то появились два в человеческий рост окуня в ливреях и шляпах. Они, поклонившись, открыли двери замка, и повели друзей по великолепным залам дворца. Их убранство было настолько необыкновенным и непривычным и в то же время восхитительным, что друзья замедлили шаг, чтобы всё рассмотреть и запомнить.

Они прошли по перламутровому залу, затем по залу, где были собраны все речные и озёрные водоросли. Некоторые из них испускали непонятный для земного глаза свет, а другие колыхались, хотя вода вокруг была неподвижной. Затем друзья попали в зал, где были

представлены речные суда с древности по сегодняшний день. Все суда были в отличном состоянии.

– Это же подводный музей! – воскликнул петушок. Рыбка подтвердила его слова, сказав, что это зал музея подводного речного царства.

И вот они подошли к высоким нефритовым дверям. Перед этими дверями стояли два налима с алебардами. Рыбка подплыла к дверям, что-то сказала налимам, те приоткрыли дверь, рыбка шмыгнула вовнутрь и через две-три минуты вернулась, сказав, что царица готова их принять. В это время двери широко раскрылись, и друзья увидели большой аметистовый зал, в глубине которого на троне изукрашенным кораллами восседала царица речная.

Петушок, гармошка и калач вступили в зал. Перед ними появился какой-то водный вельможа со звёздами на жабрах и спине и громко произнёс в поясном поклоне и жестом в сторону трона: «Её водное величество Стерлядина-осетрина Волжская и всех рек и озёр!!!». И тут друзья увидели царицу совсем рядом. На троне величественно восседала в серебряном одеянии с золотыми плавниками повелительница всех рек и озёр Стерлядина-осетрина. Серебряное одеяние её было обшито красивой каймой из драгоценных камней, а по золотым плавникам шли платиновые вставки с изумрудами. Откуда не возьмись, появилась стая

маленьких золотых рыбок, которые закружились в танце перед троном.

– Оставьте это. – Сказала речная и озёрная повелительница и махнула платочком. Рыбки сразу исчезли. – Зовите меня просто – Стерлядина. – Проговорила она, обращаясь к друзьям милым голосом, который напоминал журчание ручья и улыбнулась. – Я слышала о вас и вашей прекрасной игре, и пляске. Но я не знаю, что привело вас в лоно речных вод, думаю, что это не просто праздное любопытство. Ради простого любопытства никто не рискует жизнью, не так ли?

– Так, матушка владычица речная, – проговорил петушок. – Дело у нас к тебе великое.

– Говорите и не смущайтесь. Я слушаю.

– Мы из царства русского.

– Это от царя Тимофея? – уточнила царица.

– Да, мы из его царства, – подтвердила гармошка и звякнула колокольчиками.

– Прекрасный царь. – Сказала Стерлядина. – Я его уважаю. Справедливый, простой, народ любит, министров своих в строгости держит.

«Так нет теперь этой строгости, матушка! Совсем нет!» – разом воскликнули друзья.

– Царь Тимофей женился на молодой Ягуде, – продолжил говорить петушок, – и совсем от дел по управлению государством отошёл. Теперь Ягуда всем управляет. Да так управляет, что разор в стране пошёл. Обозы с товарами идут не туда куда надо, мастерские

кожевенные, стеклодувные, шерстобитные и другие простаивают и ржавеют; товары обозами Змею Горынычу везут и за бесценок отдают; какая же это торговля, когда за бесценок, это узаконенный грабёж, а не торговля. Вид один, что торгуем, а сами, таким образом, дань Змею Горынычу платим. Мы так полагаем. Потом, воинство в царстве без всякой дисциплины. Да и откуда дисциплине взяться, когда воины полуголодные, по деревням ходят, побираются.

– С чего всё это началось? – спросила Стерлядина и нахмурилась.

– Люди говорят, что платочек Ягуда дала царю Тимофею, – вставил калач. – С этого момента царь Тимофей и умом тронулся. Чистый ребёнок стал. Всё смеётся так заливисто и в ладошки хлопает, а до царства ему и дела нет.

– Эвон, какие дела в царстве русском... – произнесла Стерлядина и призадумалась. Застыли в ожидании, что она скажет, присутствующие в тронном зале. Это ожидание длилось недолго. – А что грустить!!! – громко сказала Стерлядина. – Всё поправимо. Ох уж этот хитрец Змей-Горыныч! Ой, хитрец! Раньше всё силой налегал, а теперь решил хитростью чужое взять. И ведь удалось ему это сделать. Ой! Удалось. – И тут же скомандовала: – Позвать ко мне ерша самого мозговитого, что сто лет в норке сидит и не вылезит!

Приплыл старый ёрш, поддерживаемый с двух сторон слугами царицы.

– Я тебя позвала потому, что в царстве царя Тимофея случилось ужасное... – произнесла Стерлядина.

– Не надо, госпожа, ни о чём говорить, я всё знаю, – прошамкал ёрш беззубым ртом. – Знаю я, как вздумать заколдованного царя Тимофея. Только дело это не просто-о-е.

– Говори! – Строго потребовала Стерлядина.

– Дам я им одну свою иголку из верхнего плавника. Пусть ей уколят царя Тимофея и чары с него сами упадут. А тот, кто на него эти чары навёл, предстанет перед ним и перед народом в своём истинном обличье, – и он поклонился царице речной. Затем старый ёрш подплыл к Стерлядине и та выдернула у него из верхнего плавника одну иголку, одела на неё футлярчик и передала её петушку, гармошке и калачу. Петушок принял футлярчик с иголкой и поклонился в пояс. Поклонились Стерлядине и его друзья.

– Ну, вот мы и решили вашу проблему, – сказала, улыбнувшись, Стерлядина. – А теперь покажите, что вы умеете. Я слышала о вашем искусстве много хорошего.

В ответ на её слова гармошка тут же заиграла, а петушок запел, после чего ритм участился, петушок и калач заплясали, затем музыка уравнилась и все в зале стали танцевать.

Ах, что это были за песни, что за пляска и танцы, такого Стерлядина в жизни не видела. Она оставила трон и тоже присоединилась к танцующим. Придворные рыбки едва успевали заносить за ней шлейф её великолепного серебряного платья, а золотые плавники колыхались в такт музыки.

– Такого удовольствия я никогда не испытывала, сказала царица речных и озёрных вод после танцев. – Всех за стол. Будем угощаться. Кушать всем!

Откуда ни возьмись, появились столы, а на них всевозможные яства. Придворные набросились на еду, а калач в это время отломил кусочек от своего бока и подал Стерлядине.

– Угощайтесь, царица речная и озёрная, – проговорил он скромно.

– Что это? – спросила та изумлённо. – Всегда я всех угощаю, а сейчас угощают меня. Инте-ре-сн-о! – Она взяла плавниками кусочек, что ей дал калач, положила в рот и стала жевать. Ах, какое сияние исходило при этом от лица Стерлядины. Удовольствие читалось в каждом лучике её глаз.

– В жизни такого не вкушала, – проговорила она. – Передайте царю Тимофею, когда освободится от чар и выздоровеет, пусть пришлёт мне в качестве подарка музыку, глиняную игрушку и это благородное кушанье. Услуга за услугу.

– Обязательно, передадим, повелительница рек и озёр, – хором сказали друзья и поклонились царице.

– А теперь идите и не забудьте, что царя необходимо обязательно уколоть, – сказала на прощание Стерлядина, – а то так и останется взрослым ребёнком.

После того, как друзья очутились на водной глади и в своей лодке, они сразу стали обдумывать план действий.

– Давайте проберёмся во дворец, спрячемся там, где царь Тимофей ходит, подкараулим и уколем его плавниковой косточкой, – предложила гармошка.

– Не получится, – ответил ей петушок.

– Почему же не получится!? – заупрямилась гармошка.

– А так и не получится. После того, как Ягуда стала всем управлять, около царя всегда не меньше десяти вооружённых охранников находятся, не считая дворцовой челяди. Кто же нас допустит к нему. И шага не ступим, как пику к горлу приставят.

– Петушок прав, – со вздохом проговорил калач. – Подбежать и уколоть – не выйдет.

– Тогда давайте на улице, у дороги подкараулим, – упорствовала гармошка.

– На улице охраны ещё больше. – Подчёркивая бесполезность этого шага, махнул крылом петушок.

– Я предлагаю плавниковую косточку вложить в меня, – тихо проговорил калач.

– Как это в тебя? Поясни, пожалуйста, раз предлагаешь, – сказал петушок.

– Пусть пояснит? – поддержала петушка гармошка.

– Всё очень просто, – начал калач. – Операцию назовём «калач на пробу». Режем частично меня на небольшие дольки. В одну из этих долек закладываем плавниковую косточку. Это будет совсем незаметно, косточка маленькая. Встанем у дороги и будем всем проезжающим и проходящим давать кусочек калача на пробу. Ты, гармошка, будешь играть, петушок плясать, то есть, внимание привлекать. Царь будет проезжать и обязательно обратит внимание на песни и пляски. Его слуга спросит о том, что здесь происходит? Вы говорите слуге, что даёте на пробу людям кусочек нового кушанья с названием «Саратовский калач» и добавляете: «Все кто пробовал – от калача в восторге».

Царский слуга доложит об этом царю и царице. Царь – большой любитель покушать, обязательно заинтересуется новинкой. Это я вам гарантирую. А уж как дальше идея сработает, никто сказать не может. Главное – дать царю кусочек калача с косточкой, чтобы он сам и укололся.

– Я за это предложение, – проговорила гармошка.

– Только вы меня всего до конца не изломайте, – предупредил хлебный калач, – иначе, как же я возникну снова. Я вновь могу произрасти только из оставшейся части.

– Ладно, ладно. Не беспокойся. Всего не изломаем, – убедительно ответил петушок.

Целую неделю находились у дороги петушок, гармошка и калач, ожидая царёва выезда из дворца. И вот дождались. На дороге показалась царская кавалькада. За нею – двадцать лошадей, запряжённых цугом, везли царский открытый экипаж. Любил царь летом прокатиться не в карете, а в экипаже, чтоб ветерком обдувало. Едет царь и вдруг до его слуха донеслась прекрасная музыка.

– Что это такое? – удивлённо произнёс царь Тимофей, – красивая музыка в моём царстве, интересный ритм? Немедленно узнать, что это такое!?

– А может быть не надо, – испугалась Ягуда, что сидела рядом, – мы что, скоморохов не видели?..

– А я говорю, узнать, – проговорил царь своенравно. «Ладно, пусть потешится, – подумала Ягуда, – мне это ничем не грозит».

– Узнать, что там такое!? – приказала она слугам.

Слуги бросились к толпе и, расталкивая людей, выяснили причину шума и вернулись к царёву экипажу.

– Что там? – спросила Ягуда.

– Новое кушанье предлагают попробовать, ваше величество, саратовский калач какой-то!

– Никогда не слыхивал о таком кушанье, – проговорил царь. – Желаю попробовать.

«Царь желает попробовать!!!» крикнули слуги, что были рядом с царём. «Царь желает попробовать!!!» повторили слуги, что были дальше. «Царь желает

попробовать!!!» – крикнули слуги совсем рядом с петушком, гармошкой и калачом.

– Всегда, пожалуйста... – Проговорил петушок и подал в туеске из бересты кусочек калача для царя.

Однако, Ягуда в самый последний момент что-то заподозрила и выхватила у слуги туесок с калачом.

– Всё пропало! – ахнула гармошка, – увидев туесок в руках Ягуды.

– И совсем не всё – сказал петушок, захлопал крыльями и взвился вверх. Он пролетел над слугами, очутился около кареты. Затем ловко выхватил туесок из рук царицы и поставил его на колени царю Тимофею.

Царь же Тимофей, находясь под колдовскими чарами, как ребёнок схватил кусочек калача и начал им дразнить Ягуду, вертя кусочком перед лицом царицы, повторяя: «Попробуй, отбери! Попробуй, отбери!» Ягуда старалась выхватить кусочек калача из рук царя, но у неё это никак не получалось. И вот, когда она уже была близка к цели и почти завладела туеском, в этот момент царь Тимофей вдруг проворно бросил кусочек калача в рот и как ребёнок, показал царице кончик языка, что мол, съела...

«Ах» – произнесла Ягуда. «Ох!» – проговорил царь, сидя с приоткрытым ртом и страдальческой миной на лице.

– Что, неужели калач отравлен? – всполошилась Ягуда, но царь широко открыл рот и придворный лекарь

ловко вытащил из его рта рыбью косточку, всем её показал и произнёс:

– Царское величество укололось рыбной косточкой! – затем бросил её на дорогу. Царь на это хотел что-то сказать царице, только вместо неё рядом в коляске уже была не молодая красивая царица, а сидела старая согбенная с длинным прыщеватым носом древняя старуха в заплатах одежке и костлявыми руками.

– Ты кто такая!?! – жёстко спросил бабу царя. Но та не ответила, а спрыгнула с коляски, и на карачках полезла под неё, а когда её почти схватили, вдруг исчезла. Тогда слуги и, окруживший царскую коляску народ, поняли, что у них была за царица. Поняли, что это была никакая не молодая царица, а настоящая баба Яга. Царь Тимофей, после такого превращения приказал немедленно позвать к нему войскового министра. И все по его жестам и приказам увидели, что Тимофей стал таким же разумным человеком как и прежде. Исчезли с его лица детское выражение, беззаботность и игривость.

– Нет его, ваше величество. Воевода сослан бывшей царицей в деревню Малая Крюковка, – отрапортовал слуга.

– Как сослан!?! – рассердился царь Тимофей. – Вернуть его из деревни немедленно.

«Будет исполнено!» – гаркнули слуги, и несколько верховых галопом бросились исполнять царёв приказ. В это время на дороге показался обоз из двадцати подвод.

– Узнать, кто такие, и куда путь держат? – распорядился царь.

Слуги быстро доставили главного в обозе купца к царю. Тот, увидев царя, упал в ноги.

– Что и куда везёшь? – спрашивает царь.

– Тамбовские мы... – испуганно произнёс купец. Везу кожи в Киев.

– А почему на Казань путь держишь? Концы света перепутал!? – спросил сердито царь.

– Нет, мой государь. Сам понимаю, что так негоже ехать, огромный крюк получается, только царица приказала товар возить именно таким образом и никак иначе.

– Возвращайся в Москву и вези прямо на Киев! – приказал царь Тимофей.

– С превеликой радостью, наш государь, – проговорил купец и крикнул возницам: – Поворачивай на Москву, теперь прямо возить будем!!! Царь в себя пришёл!!! Конец змеиной власти!!!

А змеиной власти, действительно, с этого момента пришёл конец. Перво-наперво царь Тимофей вызвал к себе всех министров. А те, прослышав про распоряжения царя Тимофея, идти к нему забоялись.

Когда же царь за ними послал вторично, с указанием – «Если не пойдут – в кандалах привести».

Совсем перепугались министры, бросились в свои кареты и поскакали вон из Тимофеева царства, радуясь тому, что в змеином царстве у них собственные замки есть. А тех, министров, кого Ягуда от государственных дел отлучила, и кого сослала в деревню, как военного министра, царь Тимофей всех на свои должности вернул. Затем, по поводу освобождения государства от скрытой змеиной неволи, устроил большой праздник. В знак особой заслуги перед государством он велел увековечить стерлядь на городском гербе, что мастера с великим удовольствием и исполнили.

А что было после этого с глиняным петушком, гармошкой с колокольчиками и с хлебным калачом неведомо. Сказывают, что они вернулись в деревню и по приглашению бывают в гостях у Стерлядины. Она всегда им рада, а ещё к ним приезжает в деревню военный министр, что был в Малой Крюковке в изгнании. Как приедет, так обязательно всей деревне подарки привозит, кому сани, кому корову, кому телегу, кто в чём нуждается. И это потому, что мужики и бабы в деревне встретили его хорошо и всяко помогли обустроиться на новом месте жительства, когда он в опале был. На этом и сказке конец.

Саратов, 2019, 21 декабря

*Внучке – Африкантовой
Ксении Константиновне
посвящается.*

Перламутровый туман

Жил был под Саратовом старик с внучкой семилеткой. Внучку семилетку звали Ксенией. Дедушка у Ксюши был лесник. Он следил за порядком в лесу, а внучка, когда он был на обходе, убиралась по дому. Домик их тоже стоял на опушке леса, окнами на реку. А ещё, недалеко от их домика, в лесу, было озеро. Точнее, это был пруд. Его запрудили бобры. Они сделали такую хорошую и надёжную плотину из деревьев, что вода никак не могла её прорвать и люди стали звать этот пруд Бобровым озером.

Ксюша, когда дедушки не было, находиться одна дома несколько не боялась. Она ходила то на Бобровое озеро, то на берег Волги, то на ручей, что впадал в Волгу, берега которого густо поросли осокой и знала многих обитателей этих мест. А ещё она была такая милая, работающая и приветливая, что и сказать нельзя. А уж, чтобы кому в беде помочь, то про то, и говорить нечего.

Тут мне читатель, или маленький слушатель могут возразить, дескать, в семь лет разве способно дитя, что-либо значительное совершить!?

– Да! Способно, – говорю я, и ещё как способно. Вот, например, Ксюша. Ходила она неделю назад на озеро. Вокруг пруда деревья разные к воде склонились, а вдоль берега бобровые хатки стоят, в них бобры живут. Идёт девочка по бережку и вдруг слышит, будто стонет кто-то. Ксюша и побежала узнать, что случилось. Подбегает к воде и видит, что подточенное бобрами дерево свалилось и бобриху придавило. Придавило так, что и не насмерть, но и самостоятельно выбраться ей невозможно.

– Как же её угодило под дерево попасть? – спрашивает девочка бобров, что вокруг толпились, но никто ничего разумного сказать ей не мог.

– Мы пытались её освободить, – проговорил седой бобёр, – но от нашей помощи ей только хуже становится. Дерево мы поднять не можем. Это нам не по силам. «Так что делать? Как спасти нашу почтенную бобриху?» – запричитали бобры.

– Вам надо переточить дерево в том месте, где оно с бобрихой соприкасается, Дерево переломится и освободит бобриху. Понятно, усатые?

Бобры взялись за работу и сделали всё так, как сказала им Ксюша. Вскоре дерево было перепилено, и бобриха оказалась на свободе. Радости в бобровом семействе не было конца. Они пригласили Ксюшу в

один из своих домиков и очень жалели о том, что девочка не могла в него войти. Тогда седой бобёр сказал:

– Ксюша! Мы обязательно для тебя сделаем домик со входом снаружи, а не из под воды, в нём будет уютно. Но, будет вход и из-под воды, чтоб мы – бобры могли приходить к тебе в гости традиционным для нас способом.

– Хорошо! – засмеялась Ксюша, довольная тем, что помогла бобрам. Она пошла домой, а бобры вышли её провожать и долго махали листиками - платочками.

– Приходи к нам, Ксюша, в любое время! – кричали они. – Мы тебе всегда рады!!!

Не менее показательный случай произошёл с Ксюшей при встрече с серой цаплей и её птенцами.

У цапли в гнезде на дереве было три птенца. Птенцы серых цапель, когда немного подрастут, имеют привычку лазать рядом с гнездом по веткам и нередко застревают в них или падают на землю. Так вот однажды под таким деревом с гнездом и нашла Ксюша одного из птенцов цапли. Сама Ксюша не могла посадить птенца снова в гнездо, сил не хватало. Тогда она сходила за дедушкой, и они при помощи палки с развилкой на конце, кое-как возвратили птенца в гнездо, и цапля была им очень благодарна. Она провожала Ксюшу и дедушку до самого дома, кружилась над ними в воздухе, а потом села на конёк крыши их

дома и долго стрекотала клювом, видно благодаря дедушку и внучку за помощь.

Ах, да! Ещё забыл рассказать одну историю. Случай не выдающийся, однако впоследствии он сыграл важную роль. Это произошло в тот же день, когда дедушка и Ксюша спасали птенца. Идут они домой, Ксюша прутиком помахивает и вдруг видит как лисонька рыженькая, свернувшегося в шар ежа, к большой луже катит. Лиса для того это делает, чтобы ёж, попав в воду, развернул свой колючий шар, а она, хитрюга, этим бы ёжиком и пообедала. Кинулась с хворостиной девочка к лисе и та, испугавшись, бросила своё занятие и убежала в лес. Вот и вся история. Ксюша на этот случай даже внимания не обратила, отогнала лису и отогнала, чего тут такого?

Все эти случаи были, можно сказать, порывами доброго сердца, только и всего. Но без этих поступков, полных сострадания и любви, не было бы и четвёртого поступка, который произошёл сразу за тремя первыми.

Однажды внучка давай деда просить:

– Давай, деда, ходим в магазин, конфет купим.

Пошёл старик с внучкой в магазин, пришёл, в очередь встал. Ксюша рядом вертится, и на большой аквариум смотрит. В аквариуме живые рыбины плавают, на людей глядят. В этом аквариуме и заметила Ксюша небольшую рыбку-краснопёрку.

Рыбы в аквариуме, видно, уже смирились со своей участью, стоят на одном месте и еле хвостами шевелят, да рты открывают. Смотрит Ксюша, а та самая краснопёрка ведёт себя беспокойно и из аквариума убежать хочет. Стала девочка к ней приглядываться. Краснопёрка тоже на девочку обратила внимание. И у них, как бы взаимопонимание вышло. Девочка ладошкой из стороны в сторону подвигает, и краснопёрка хвостом так же делает; девочка головой покачает, и краснопёрка за ней тоже повторит и при этом знаки ей подаёт из аквариума, дескать, вызволи меня отсюда.

Смотрит Ксюша, краснопёрка стала грустная-грустная и видно плачет. Она даже удивилась, – как это в воде плакать можно, чтоб и слёзы текли, и каплями на дно аквариума сбегали?

– Деда! Деда! – говорит Ксюша. – Посмотри, рыбка плачет, – и дёргает дедушку за пиджак. Показывает на аквариум.

– Кто там у тебя плачет? Стой, егоза, не вертись, – проговорил дед назидательно.

– Купи, деда, эту рыбку... – просит Ксюша и показывает на краснопёрку.

Тут парень, что стоял впереди деда, стал покупать рыбу и просит продавца выловить ему эту самую Ксюшину краснопёрку. Продавец взял сачок на палке и давай краснопёрку ловить. Да, та никак не поддаётся, ловко от сачка уварачивается. Ксюша, аж, вскрикнула,

когда увидела, что её рыбка чуть в сачок не попала. Несколько раз продавец принимался ловить краснопёрку, но поймать так и не смог. Вытащил он парню другую рыбку и тот остался доволен.

Тут дедушкина очередь подошла. Набрал дед того, сего, конфет внучке не забыл купить, а Ксюша ему всё о рыбке напоминает.

Посмотрел дед на аквариум, шумнул на внучку, чтоб не егозила, а сам думает: «Куплю эту рыбёшку, пусть внучка радуется, никого у неё, кроме меня, нет».

– Выловите, мне вот эту рыбёшку, – просит дед продавца и указывает на краснопёрку.

– Может быть, какую другую поймать? – говорит тот, – эта рыбёшка, какая - то неуловимая.

– А вы попробуйте, – посоветовал продавцу дед.

И только опустил продавец сачок в аквариум, как краснопёрка тут же в сачок сама и заскочила. Продавец был поведением рыбки очень удивлён: «То не поддавалась, а то раз – и сама в сачок прыгнула». Поместили дед с внучкой рыбку в банку с водой, чтоб не померла и домой пошли.

Принесли домой старый лесник с внучкой рыбку, да и запустили её, по просьбе Ксюши, в корыто с водой. Тут дедушка из дома по надобности вышел, а краснопёрка, как только за дедом закрылась дверь, вдруг высунула из воды голову, да и говорит Ксюше голосом человеческим:

– Спасибо, Ксюша, выручила меня и от неминуемой смерти спасла. Сослужи мне ещё службу – выпусти меня в какую-нибудь запруду, а я в долгу перед тобой не останусь. Только в Волгу не выпускай.

Удивилась девочка, что рыба заговорила. И спрашивает её:

– А ты кто?

– Я служанка цариц волжских. В реке, во дворце живут три родные сестры стерлядины, – отвечает краснопёрка. – стерлядины в реке-Волге самые главные, они – царицы речные. Кто в речных глубинах живёт – все им подчиняются: и раки, и караси, и лещи, и щуки, и многие другие рыбы.

Удивилась Ксюша сказанному, а сама думает: «Как это могут три царицы в одном месте жить и вместе царством подводным управлять?»

– А почему их три, а не одна? Царица одна должна быть... – спрашивает девочка.

– Ты права, Ксюша. Эти стерлядины – родные сёстры. У них была мать – великая царица волжская стерлядина - осетрина. Как только она умерла, то сёстры решили царство не делить, а управлять им совместно.

– Да, я видела этих стерлядин, – проговорила Ксюша, – они на нашем городском гербе нарисованы.

– А как же иначе, – заметила рыбка, – город Саратов – великий волжский город. Народ чтит свою реку и почитает речных правительниц. Не были б стерлядины

царицами волжскими, то и на гербе бы их не было. Только теперь в реке всё не так...

– А как же ты в аквариуме оказалась и почему всё не так? – спрашивает Ксюша.

– Рыбаки меня из Волги сетями вытащили. – Тихо проговорила рыбка.

– А в сети ты как угодила? Ты же служанка самих цариц речных! – удивлённо воскликнула Ксюша.

– Служанка-то я служанка. Только меня водяной обманул и в сети рыбацкие заманил, вот так я и попала в этот аквариум.

– А кто он этот – водяной? – спросила удивлённо девочка.

– Это управляющий в реке. Вообще-то у нас управляющий налим, только Водяной давно его к рукам прибрал, сам за него командует, а налим только безвольно плавниками разводит. Теперь все в реке боятся одного водяного.

– А как же стерлядины? Как они терпят этого водяного?

Краснопёрка помолчала, и еле сдерживая слёзы, сказала:

– Стерлядины сами теперь во дворце в заточении под страхом смерти находятся. Их из стеклянного дворца никуда не выпускают, и ни с кем разговаривать не разрешают. Они теперь разговаривают только со старыми служанками. Водяной хитрый, он чтобы население реки ничего не узнало о заточении цариц во

дворце и не возмутилось, стерлядин за стеклянными стенами держит, чтоб их все видели, но не слышали. Вот такие у нас в реке дела творятся.

– Ничего себе! – удивилась Ксюша, – как же освободить цариц?!

– Освободить можно, только опасно, – проговорила скорбно краснопёрка. – Главное, надо из реки убрать перламутровый туман, через который смотрят все рыбы. Дело в том, что когда смотришь через этот туман, то видишь всё наоборот. Царица плачет, а видишь ты её радостной и улыбающейся; она в рваном и грязном рубище, а видишь ты её в царских нарядах из парчи; ей дают есть непотребное в корыте, а ты видишь её за прекрасно сервированным столом.

– Это что же за чудовищный обман зрения!? – возмутилась Ксюша. – Как же так можно!?

– Ты совершенно права, – продолжила говорить краснопёрка. – Водяной изобрёл этот туман и своим изобретением прекрасно пользуется. Мало этого. К нам в реку приплывают делегации из других рек и озёр. Водяной сажает делегации в речной подводный трамвайчик и напускает в него перламутрового тумана. В результате гости видят в реке упитанных рыб, множество корма и тучи плавающего потомства. А, это всё сплошной обман.

– Где же выход из такого положения? – хмуро и задумчиво спрашивает Ксюша.

– Выход есть, – совсем тихо проговорила краснопёрка, – только перламутровый туман простыми речными средствами не уберёшь.

– Почему же?

– Потому что он живой. Это такое живое водяное облако, которое может принимать любые очертания, окраску и принимать любую похожесть. У водяного в реке есть лаборатория, где он и вывел этот туман, соединив выходящие со дна реки газы, выделения каких-то микробов и водорослей. Это мне всё налим по секрету сказал. Этот туман, совсем незаметен в воде, он даже может внушать любому свои мысли.

– Как это так?! – ещё больше удивилась Ксюша.

– А вот так. Ты под воздействием перламутрового тумана будешь думать, что это ты так думаешь, а это перламутровый туман заставляет тебя так думать и ты, не можешь его мыслям противостоять, понятно?

– Так это, подруга, чудовищно?! – воскликнула, чуть испуганно, девочка.

– Ты права. Он, Ксюша, ужасен. Но это не главный ужас. Главный ужас состоит в том, что жители реки, как бы они плохо не жили, под воздействием тумана думают и даже очень уверены в том, что они живут очень хорошо. Я сама видела этих бедных лещей, раков, язей и прочих, которым даже было невозможно доказать, что они плохо живут. Жители реки читают наши речные газеты, слушают глубоководное и мелководное радио и

во всех них пишется и говорится одна неправда. – Рыбка умолкла.

Прошло немного времени, и Ксюша спросила краснопёрку:

– Кто этому туману может противостоять в реке? Кто его может убрать из реки? Кто его сможет победить? Возможно, у водяного есть противоядие от перламутрового тумана? Должно быть, иначе водяной им сам отравится.

– Никто этот туман не сможет из реки убрать. – Сказала краснопёрка. – Противоядие есть, оно находится за пределами реки, на берегу. Когда я последний раз виделась с царицами, они сказали мне о противоядии и рассказали, где оно находится.

– А откуда царицы об этом знают? – удивилась Ксюша.

– Им сам водяной рассказал. Тем самым он подчеркнул, что свергнуть его власть рыбам невозможно, пусть даже и не замышляют; они по суше не ходят и добыть противоядие не могут. Видишь, какой он хитрый, всё продумал. Там же, во дворце стерлядин, я предложила царицам совершить побег, но они отказались. Сказали, что это будет очень заметно и их сразу поймают. Тогда они предложили мне незаметно выбраться из дворца по поддонному переходу, который выходит в подводную пещеру.

Цель моего побега заключалась в том, что возможно, я сумею рассказать кому-нибудь из людей о беде,

случившейся со стерлядинами и прочими речными обитателями. И может быть, найдётся человек, который сможет помочь подводному царству. Стерлядины говорили, что речным обитателям могут помочь только люди, потому что люди сильнее водяного и его перламутрового тумана. Царицы, когда провожали меня из дворца, думали, что водяные крысы, верные слуги водяного, ещё не стерегут подводную пещеру. Царицы ошиблись. Когда я выплывала из пещеры, водяные крысы были уже там. Мне незаметно убежать не удалось. Они погнались за мной. Их было очень много, а свернуть в сторону и спрятаться было негде.

Водяные крысы погнали меня прямо на рыбачий невод. Так я в него и попала. Когда поднимали невод, то водяные крысы хохотали и кричали мне вслед: «Не хотела быть в реке – будешь у человека на сковороде! Будешь знать, как служить трём стерлядинам! У нас теперь царь водяной, а не стерлядины!»

Я поняла, что погибла. И только когда в лавке я увидела тебя, у меня появилась робкая надежда на спасение. Только, какое это спасение? Жить в своей реке я не могу, там перламутровый туман. Если я попаду в реку, то меня сразу схватят и превратят в довольную своим ничтожным положением рыбёшку, и я все свои остатные дни только и буду, что скудно питаться и хвалить водяного за прекрасную пищу...

У рыбки выкатились из глаз слёзы. Краснопёрка смолкла.

– И что же это за тайна водяного, что находится не в реке, о которой ты говорила? – с любопытством спросила Ксюша.

Краснопёрка вдруг опасливо оглянулась, как бы боясь, что её подслушают, и стала говорить тихо, почти шёпотом.

– Эта тайна, является его смертью. Противоядие состоит из трёх водных растворов, налитых в три кувшина. Кувшины закупорены. Один из них спрятан в Бобровом озере, другой – в дупле высокого дерева, похожего на букву «У», третий находится в старой заброшенной лисьей норе. Если достать кувшин из дупла, кувшин из озера и кувшин из лисьей норы, вылить их содержимое одновременно в реку, то перламутровый туман исчезнет, растворится и его не будет. Это и есть, то самое противоядие против перламутрового тумана.

– Я поняла, – проговорила Ксюша. – Мне надо найти эти кувшины и вылить одновременно их содержимое в реку. Это так просто! – и она засмеялась.

Однако рыбке не было весело.

– Ты всё правильно поняла. Только сможешь ли ты это сделать, – проговорила краснопёрка, – ведь ты так ещё мала. Но, спасибо хоть за поддержку.

– А ты, подруга, не волнуйся. – Перебила её Ксюша. – Если стараться, то и получится. Ты говоришь, что я маленькая. Да, я сама и не смогу это сделать, но у меня

есть друзья, на их помощь я и рассчитываю, – ответила Ксюша.

– Это хорошо, что ты согласилась нам помочь, только знай, что кувшины в озере, в дупле и в лисьей норе хорошо охраняются. В озере его охраняют водяные крысы, подходы к дереву с дуплом стерегут змеи, а лисью нору охраняют земляные жабы.

– Я и мои друзья это учтём, – проговорила, улыбнувшись, Ксюша, тем самым подбадривая краснопёрку.

На этом разговор краснопёрки и Ксюши оборвался, – в дом вошёл дедушка.

– Ну, что, Ксюша, полюбовалась рыбиной?, – проговорил он весело. – Сейчас будем с тобой из неё уху варить.

Как услышала внучка про уху, сразу бросилась к деду на шею и запричитала:

– Не надо, дедуля, рыбку варить. Давай я с ней ещё поиграю.

– Так она в корыте долго не проживёт, ей хоть небольшая, но воля нужна, – заметил дедушка.

– А мы чего-нибудь придумаем, ладно, дедусь, – и Ксюша обняла дедушку за шею ещё крепче.

– Ладно, ладно, егоза. Сделаю я ей небольшой запрудок в ручье, что в реку впадает. Там ей будет вольнее, чем в корыте и ты сможешь с ней заниматься, – заключил дедушка.

– Спасибо! Дедусь! – закричала от радости Ксюша. – Ты у меня самый хороший дедушка на свете!

– Ну-ну. Смотри, перехвалишь, – и дедушка, взяв лопату, пошёл делать запрудок. Через час он пришёл, сказав, что запрудок готов и что туда можно выпустить рыбёшку. После этого он взял корыто с краснопёркой, отнёс его к запруде и выпустил в нее рыбку.

Краснопёрка очень обрадовалась новому месту жительства и была очень благодарна Ксюше и дедушке. Она плавала, обдавая брызгами Ксюшу, и та заливисто смеялась от удовольствия.

Половина дела Ксюшей было сделано. Краснопёрка плавает в запруде и ей не страшен перламутровый туман. Теперь осталось наведаться на пруд к бобрам и попросить у них помощи.

Бобры встретили Ксюшу очень радушно, они помнили её добро и готовы были для неё на всё. Ксюша поведала бобрам о сосуде с таинственной жидкостью на дне пруда и предупредила бобров о том, что достать сосуд со дна совсем не безопасно, его стерегут водяные крысы.

– Мы знаем это место, где всегда находятся водяные крысы, сказал седой бобёр. – Мы не придавали этому значения, они нам не мешали. Теперь другое дело. Мы теперь знаем, что крысы охраняют кувшин, в котором хранится противоядие. Нам надо забрать этот кувшин у

крыс и отдать его нашему верному товарищу, то есть, тебе.

Бобры были настроены решительно и даже, можно сказать, воинственно. Они сразу начали изготавливать из жердин копыя и колотушки, чтобы сражаться с крысами, а старая бобриха, что была когда-то придавлена деревом, предложила разгородить плотину и спустить часть воды в нижний пруд и тогда дно, где находится кувшин, полностью освободится от воды.

– После того, как вода уйдёт можно атаковать крысиное войско, – проговорила она. – Нам будет легче сражаться, когда вода уйдёт. Наши копыя и колотушки легче применить на воздухе, чем в воде.

С ней все согласились. Бобры так и сделали. Они частично разобрали нижний венец запруды, и вода хлынула из озера в проём. Через полчаса вода из пруда ушла, а бобры и Ксюша увидели такую картину: Посреди пруда на боку лежит сосуд, а вокруг него заняли оборону водяные крысы. Они грозно выставили на бобров зубы и готовы были защищать сосуд до конца. Крысы никак не могли понять – почему из пруда ушла вода?

Бобры предложили Ксюше посидеть на берегу, пока они сражаются с водяными крысами, но Ксюша не согласилась и, вооружившись палкой, встала впереди бобриного войска. Войско двинулось вперёд.

Идти по илистому дну Ксюше было трудно, ноги увязали. Тогда ей спину подставил молодой сильный

бобёр. Девочка села на него, и войско стало продвигаться быстрее.

Хоть крысы были изворотливы, хитры и напористы, но устоять перед бобриными копьями и дубинами они не могли. Яростно защищаясь, они отступали всё ближе к кувшину.

– Вперёд, бобры!!! – кричала Ксюша, уже стоя на спине бобра и размахивая копьём, которое ей дали бобры и загораваясь от крысиных зубов деревянным щитом. Именно Ксюша со спины бобра и увидела, как крысы, желая сохранить сосуд с жидкостью, подхватили его и, прорываясь через бобриные ряды, потащили его прочь с поля боя.

– Бобры! – крикнула Ксюша. – Крысы уносят сосуд с противоядием, остановим их! – Она направила своего бобра наперерез убегающим крысам и преградила им дорогу. Этому водяные крысы совсем не ожидали. Они бросились на преградивших им путь бобров, желая их уничтожить и освободить дорогу.

Атака крыс была сильной и отчаянной. Ксюша отбивалась от крыс щитом и копьём. Она храбро сражалась и через пять минут от её щита и копья остались только древесные осколки. Её доспехи не могли выдержать крысиных зубов. Но тут подоспели быстроногие молодые бобры и помогли отбить атаку водяных крыс.

Через несколько минут небольшая кучка крыс с сосудом была окружена плотным кольцом бобров. Бой

закончился. Сосуд с жидкостью был в руках Ксюши. Она положила его на дно корзинки, прикрыла мхом и стала благодарить бобров. Только бобры не желали похвал.

– Ты, деточка, нас не благодари, – проговорил седой бобёр. – Мы сделали то, что и должны были сделать, потому, как, отравив большую реку перламутровым туманом, водяной добрался бы и до нас. Тогда бы уже водяному не нужны бы были крысы-охранники. Под действием перламутрового тумана, мы сами бы охраняли этот горшок. Это не нам спасибо, а тебе спасибо. Приходи к нам в гости почаще. – После чего седой бобёр что-то сказал бобрам и они стали ремонтировать плотину.

Ах, как была рада краснопёрка, когда в её запруду Ксюша опустила один из трёх кувшинов. Только радость эта была не полная. Один, найденный и отвоёванный, кувшин был бесполезен. Его содержимое не могло уничтожить перламутровый туман. Надо было искать ещё два кувшина. И такой случай по поиску второго кувшина Ксюше вскоре представился. Ксюша пошла к ручью и увидела там ту самую цаплю, которой помогла спасти птенца. Цапля Ксюшу тоже узнала и, будучи им с дедушкой благодарной, спросила:

– Милая девочка, я чувствую, что я тебе нужна, говори.

– Совершенно верно, – сказала Ксюша. – Ты мне нужна, милая цапля. – И она рассказала цапле о дереве,

похожем на букву «У», в дупле которого находится кувшин и что этот кувшин, очень ей нужен. А ещё он нужен её друзьям, которые живут в реке и что это дерево и особенно дупло охраняются ядовитыми змеями.

Цапля внимательно выслушала рассказ девочки и сказала:

– Я сама того дерева с дуплом похожим на букву «У» не видела, а вот своих родственников спрошу, – и она, взлетев на высокое дерево, прокричала: «Мамки! Тётки! Братья! Сёстры! Летите ко мне все, где бы вы ни были!» Через несколько минут зашелестели крылья и со всех сторон к дереву стали слетаться цапли. Через пятнадцать минут вся лужайка была усеяна прилетевшими птицами. Они, вытянув шеи, внимательно смотрели на свою родственницу и ждали, что она им скажет.

– Уважаемые соплеменники! – Начала говорить цапля. – Мы все знаем, как трудно вырастить наше потомство. Наши птенцы, лазят по веткам около гнезда и нередко падают на землю. Там их подстерегают всякие дикие животные. Эта девочка – Ксюша подобрала моего птенца с земли, и они с дедушкой при помощи палки поместили его снова в гнездо. Ксюша с дедушкой совершили подвиг. «Подвиг! Подвиг!» – стали кричать цапли. – Мы, – продолжила цапля, – обязаны помочь девочке найти дерево с дуплом, похожее на букву «У». В

дупле этого дерева спрятан кувшин с противоядием. Мы должны этот кувшин ей отдать. Вы знаете это дерево!?

– Видели это дерево, похожее на букву «У»! – выкрикнули две цапли с краю лужайки, – знаем его! Это дерево растёт там, где много осоки у реки.

– Это дерево охраняется ядовитыми змеями! – выкрикнула цапля. – Будьте осторожны.

«Знаем! Знаем!» – закричали ещё несколько цапель.

– На крыло! Друзья мои! Летим к этому дереву! – прокричала Ксюшина цапля.

Вмиг зашелестели крылья и цапли стали взлетать с полянки. В это время к Ксюше подлетела та цапля, которой помогли бабушка и Ксюша спасти птенца, и предложила ей лететь вместе с ней.

– Я не умею летать... – сказала девочка.

– Я это знаю. Тебе не нужны крылья, когда они есть у твоих друзей, – и цапля во всю длину раскинула свои полтораметровые крылья, показывая Ксюше их силу и надёжность. Затем она коснулась клювом головы девочки, и Ксюша стала меньше ростом. Она села на спину цапле, птица сделала разбег по поляне и взмыла в воздух. Девочка сначала немного испугалась высоты, но затем привыкла и стала смотреть вниз. А там, на земле, под ними были деревни, пруды, речки, леса и перелески, вились край полей и оврагов дороги и дорожки. И это всё было так необыкновенно красиво.

Полёт цапли был плавным и размеренным. Огромные крылья ритмично подгребали под себя воздух не производя рывков и толчков. «Вот, рассказать краснопёрке или дедушке, не поверят» – подумала Ксюша и стала напевать песенку.

Вскоре птицы прилетели к назначенному месту, и первая шеренга цапель сразу вступила в бой с гадюками. Змеи находились на каждой ветке, на каждом сучке. Одни из них обвили ствол дерева, а другие вылезали из нор. Но такое обилие ядовитых рептилий не страшило цапель. Они шеренгами пикировали на дерево и выхватывали длинными клювами змей из кроны. Те в их клювах извивались, пытаясь освободиться, но в воздухе цапли были сильнее и проворнее их. Ещё цаплям помогали их длинные шеи. При помощи длинных шей и длинных клювов птицы доставали змей оттуда, где те считали себя надёжно защищёнными.

– Я тоже хочу сражаться со змеями, – заявила Ксюша цапле, на которой летела. Не садясь на землю, её цапля подхватила с земли клювом довольно длинную палку и подала её девочке. Ксюша, вооружившись палкой, стала отбивать атаки особо агрессивных змей, которые прыгали с ветвей цаплям на спину и обвивали их крылья, заставляя приземляться или просто падать с высоты и калечиться.

И вдруг девочка увидела, как самая длинная змея метнулась с ветки дерева и упала на спину её цапли. Она обвила Ксюшу и, глядя ей в лицо и открыв рот, прошипела, шевеля раздвоенным языком:

– Слушай, паршивое человеческое отродье. Ничто не мешает мне тебя укусить и лишить жизни. Ты в моей власти. Твоя жизнь на кончике моего зуба. Прикажи птице лететь прочь от этого дерева. Я оставлю и тебя и её живой, если вы долетите до вон той горы, что виднеется за рекой. Там я отпущу вас.

– Оставь девочку! – прокричала цапля, понимая, что и её жизнь, и, особенно, жизнь девочки в большой опасности. Если бы цапля была одна, то она бы поборолась с этой гадюкой, но на спине девочка, а другие все цапли заняты истреблением змей и не обращают на них внимание.

Цапле ничего не оставалось, как подчиниться требованиям змеи и повернуть в сторону горы. Через несколько минут они были у назначенного места, где гадюка ловко отцепилась от своих жертв и ринулась с высоты в прибрежные камыши. Вода и камыши смягчили удар от падения и змея, выбравшись из камышей, поползла к своей норе. И вот, когда змея заползала в нору, тут и произошло самое важное событие. Ксюша заметила с высоты, что змея никак не может протиснуться в узкую нору и что у неё в средней части туловища заметно сильное утолщение живота, которое мешает ей это сделать.

– Так она проглотила кувшин, что был в дупле, и с ним пытается убежать!!! – закричала изо всех сил девочка. Цапля сразу сообразила, что надо делать и, резко накренившись, крикнула Ксюше:

– Держись! Я пикирую! – резко пошла на снижение. И ещё кончик змеиного хвоста находился у норы, как цапля, приземлившись, ухватилась за него клювом и стала тянуть. Силы были равны. Цапле никак не удавалось вытащить рептилию из норы, и тут ей на помощь подоспела Ксюша. Она ухватилась руками за хвост цапли и изо всех сил стала тянуть.

Эта борьба с перетягиванием продолжалась довольно долго. Наконец змея стала уставать. Всё больше и больше её тело стало вылезать из норы. Наконец появилась и её голова. В этот момент змея сделала отчаянный бросок, намереваясь укусить цаплю за шею, но тут настороже была Ксюша. Она ударом палки пресекла попытку змеи убить птицу. Цапля, выпустив хвост змеи, одним ударом своего крепкого носа размозжила голову гадюке, а затем выдавила из её живота кувшин.

Ксюшиной радости не было конца. Теперь два кувшина с противоядием были найдены, оставалось добыть только третий, и можно было освободить реку от перламутрового тумана.

– Спасибо тебе, – тихо проговорила Ксюша, прислонив голову к шее цапли. – Если б не ты и твои

сородичи, кувшин так бы и находился в дупле того большого дерева.

– Похожим на букву «У», – проговорила цапля, и они дружно рассмеялись. Затем цапля отвезла по воздуху Ксюшу к дедушкиному дому. Там она снова коснулась клювом головы Ксюши и девочка увеличилась в размерах. Они расстались. Девочка с радостью побежала к запруде и опустила в воду второй кувшин. Рыбка и Ксюша ликовали.

Теперь Ксюше осталось найти старую лисью нору, которую охраняют жабы, но как это сделать, она пока не знала. Помог случай. В перелеске она встретила ёжика. Этим ёжиком оказался как раз тот, которого Ксюша спасла от лисы.

– Послушай, ёжик, – сказала она, – ты не видел старой, брошенной лисьей норы в округе? Главная её примета – это земляные жабы. Они оборудовали её под своё жилище.

– Тэк... тэк... тэк... – проговорил ёжик, остановившись и рассматривая Ксюшу подслеповатыми глазами, и принюхиваясь. – Чую, что ты та самая девочка, что спасла меня от зубов лисы. Нюх меня не обманывает. Мы ежи слабо видим, а вот чутьё у нас отменное.

– И память тоже, – добавила Ксюша.

– Кхе, кхе, кхе... – разве такое забудешь, – проговорил ёж. – Один шаг до лужи оставался. Если перевести на наш ежиный язык, то оставался один шаг

до моей смерти. Лиса закатила бы меня в лужу, я бы раскрылся, и она бы меня съела. Спасибо тебе, добрая и неравнодушная девочка. Спасибо. До самой смерти буду помнить. А про лисью нору слышал, знаю, в лесу говорили.

Ты вот что, голуба душа, постой здесь минуточку, я корзинку с грибами ежейхе отдам, и мы с тобой сходим к этой норе на разведку. Я даже не спрашиваю тебя, зачем она тебе нужна? У ежей принцип – ты помог ежу, ежи помогли тебе и без всяких вопросов. У ежей взаимопомощь на первом месте, в крови, так сказать, – и ёжик шмыгнул куда – то под коренья.

Через тройку минут он вышел уже без корзинки с палкой в руке.

– Пошли на овражий спуск. Там, на взлобке, и будет эта лисья нора, – и ёжик засеменял впереди Ксюши.

Ёжик был мал, но передвигался он довольно быстро, шустро пролезая под ветками. Через час, изрядно утомившись, они были уже на месте. Это была та самая, заброшенная хозяйкой, лисья нора. А вокруг норы, как мины на минном поле, торчали жабы шишкастые головы. Ёжик, как только подошёл, то сразу вступил с жабами в диалог.

– Как живёте – можете, жабушки? – спросил ласково он. – Что за службу несём?

– А это не ваше дело. Проходите не останавливаясь, – проговорила резко толстая жаба. – Чужие здесь не

ходят. Мы сидим, лежим, никому не мешаем. Может быть, вы чего потеряли и ищите? – спросила она.

– Конечно, ищем, – сказал ёж. – Оставил я в лисьей норе фуражку и кувшин, а в какой – никак не вспомню. В вашей их нет?

– В нашей их нет, но если сомневаетесь, то можете посмотреть, мы вам не препятствуем, – и жабы расступились, освободив проход к лисьей норе. Ёжик тут же юркнул в нору. Его достаточно долго не было, а когда он появился, то по его виду было видно, что в норе он ничего не нашёл: ни выдуманной фуражки, ни кувшина. Ёжик чихнул для порядка и сказал:

– Там ничего нет.

– Странно, – произнесла разочарованно Ксюша. А про себя подумала: «Жабы позволили нам осмотреть лисью нору, потому что знали, что там нет кувшина. Тогда где он?»

– А вы не блефуете? – спросил жаб ёжик.

– Что это за слово такое «бле-фу-е-те»? – прошамкала самая большая земляная жаба, – мы такого слова не знаем.

– Это значит, что вы нас вводите в заблуждение, – пояснила девочка. – Кувшин у вас, а вы делаете вид, что у вас его нет. И всё очень убедительно. Любой в это поверит. Ведь вы и толстушки, и не поворотливые, и не воинственные, и не ядовитые, а на самом деле умные и хитрые, а совсем не амёбы, которыми представляетесь. Я угадала? Это ведь лучший способ сохранить кувшин.

Ваш ум и хитрость гораздо больше, чем глупая агрессивность водяных крыс и безрассудная ядовитость змей. Не сохранили кувшины ни водяные крысы на дне озера, ни ядовитые змеи в дупле дерева, а вы храните, и на вас никто не может подумать. Великолепно придумано!

В это время, Ксюша отошла в сторону и позвала к себе ежа, и когда тот подошёл, она ему тихо сказала:

– Как мы убедились, эта лисья нора служит прикрытием, то есть, для отвода глаз. – Думаю, этот кувшин жабы спрятали не далеко от норы, на открытом месте и на это место никто не может подумать. Мы его никогда не найдём, если не перехитрим земляных жаб.

– Как же мы их перехитрим? – спросил ёж.

– А очень просто. Ты будешь с палочкой ходить и обследовать вокруг норы кочки и ямочки, а я буду наблюдать за поведением жаб, за их движениями, за их мимикой, за тревожностью в глазах. Когда ты будешь рядом со спрятанным и замаскированным кувшином, они обязательно встревожатся.

– Отлично придумала, – сказал ёж и тут же, вооружившись палочкой, стал обследовать территорию около норы.

Земляные жабы, выпучив глаза, смотрели на него и молчали. Они даже не реагировали на летающих и чуть ли, не садящихся им на нос насекомых, которыми они всегда не прочь полакомиться. «Раз они впали в такое

состояние, что и на мух не реагируют, то кувшин точно здесь. Они боятся, что мы его найдём, – подумала Ксюша. – Надо наблюдать, наблюдать и наблюдать». И тут девочка заметила, как жабы просто цепенели, когда ёжик подходил к одному, усеянному земляными бугорками холмику. «Значит в этом холмике спрятан кувшин», – определила Ксюша, и она решительным шагом направилась прямо к нему.

– Не позволю!!! – выкрикнула толстая жаба и загородила собой девочке дорогу. Но Ксюшу было уже не остановить.

– Прочь с дороги шишкастая прихвостень водяного! – проговорила она сквозь зубы и носком туфли откинула жабу в сторону, затем палкой копнула этот холм и о чудо! Этот холмик оказался совсем и не холмиком, а пупыристой, очень похожей на землю старой жабьей кожей. Под этой кожей и лежал третий кувшин.

– Здорово они его замаскировали, – удивился ёж. – В жизни бы не нашёл.

Ксюша ничего жабам не сказала, а молча взяла кувшин и положила его в корзинку. Жабы не сопротивлялись, они оцепенели от Ксюшиных решительных действий.

Ах, как была рада краснопёрка, когда увидела принесённый третий кувшин с противоядием. Не долго думая, рыбка, Ксюша и ёжик, взяв по кувшину,

одновременно вылили в ручей через дедушкину запруду сразу содержимое трёх кувшинов. Ручей помутнев, понёс содержимое кувшинов в реку, а сзади этого противоядия плыла краснопёрка, а по бережку бежали ёжик и Ксюша. Как только противоядие достигло реки и влилось в её воды, вода в реке взбурлила и по всей Волге прошла мелкая рябь, затем послышался неземной вопль и из реки, подняв миллионы брызг, вылетело перламутровое облако. Противоядие его жгло и кололо и оно больше не могло находиться в реке.

За один край этого облака держался, свисая до воды, водяной. Он пытался удержать облако. Рыбий его хвост старательно захватывал воду. Но все усилия были тщетны – перламутровый туман всё рыхлел и таял. Наконец он стал с кулачок, а затем и совсем исчез, а водяной рухнул в воду и больше из неё не показывался.

Говорят, он ушёл из реки и обосновался на дальнем лесном озере, но это только слухи, а вот в реке его точно не стало. Хозяйственными всеми делами снова в Волге занимается налим, а три царицы – стерлядины, как и прежде, правят речным царством по совести и по закону. Говорят, что девочка Ксюша была у них в гостях в подводном царстве, в их стеклянном замке и ей очень понравилось.

Стерлядины приняли её со всеми царскими почестями и даже предлагали остаться и помогать им в управлении царством. Только Ксюша не согласилась. Ведь у неё был дедушка, он старенький, и за ним уже

нужен догляд и уход. А вот рыбка в гости к Ксюше навещается. Её Ксюша из реки в туюське с водой приносит домой и выпускает в аквариум. Они долго разговаривают. А потом Ксюша относит её в реку обратно. Так они и живут, вспоминая уже те времена, когда сражались с водяными крысами, змеями и как обхитрили земляных жаб.

Саратов, 2020, 2 февраля.

Глиняный денщик

В одной стране правителем был канцлер Рейх. И был этот Рейх очень могущественный, все соседние страны завоевал и заставил их жителей на себя работать. Молодых мужчин из завоёванных стран в свою армию призвал, и стало его войско огромное-преогромное, одних полков считать - не пересчитать. И вот однажды вызывает к себе канцлер Рейх своего любимого генерала по имени Вермахт и говорит ему:

– Многие страны мы с тобой покорили, генерал Вермахт, многих мечу предали, осталась только одна страна не завоёванная – Россия. Победим её – и весь мир будет лежать у наших ног. Наш народ после победы над Россией, будет жить в изобилии. Все её богатства нам достанутся. Завоюй Россию, дорогой Вермахт.

– Слушаюсь! Мой непобедимый канцлер! – гаркнул генерал Вермахт и щёлкнул каблуками.

– Вот и хорошо... Ступай, мой друг, приходи с победой, – и в знак особого уважения и доверия похлопал генерала Вермахта по плечу.

Долго воевал генерал Вермахт с русским войском, но никак не давалась ему победа. Тут разобьёт русские полки, глядь, а такие же полки в другом месте появились. И никак не может понять генерал, почему это происходит, почему русские такие живучие? Вызывает к себе генерала Вермахта канцлер Рейх и спрашивает:

– Скажи, мой лучший генерал, почему ты до сих пор со своим войском не разбил русские полки?

– Мои солдаты остановились у Калинового моста, на речке Смородина, – отвечает генерал канцлеру.

– А почему они там стоят и не могут взять Калинов мост?

– Мой канцлер, – отвечает генерал, – на той стороне речки занял оборону русский полковник Волгин. Сделал себе крепкий-прекрепкий блиндаж и обороняется, подступиться нельзя.

– А кто этот полковник Волгин?

– Полковник Волгин родом из Саратовской деревни Малая Крюковка.

– И в чём сила этого полковника, что он так хорошо обороняется? Может быть, у него солдат больше или

укрытие крепче, или пушки дальше стреляют? А, может быть, он какое-то слово знает, или талисман с секретом у него имеется, или оберег какой?

– Мне неизвестно, мой канцлер! Солдат у него даже меньше чем у нас, а сражаются они невиданно и неслыханно...

Канцлер Рейх подумал и говорит:

– Дам я тебе в подмогу главного моего воина по имени Мёртвая голова. Этот воин не знает страха и усталости. Он поможет вам занять этот Калинов мост и блиндаж полковника. Когда будете в блиндаже, выясните, в чём сила полковника Волгина, а я для вас подготовлю план дальнейших действий и пришлю с офицером.

– Есть взять солдата Мёртвая голова, с его помощью захватить Калинов мост и блиндаж русского полковника и выяснить, в чём сила русских! – гаркнул генерал Вермахт.

А в это время, когда канцлер Рейх разговаривал с генералом Вермахтом, за Калиновым мостом в блиндаже русских, полковник Волгин говорил с первым своим заместителем майором Фадиным.

– Сможем ли мы удержать этот блиндаж? – спросил полковник Волгин майора.

– Нет, не сможем. У нас нет ни снарядов к пушкам, ни патронов, – отвечает заместитель. – Не знаем, как сил хватило до этого часа продержаться. Мы готовимся

оставить позиции у Калинового моста и перейти на новые. Вам, товарищ полковник, придётся оставить этот блиндаж. Тем более, канцлер прислал генералу Вермахту солдата по имени Мёртвая голова. Нам без снарядов, этого солдата не победить, сила в нём огромная. Он разметал все наши укрепления у Калинового моста, остался только ваш блиндаж. Солдат Мёртвая голова уже совсем близко, вам надо срочно уходить, – и добавил, глядя на полку. – Вы, товарищ полковник, в новый блиндаж и эти вещи возьмёте, – и он указал на глиняного петушка, саратовскую гармошку с колокольчиками и хлебный калач, что стояли на полке.

– Обязательно возьму, майор, без них нельзя, – отвечает полковник, – Это символы нашего родного саратовского края, моей деревни Малая Крюковка. Этот калач испекла моя мама, а испечён он из нашей саратовской пшеницы; на этой гармошке я сам играл на вечеринках. Тех девчат и ребят, которые под неё плясали уже нет в живых, все погибли, защищая Калинов мост; а глиняного петушка слепил мой отец и я вспоминаю, как в него играли мои дети. Эти изделия, майор, зовут нас на подвиг. Нет ни одного солдата или офицера, чтобы вошёл в этот блиндаж и глаза бы у него не повлажнели, глядя на эти реликвии. Глядя на них, в наших воинах появляется великая сила. А наши враги не знают этого.

В это время раздаётся сильный удар по блиндажу. Оглушённый полковник падает, его хватают солдаты и уносят. Все быстро покидают блиндаж.

В блиндаж, после того, как его покинули русские, входит, генерал Вермахт и несколько его офицеров.

– Ну вот, а вы говорили, что русских у Калинового моста победить невозможно, – проговорил генерал. – Доказывали мне, что у них есть какой-то амулет, или талисман. Ну и где эти амулеты и талисманы!? Может быть это их талисман?! – и он ткнул гармошку в бок тростью. Гармошка тихонько взвизгнула от боли. – Может быть амулетом является этот глиняный болванчик? – и генерал Вермахт ткнул тростью в петушка. – Это обыкновенное русское варварство... – Генерал брезгливо поморщился, глядя на изделия. – Есть калач нельзя, он может быть отравлен.

После этих слов генерал сел на стул, на котором сидел русский полковник и положил фуражку с высокой тульей на стол.

– Связь налажена, – отрапортовал генералу вошедший в блиндаж офицер.

– Очень хорошо. Сейчас я позвоню канцлеру Рейху, порадою старика нашими успехами. – Берёт трубку и говорит: – Господин канцлер! Мои солдаты захватили мост чрез речку Смородина и заняли блиндаж русского полковника у Калинового моста! Что мне делать дальше?

– Пока отдыхайте, мой доблестный генерал, – слышалось в трубке. – Я сегодня пришлю вам пакет с секретной картой, в ней будет указано, направление вашего нового удара... Выполняйте приказ.

– Есть, выполнять приказ!! – сказал генерал и вытянулся.

В это время, когда вражеский генерал с офицерами радовались победе, на полке игрушка, гармошка и калач вели тихий разговор.

– Нам надо как-то украсть эти документы, что генералу обещали прислать... – прошептала гармошка.

– Хорошо бы, только ничего не выйдет. Пакет пришлют завтра перед наступлением. Даже если мы его выкрадем, мы не сможем его передать полковнику, – заключил калач тоже шёпотом.

– А что если им в заварочный чайник насыпать сонной травы. Помните, её пьёт от бессонницы наш полковник. Они уснут, а дальше мы успеем уничтожить пакет, – тихо сказала гармошка.

– Идея хорошая, только через сутки, двое пришлют новый пакет от канцлера, и что? – спросил петушок.

– Давайте хоть это сделаем, а то сидим... смотреть на нас тошно... – буркнул калач.

– Хорошо, – сказал петушок. – Попробую выступить в роли игрушки-официанта и поухаживаю за генералом и его офицерами.

– Стой? – проговорила гармошка, пытаясь удержать петушка за крыло, но куда там. Петушок спрыгнул с полки прямо на стол, за которым сидел генерал с офицерами.

Генерал Вермахт был немало удивлён появлением петушка.

– Это что такое!? Русские игрушки, кажется, начинают оживать?! – и он вопросительно посмотрел на старшего офицера.

А глиняный петушок отвечает:

– Господин генерал, – сегодня обслуживать вас буду я, – и петушок галантно поклонился генералу и его свите.

– Это забавно... – сказал старший офицер. – Эти русские воевать не умеют, а механического денщика завели. Ха-ха-ха!!!

– В этом что-то есть, – проговорил генерал. – Глиняный денщик... Мило... Очень мило... Пусть обслуживает. Посмотрим на его способности. Мы будем его звать Ку-ка-ре-ку. Ха-ха-ха!!!

– Как желаете, – поклонился петушок.

– Слушай... Ку-ка-ре-ку, приготовь нам чай, – приказал Вермахт.

– Сию минуту, ваше благородие... – и петушок, поставил чайник на огонь, приготовил заварку, после чего взлетел на полку к гармошке и калачу.

– Ну, ты, Петя, даёшь, – проговорила гармошка. – Я думала, что у меня сердце в пятки уйдёт, когда ты к ним на стол слетел и с генералом Вермахтом стал разговаривать.

– А что было делать? – должен же быть какой-то доступ к их желудкам. Сегодня в ночь привезут пакет, а утром вермахтовцы пойдут в наступление и что?

– И что ты решил? – спросил калач.

– Ничего не решил, – буркнул петушок. – Я думал, что увижу мешочек с сонной травой, какую наш полковник иногда заваривал от бессонницы, а этого мешочка на столе нет. Хотел им покрепче этой травы заварить, чтоб уснули.

– А дальше что, – спросил калач.

– Когда уснут, можно будет посмотреть, что в портфеле привезёт курьер. Другого плана у меня в голове нет.

– А это не мешочек с травой под лавкой валяется? – спросила гармошка и кивнула в направлении лавки.

– Точно. Это он, – подтвердил калач. – Видно в суматохе уронили.

– Молодцы, глазастые, – сказал петушок и вновь слетел на пол, стал его подметать, взял мешочек из-под лавки и добрую порцию сон-травы насыпал в заварочный чайник.

Поздно вечером прибыл курьер с секретным пакетом и, вручая его генералу Вермахту, отрапортовал:

– Канцлер Рейх приказал вскрыть пакет в пять часов утра, чтобы секретная информация не попала к русским.

– Прекрасно! Господин капитан. Мы вскроем его утром, а теперь все за стол, будем пить чай. Эй! Ку-ка-ре-ку! Наливай чай, – приказал генерал и положил пакет себе в портфель.

– Есть! наливать чай! –

Глиняный петушок быстро, но не суетливо двигался по блиндажу, наливая заварку в генеральские бокалы, которые Вермахт всегда возил с собой.

«Какой чудный запах... – говорили офицеры генерала, водя носами. – В жизни ничего подобного не вкушали. Скорее, Ку-ка-ре-ку, наливай нам этот чудно пахнувший напиток.

Через час генерал Вермахт и его офицеры уже спали непробудным сном. Гармошка, калач и петушок слезли с полки, взяли генеральский портфель и вытащили из него секретный пакет. Немного помучившись с печатью, друзья осторожно вскрыли пакет и вытащили из пакета карту. В пакете, кроме карты больше ничего не было.

– Я думал, что будет письмо от канцлера, а тут одна карта, – проговорил расстроено калач.

– Карта в военном деле, это самое главное, – толкнул его в бок петушок.

– И что ты в ней видишь? – спросил калач, – одни маленькие и большие разноцветные стрелки.

– Эти стрелки и есть самое главное, – заверил калача петушок. – Они говорят о том, куда будет наносить удар по русским генерал Вермахт.

Все стали рассматривать карту и думать, что с ней делать.

– А я придумала... – пропищала гармошка, – нам не надо сжигать карту.

– А что с ней, позволь тебя спросить, делать? – строго спросил петушок.

– Надо подрисовать стрелки и тем самым обозначить новые точки удара, – просто сказала гармошка.

– Ты гений, гармошка! Дай я тебя за это поцелую в твой блестящий колокольчик, – проговорил, улыбаясь, глиняный петушок.

– Идея отличная, – сказал калач. – Мы документы не уничтожаем, не крадём и не переправляем их нашему полковнику, а просто подрисовываем стрелки, обозначив ими новые направления удара. Блестяще! Гениально! Давай Петя, принимайся за работу.

– А почему я?

– Потому, что ты это сумеешь сделать лучше нас. Твой нос очень ловко вскрыл пакет, не повредив ни одной печати, мы тебе доверяем.

– А где я возьму цветные карандаши? – спросил петушок.

– Как где? – У генерала, конечно, – и гармошка, открыв генеральский портфель, тут же нашла необходимые по цвету карандаши.

Петушок, как заправский картограф, засунув между перьев красный карандаш, стал пририсовывать стрелкам носики с направлением совсем в другие места. Одну стрелку он направил в болото, другую в чащу леса. Во время работы его под крыло подтолкнул калач и получилась на карте приличная загогулина, похожая на букву «М».

– Ну вот, всё испортил... – обиженно сказал петушок. Чего толкаешься?

– Я нечаянно, – ответил калач. – Не расстраивайся, всё получилось красиво...

– А загогулина?

– Будем считать, что это указан маневр вражеского полка или солдата Мёртвая голова.

– Ну и хитрюга ты, калач, сразу оправдался, – улыбнулась гармошка.

Наконец работа выполнена, все стрелки подправлены. Друзья свернули карту и вложили в пакет. Гармошка подклеила сургучную печать, получилось совсем незаметно. Все трое, сделав дело, тут же залезли на полку и притихли.

Рано утром проснулся генерал Вермахт. Он посмотрел на часы и, выждав немного, вскрыл пакет и достал карту.

– Что означает, эта загогулина? – спросил он офицера, принёсшего пакет, и ткнул пальцем в загогулину, оставленную петушком.

– Это, я думаю, показан маневр во время боя для солдата Мёртвая голова, – господин генерал. Видите, загогулина похожа на букву «М».

– Раньше в штабе такого не указывали... – сказал Вермахт удивлённо. – Может быть, связаться с канцлером Рейхом и уточнить?

– Это для обмана противника, – отчеканил офицер. – А если вы будете уточнять, то в штабе могут, вас, генерал, посчитать некомпетентным военным начальником.

– Это ты правильно говоришь, – проговорил генерал и отдал войску приказ наступать согласно присланной карты.

Русский полковник внимательно наблюдал за передвижением полков генерала Вермахта и недоумевал, почему один из них, вместо того, чтобы наступать прямо, полез в болото, Другой полк запутался в лесных дебрях, а третий, вместе с солдатом Мёртвая голова делает на открытой местности какие-то странные зигзаги.

– Не знаю, что у генерала Вермахта происходит, но мы не упустим этот момент, – проговорил полковник. – Приказываю помочь полку противника утонуть в болоте, второму полку Вермахта не дать выйти из леса.

Третий полк вместе с солдатом Мёртвая голова, разгромить ударами пушек, пока они зигзагами ходят по полю, совершая непонятный маневр.

Через два часа боя полки генерала Вермахта были разбиты, Калинов мост был отбит и блиндаж полковника тоже, а сам генерал Вермахт был взят в плен. Его привели к русскому полковнику. Генерал не понимал задаваемых ему вопросов, а только твердил, что он действовал согласно утверждённого на карте канцлером Рейхом плана. Принесли эту карту. Полковник взял её в руки и рассмеялся, заметив подрисовки.

– Ай, да молодцы!!! Ай, да молодцы!!! Видно какой-то опытный разведчик постарался, – проговорил он.

А вскоре к нему привели этих трёх, как говорил полковник, «опытных разведчиков».

– Товарищ полковник, – отрапортовал глиняный петушок, – задание Родины выполнили, карту подрисовали, разрешите вас угостить чаем.

– Молодцы!!! Только заварку я налью сам, – и он потянулся к заварочному чайнику.

– Эту заварку употреблять нельзя, – отстранил руку полковника калач.

– Это что за новости? – серьёзно спросил полковник.

– В чайнике такая заварка, что отпив её не только человек, но и слон уснёт, – сказал петушок.

– Ну и ну! – проговорил полковник, улыбаясь, и тут же попросил вестового принести награды. Полковник лично прикрепил петушку, гармошке и калачу на грудь

по медали «За отвагу». А потом, обращаясь ко всем, сказал:

– Вот видите, как нам наши достопримечательности помогают!!! Не только наш дух укрепляют, но и вражеские полки в болота заводят. Доложу об этом главнокомандующему.

Глиняный петушок, гармошка с колокольчиками и калач так до конца войны и были рядом с полковником, помогали ему громить войско канцлера, и в конце-концов, отсекали ему голову в его же берлоге, чтоб не замышлял больше на Русь ходить.

Саратов, 2019, 27 декабря.

Монстр Тунгалот

Когда ты ещё не родился, и меня тоже не было на белом свете, появился на земле саратовской монстр по имени – Тунгалот. Откуда он пришёл – никто не знал и где его место обитания – никто не ведал. Многие области захватил в русском государстве Тунгалот, многие города были под его властью, дошла очередь и до Саратова. А власть у Тунгалота была особенная, не как у других завоевателей. Возьми хоть того же дракона о десяти головах. Так он съедал молодых девушек. Или

великан Берендей – этот всю скотину поел, и всё ему было мало.

Тунгалот на захваченных территориях не отбирал еду. Ему люди сами несли всё, что он пожелает. Но прежде, чем люди становились такими послушными и безвольными и подвластными, Тунгалоту надо было отобрать у них самое главное, что они имели – их творческий божий дар.

Этот божий дар никогда нигде людьми не прятался, он всегда у горожан был на виду. Так, таким даром саратовцев было умение выпекать несравненный саратовский хлебный калач, изготавливать чудесную саратовскую гармошку с колокольчиками с очаровательным звоном и играть на ней, и лепить превосходную саратовскую ямчатую глиняную игрушку.

Саратовцы умели их делать лучше всех на свете и этим очень гордились. Они называли эти чудесные изделия достопримечательностями своего города и символами земли саратовской, и всякий человек, приезжавший в Саратов, обязательно покупал у городских мастеров или калач, или гармошку, или глиняную игрушку.

Были эти изделия не просто символами. Так при помощи глиняной игрушки саратовцы воспитывали своих детей. Игрушка делала их добрыми, сильными, смелыми и любящими свою Родину. Саратовский калач – был воплощением трудолюбия саратовцев, он давал им жизненную силу и стойкость, а гармошка с

колокольчиками веселила душу и делала её неподвластной никаким монстрам. Вот такие это были символы.

Тунгалот знал об этом и понимал, что пока у горожан есть их символы, города Саратова ему не завоевать и жителей его не покорить. Разумеется, он мог бы разбить все игрушки в городе, порвать все гармошки и проглотить все калачи, только это ничего не решало. Горожане, обладая божьим даром, тут же налепят новых игрушек, наработают гармошек и напекут калачей. Тем дело и кончится.

Надо было в начале, отнять у них божий дар, чтоб саратовцы не могли ничего этого делать. Именно в нём заключалась жизненная сила саратовцев, без него они безвольны и беспомощны. Чтобы божий дар перестал действовать, горожане должны добровольно отдать Тунгалоту свои изделия и пообещать – больше игрушек не лепить, гармошки не делать и калачей не выпекать. Но кто ж на это из горожан пойдёт, кто – ни за что, ни про что расстанется с божьим даром!?

Чтобы так произошло, Тунгалотом был придуман хитрый зловещий ход. Монстр напустил на город голод. Три года подряд поля вокруг Саратова не давали урожая. Это был страшный голод. Многие люди от него теряли рассудок и были готовы отдать всё, лишь бы получить кусочек хлеба или горсточку овса и выжить. В то время тут и там по улицам Саратова раздавались

крики: «Тун-га-лот!!! Возьми гармошку, сделанную моим дедом...». «Тун-га-лот!!! – возьми мои ямчатые игрушки...». «Тун-га-лот!!! Возьми рецепт выпечки хлебного калача, это единственное что у меня осталось! Не дай помереть с голоду мне и моим детям...»

– *Пообещайте мне, что вы никогда не будете лепить свои паршивые игрушки, никогда не будете делать свою мерзкую гармошку с колокольчиками, и выпекать этот поганый калач!!!* – гремел голос Тунгалота.

«Мы обещаем...! Обещаем...! Обещаем...!» – доносилось с разных сторон.

Страшно было смотреть на этих ползающих по улицам и умирающих по подворотням людей. Так при помощи голода, отобрал Тунгалот у саратовцев их достопримечательности, их удивительные изделия, а с ними и их творческий дар, и строго-настрого приказал больше калачей не выпекать, игрушку не лепить и на своей саратовской гармошке не играть.

Но, были и такие, кто не поддался, ни голоду, ни уговорам, ни пыткам и не отрёкся от божьего дара. Этих стойких и непримиримых Тунгалот связал и угнал в Хвалынские горы, приковал цепями к стенам в пещерах и завалил те пещеры камнями. Не любит монстр, чтоб ему перечили.

Живут так горожане год, два, десять лет, притерпелись. Вроде бы и Тунгалот не такой уж и страшный, рубашку последнюю не снимает, хоть и скудно, но кормит. Тут главное – ему не перечить.

Живут горожане, ходят понурые, подавленные и даже друг на друга не смотрят. Если идут мужики друг другу навстречу, стукнутся лбами, почешут ушибленные места и, не сказав ни слова, разойдутся. Не люди они стали без божьего дара, а стало быть, без игрушки, гармошки и калача. Стали они теньями безучастными, всё им не в радость, живут без забав и творчества, не танцуют, не пляшут; скудно, скучно, не хорошо стало в их домах.

И всё бы так в городе и шло, если б не Иван Микитов сын, торговый человек по призванию, купец по названию. Приехал он после дальних странствий в Саратов и своего родного города не узнал. Улицы и переулки все на месте стоят, а вроде всё как-то не так: дома кособочатся, крыши скудеют, на улицах свиньи ходят и рылом мостовую рушат, рядом ребятишки в земле перемазанные сидят и плачут, а няньки и мамки на них внимания не обращают.

«Что с ними происходит? – думает купец Иван. – Не эпидемия ли какая? Жизнь горожан стала на животную жизнь походить – поел, попил и набок и ничего их не волнует, ни к чему сердце не лежит и не к чему они не стремятся. Город рушится, а им хоть бы хны».

Возмутился Иван Микитов сын и спрашивает проходящего мимо мужика, дескать, что это в городе творится? А тот, этак блаженно улыбается и отвечает: – Ничего, батюшка, не творится, живём потихоньку, главное – живы и то хорошо. Благодетель о нас заботится.

– Да как же это, хорошо! – возмущается Иван-купец.
– У вас скоро свиньи деток поедят, и ваши дома подкопают, а ты говоришь хорошо! Чего ж тут хорошего! Вон по улице ребяташки играют: у одного руку свиньи по локоть отъели, у другого ногу по колено.

Тут баба подошла в грязном мятом сарафане, на руках ребёнка непричёсанного держит и тоже мужику вторит:

– Живы мы, батюшка. А если кого из ребятёнков свиньи сожрут, так мы ещё народим и всё будет хорошо. Главное – мы счастливы.

– Вы что, ополоумели что ли?!!! – кричит вне себя купец. – Знамо ли такое дело, что вы говорите!! У вас свиньи детей калечат, а вам хоть бы что! Счастливы, видите ли, они... – Плюнул купец с досады и пошёл дальше по улице.

Идёт, видит у дома на скамеечке бабушка сидит, старенькая - старенькая в сто годов. «Дай, – думает, – поинтересуюсь у неё, что происходит?» Подошёл и спрашивает:

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, мил человек, – прошамкала та в ответ.

– Я купец, Микитов сын, Иваном зовут. Может быть слышала? Из купцов я.

Та в ответ кивает, подслеповатыми глазами на купца Ивана смотрит и отвечает:

– Микитку знаю. Дельный был человек.

– Скажи-ка, бабулечка, – говорит Иван, – что в городе происходит. Мужики и бабы какие-то замороченные ходят, их детей свиньи калечат, а спросишь, почему так? то ответ один – «Хорошо, что живы, батюшка». И больше от них ничего не добьёшься. Разве это хорошо, что ты только жив и в желудке чего-то есть? Это зверю лесному хорошо, а человеку нет. Человек душой, разумом и божьим творческим даром наделён. Он этим живёт. Если у него всё это отнять, то и нет человека. Был человек, и нет его.

– Прав ты, Иван-купец, – проговорила старушка. – Так всё и есть.

И тут бабушка рассказала ему о том, что пока купца Ивана не было в городе, пришёл монстр Тунгалот и обманом и насилием отнял у людей их божий дар, запретил людям делать то, к чему они с детства приучены, на чём выросли и мужали, к чему их душа лежит. Не стало у горожан ни игрушки, ни калача, ни гармошки. Одна только еда скудная и осталась, как у животных. А виною всему Тунгалот.

– Спасибо, бабуся! – сказал Иван Микитов сын. – Теперь мне понятно, почему люди в городе такие

безразличные и потерянные. Не знаешь ли ты, бабушка, где живёт этот Тунгалот?

– Вот этого я не ведаю, а знаю, что монстра Тунгалота может победить только наша народная игрушка. Больше никто с ним справиться не может.

– А как же игрушка с ним совладеет? Объясни.

– Запоминай, Микитов сын, – говорит бабушка. – Надо слепить из глины с Соколовой горы бычка, затем четырёх петушков, потом утоптать из репьев большое одеяло. Одеяло репьяное надо накинуть на спину бычку. Да так накинуть, чтоб одеяло и спину закрывало и шею и голову. Для рогов и глаз проделай в одеяле отверстия. Рогами бычок будет Тунгалота воевать. Репьяную защиту в бою Тунгалоту не пробить и не изломать. А по-другому Тунгалота никак не взять, потому как царство его не от мира сего, не от тела и силы, а от духа тьмы.

Дух тьмы, Ванюша, боится только изделий народного творчества, потому как в них сосредоточена любовь и правда. В этом их сила. Это и есть божий дар. Сделаешь всё, как я тебе сказала и жди. Тунгалота не ищи, он сам тебя найдёт и к тебе придёт. Нюх у него на тех, кто его воле сопротивляется и запретное делает. Только как боевой бычок и петушки будут готовы, и Тунгалот появится, произнеси: «К бою вы теперь готовы, Тунгалота зрите в оба». Сам увидишь, что будет.

– Понял, бабушка, понял. Спасибо тебе. Скажи мне ещё вот чего....

– Только вопроса купец Иван задать не успел. Посмотрел он на бабульку и увидел, что она отошла к господу Богу. Спокойно её стало лицо, будто и жила она до стольких лет, только для того, чтобы передать Ивану Тунгалотову тайну.

«Ну, – думает Иван купец, гармошку я сделать не сумею и сыграть на ней не сыграю, калач тоже не испеку, рецепта нет, а вот, глиняную игрушку, попробую слепить, в детстве у меня это неплохо получалось».

Не откладывая дела в долгий ящик, накопал Иван глины, добавил в неё воды, помял, получилось глиняное тесто, и стал он из этого теста игрушку лепить. Слепил глиняного бычка и четырёх петушков, как бабушка велела, высушил их, затем набрал репьев и утоптал из них одеяло. Получилась этакая кольчуга для бычка. Хотел уже отдохнуть после проделанной работы, как поднялся сильный ветер, просто ураган. Завыло, затрещало вокруг, глаза запорошило пылью, и явился из этой пыли перед купцом Иваном сам монстр Тунгалот.

– Что, Иван – купеческий сын, лепишь!? – загрохотал он челюстями и языком. – А не знаешь того, что я запретил горожанам под страхом смерти играть на гармошке, лепить игрушки и выпекать саратовский калач!!!

Говорил монстр медленно. Его слова катились из пасти, как камни с горы и от дыхания шёл ветер.

– Ты, Иван, нарушил мой приказ, – продолжал он, – и должен за это ответить. Отвечать будешь собственной жизнью, другого ответа я не признаю. Саратов теперь мой город. Опоздал ты, Иван. Не мешай горожанам так жить! Уходи! Они мои! Они счастливы! Нельзя у горожан отнимать их счастье, какое бы оно не было. Я из них создал новую популяцию существ на земле. Жаль, что ещё названия этой популяции не успел придумать... В общем, это не трудно сделать. Пусть будут «ЧЕЛОЖИВЫ». Звучит неплохо и со смыслом?!

Челоживы – это полулюди, полуживотные. Вот, что стало с твоими земляками купец. Стоило у них отнять дар божий, и они стали – *никто*. Ха-ха-ха-ха!!! Они превратились в счастливых идиотов... Ха-ха-ха-ха!!!

Он хохотал так, что дребезжали в окнах стёкла.

– Ты говоришь, что за свои слова надо платить жизнью! – вскричал купец. – Так я тоже горожанин, как и они все. Твои слова распространяются и на меня. Я готов платить жизнью за их жизни!!!

– Хорошо! – прорычал Тунгалот. – Ты сам вытащил свой жребий. Выбирай, на чём мы будем с тобой драться.

– Я выберу, обязательно выберу. Только ты сам знаешь, что я купец, а не воин, драться совсем не умею. Могу я выставить вместо себя замену?

– Выставляй хоть кого, – проговорил монстр и вдруг превратился в большого рыкающего льва, – мне не страшно, – и хлестнул хвостом по траве. Только знай, что съем я тебя, а не их. – Лев посмотрел на Ивану-купца и облизнулся.

– Договорились, – сказал купец. – Он поставил на землю бычка и петушков, накинул на бычка репьяное одеяло с прорезями для глаз и рогов и произнёс то, что ему сказала старушка. «К бою вы теперь готовы, Тунгалота зрите в оба».

И вдруг, его бычок, и четыре петушка стали расти и выросли на глазах до своих естественных размеров, а вместе с бычком выросло и репьяное одеяло, которое было для бычка совершенно безвредным, так как бычок был сделан из глины.

– Думаешь, что ты запугал меня этими мясными бутербродами? – прорычал лев-Тунгалот. Видал я и пострашнее, – и он с рыком бросился на бычка, как на самого большого. Бычок выставил навстречу льву-Тунгалоту рога. Лев-Тунгалот напоролся на них, громко взревел, отскочил назад. От боли и злобы его глаза налились кровью и вдруг, сделав невероятный прыжок, лев-Тунгалот очутился на спине у бычка. Он стал рвать когтями репьяное одеяло и грызть его зубами, но репьяное одеяло надёжно защищало спину бычка, и не поддавалась. Наоборот, репы набились Тунгалоту в рот и нос. Льву-Тунгалоту стало трудно дышать.

Тут петушки захлопали крыльями, поднялись в воздух, схватили клювами за углы репьяное одеяло, подняли их и обернули репьяным одеялом льва-Тунгалота, как конфетку оборачивает фантик, со всех сторон. Репьяное одеяло сковало движения льва, иглы репьев вонзились в его шкуру. Он завизжал от боли. По всему телу его пошли судороги. Он пытался разорвать репьяное одеяло, но у него ничего не выходило. Наконец лев-Тунгалот обессилел и затих.

– Как видишь, ты проиграл битву, – сказал купец-Иван, подходя к Тунгалоту. – Скажи, где ты скрываешь саратовских мастеров, которые не подчинились тебе, и ты их за это силой увёл из города? Ну! – проговорил Иван требовательно и угрожающе.

– Не скажу... – прохрипел Тунгалот.

– И не надо. Пусть не говорит, – протрещала сорока. – Я летала, я всё видела... Он их прячет в пещерах Хвалынских гор. Они там прикованы к стенам цепями.

От этих слов сороки, Тунгалот аж прозеленел. Сорока выдала его тайну. Тунгалот хотел выторговать свою свободу в обмен на свободу этих несчастных мастеров. А тут эта болтливая птица.

– Хорошо! Твоя взяла! – проговорил Тунгалот и покорно опустил голову.

– Веди нас к подземельям Хвалынских гор! – приказал купец. Он накинул на голову Тунгалота узду, взял в руки вожжи, сам сел на спину бычка. Впереди них шагали четыре глиняных петушка. Процессия двинулась к Хвалынским горам. Впереди них летела, показывая дорогу, сорока. Через два дня на третий они были на месте. Сорока показала большой камень, которым был закрыт вход в пещеру.

Как только они отвалили камень и вошли в пещеру, то увидели прикованных к стенам цепями крестьян и горожан, которые не подчинились приказу Тунгалота. Они сохранили в себе божий дар. В народе всегда находятся герои, наделённые смелостью и силой сопротивляться злу. Игрушки вместе с купцом сразу стали сбивать оковы с узников. Радость у мастеров была без конца и без края.

Освобождённые, тут же приковали к стене за лапы Тунгалота. Тунгалот в злобе хрипел и говорил:

– Вы думаете, что победили меня?! Ошибаетесь. Пройдёт время и бездумный любопытец прокопает в пещеру палкой отверстие и выпустит мой дух наружу. Вот тогда и посмотрим, чья взяла!!!

Но люди его не слушали. Уходя, они завалили вход камнями, строго настроив приказав сороке никому не выдавать места, где находится Тунгалот.

Прошло немного времени, как воротились мастера из Тунгалотова заточения в свои семьи. Они сразу начали делать глиняные игрушки, играть на гармошке и выпекать вкусные калачи, а герб города с тремя стерлядками, который сбил Тунгалот, снова поместили на старое место.

И. О! Чудо! Народ воспрянул духом. Он всё вспомнил. Глядя на свои игрушки, калачи и гармошки, в нём проснулась потребность не только жить, но и творить, любить и быть любимыми. Первым делом горожане прогнали свиней с улиц и заперли их в свинарниках; наделали для детей глиняных игрушек и всех в городе накормили вкусными саратовскими калачами с хрустящей корочкой. Затем в городе был устроен праздник, на котором саратовская гармошка с колокольчиками, так веселила жителей, что те плясали до упада.

Саратовцы были необыкновенно рады. Жизнь их снова стала весёлой и счастливой, им вернулся божий творческий дар. «А как же сорока?» – спросите вы. С ней всё хорошо. Но ей так хочется рассказать про пещеру, так хочется, но она не может нарушить данное слово – не говорить никому, где замурован Тунгалот.

Саратов, 2019, 2 октября.

Вязары

Как-то повёз игрушечник Трофим в дальнее село глиняные игрушки продавать. Положил их в телегу на сено и сеном прикрыл, запряг коня и поехал. Едет он, то полем, то перелеском, а тут в лес въехал. Дорога осенняя, тряская, лужи глубокие встречаются. Трофим их объезжает, а сам думает: «Хорошие игрушки получились, то-то будет выручка знатная...» А тем временем одна доска в задке телеги от тряски по кочкам возьми и подломись. Те игрушки, что на этой доске лежали, так сразу в дыру и попадали. Только упали они не на твёрдую землю, а в густую траву, так как игрушечник в это время большую лужу на дороге объезжал, вот и свернул в сторону. Трофим и не заметил, что у него игрушки из телеги вывалились, так дальше и поехал.

Игрушки же, немного полежав в траве, стали из неё выбираться. Рыбачка Алёна со стерлядкой в руках, первая завозилась и, через силу перешагивая через густую траву, вылезла и села тут же рядом под берёзой. Минуты через две к ней подошла калачница Марфа с калачом в руках. Она рядом с Алёной из телеги приземлилась. За ней Груня с коровкой – Пестравкой появились. Груня подошла и рядом на землю села, а Пестравка тут же начала травку жевать, что рядом с

берёзой росла. Позже подошли Ивашка-гармонист, петушок с топором на плече и гусь.

Ивашка стал сразу пробовать гармошку – не повредилась ли при падении; гусь, вытянув шею и пригнув её к земле, стал шипеть и возмущаться тем, что игрушечник Трофим не закрепил доску в телеге и что это большое безобразие. Один петушок деловито ходил взад и вперёд и о чём-то сосредоточенно думал.

Первой из выпавших игрушек заговорила Марфа.

– Подружки мои милые! Мы что, так и будем сидеть под этой берёзой и мёрзнуть. Ведь осень на дворе, дожди перепадают, туманы, а у нас нет ни крыши над головой, да и идти – не знаем куда?

– Это верно, – проговорил гусь, – мы же лежали в телеге, накрытые сеном, и не можем знать, где и на какую дорогу повернул Трофим лошадь и где мы сейчас находимся?

– Верно, – подтвердила Алёна, – Мы знаем только то, что игрушечник нас вёз в город Саратов на базар и больше ничего.

– Совсем дело дрянь, – подвёл черту Ивашка-гармонист. – Где находимся? – не знаем, куда идти надо? – тоже не ведаем...

Сидят игрушки под берёзой, мёрзнут и никак ничего придумать не могут. От холода жмутся друг к дружке. Откуда ни возьмись сорока, села на сучок и трещит:

– Ишь, чего удумали! На ночь глядя в лес пришли! Чего сейчас в лесу делать!? Поздняя осень, ни грибов, ни ягод... пустота одна.

– Ты нас, сорока, не упрекай, – говорит в ответ петушок, – мы не по своей воле в лесу очутились. Доска в телеге обломилась, вот мы и вывалились. Где бы нами уже дети играли, а мы вот здесь мерзнем. Куда идти – не знаем, что делать – не ведаем. Лес вокруг... Помогла бы лучше нам, а то трещишь без толку.

– Ладно... ладно... Чего уж там, это я так, для форсу. Разве мы, сороки, в положение войти не можем.

– Так подсажи... – встряла Марфа-калачница. – Ты по лесу летаешь, всё знаешь, всё видишь, всё слышишь, а информация – дело великое...

– Знаю... летаю... слышу... вижу... На ус мотаю. Так как это самое сорочье дело – информацию собирать. Вороны вон тоже много чего знают, да не делятся. Прокаркает два слова и понимай, как знаешь... А мы, сороки, не такие, мы что знаем, сразу всем рассказываем и всё до тонкостей.

– Болтушки вы! – Не выдержал гармонист Ивашка. – Уже десять минут трещишь, какие вы сороки всезнающие и ни одного слова толкового, одна реклама вашей незаменимости.

– Ах, ругаетесь, так я совсем ничего не скажу, будете знать, – и сорока повернулась к игрушкам хвостом.

– Нельзя так с ней, – прошептала Ивашке Алёна. – Видишь, какая обидчивая.

– Извини, белобокая, я пошутил!!! – крикнул Ивашка сороке.

– И я пошутила, – протрещала сорока и, довольная тем, что перед ней извинились, повернулась к игрушкам передом, продолжила. – Вон, видите толстое высокое дерево, у которого макушка сломана, это дерево называется Вяз, – и она показала крылом в нужном направлении. «Да, да, видим» – закивали игрушки. – Так вот, идите к этому вязу, в нём найдёте дупло. В том дупле и переночуете, – и сорока улетела.

Игрушки пошли в указанном направлении и вскоре подошли к толстому дереву с дуплом. Дупло было не низко и не высоко, однако просто до него не доберёшься.

– И как же мы!?! – воскликнула Алёна.

– А топор на что, – сказал петушок и быстро вырубил несколько сучкастых жердин. Затем нарубил коротких палок, положил на сучки жердин палки, примотал их стеблями вьющейся травы. Получилась лестница. Таким же образом он сделал ещё одну лестницу, покороче.

Петушок приставил лестницу к дереву и быстро по ней добрался до первого сучка. Затем, он от первого сучка до второго установил другую лестницу, поднялся по ней и очутился рядом с дуплом. Оттуда он махнул товарищам топором, дескать, следуйте за мной, и скрылся в дупле. За ним по лестнице стали подниматься

остальные игрушки. Один гусь не хотел лезть по лестнице, а всё примеривался взлететь, но у него ничего не получалось, мешали ветки.

И вот все игрушки поднялись по лестницам и очутились в дупле. Дупло оказалось довольно просторным, так, что игрушки расположились в нём весьма неплохо. В дупле было тепло и уютно, а мягкая труха на дне служила хорошей постелью. Вскоре они уснули. А ночью погода изменилась – завыл ветер. Он раскачивал дерево и, поначалу было страшно, потому, как дерево старчески скрипело и вздыхало, и игрушкам чудилось, что к ним кто-то лезет страшный и большой. Но потом ветер утих, а утро уже было солнечное и спокойное.

Глиняшки проснулись отдохнувшими и весёлыми.

– Друзья! Раз уж так получилось, что по воле случая мы оказались здесь, в лесу и сорока помогла нам отыскать это великолепное дупло, то надобно уже нам самим позаботится о своей дальнейшей судьбе, – сказала молчунья Груня, обнимая свою коровку.

– Думаю, что в этом дупле мы и обоснуемся, – проговорил Ивашка, стряхивая с гармоники древесную труху. – А чего мы можем найти лучше этого? Думаю, что если мы хорошо поработаем, то это дупло превратится в шикарный дом.

– Так уж и в дом? – засомневалась калачница.

– А что!?! Прорубим пару окон, чтоб светлее днём было, на вход в дупло установим круглую дверь, сделаем перед ней крылечко с перильцами, а? – продолжал рассуждать Ивашка.

Его идею подхватили. Каждый из присутствующих внёс своё предложение. Так рыбачка Алёна посоветовала поискать вокруг озеро или речку, чтоб в них рыба водилась, потому как жареная рыба им совсем не помешает. Калачница Марфа предложила изготовить в дупле печь и полку, чтоб было, где калачи выпекать и на полку ставить. Гармонист Ивашка захотел, чтоб вокруг ствола вяза, где находится дупло, была построена деревянная площадка с перилами и скамейками, чтоб было, где поиграть, поплясать и музыку послушать. Петушок порекомендовал, чуть ниже дупла, сделать ещё одно дупло, так чтобы жильё их было двухэтажным. В этом случае, первый этаж будут служить кладовой для съестных припасов.

– А ты что, Груня, молчишь, – обратился к девушке петушок, – посоветуй чего-нибудь.

– Мы совсем забыли о нашей коровке. Я предлагаю соорудить корзину и в этой корзине опускать коровку Пестравку, вниз пастись на лужок, что около дерева, тогда все будут и с молоком, и с маслом.

– Молодец, Груня, – похвалил Ивашка, – дельное предложение. – На том и порешили.

Вторым вопросом было обсуждение названия их общежитийного товарищества.

– Давайте назовём наше товарищество именем «Лесовики», – предложил гусь. Мы же в лесу живём, значит, лесовики.

– «Лесовик» – это другое. Это из области сказок про всяких гномов, кикимор и прочих, – усомнился в предложении Ивашка. – Нам надо такое название, чтоб оно суть нашего положения обозначало, где мы живём, как живём?

– На дереве мы живём, – буркнула Алёна.

– Вязары мы, вязары, – протараторил гусь.

– Что это за слово такое? Поясни, растолкуй, – попросил петушок. – Не слышал раньше.

– И растолкую, – боевито проговорил гусь. – Произведено это слово от названия этого дерева, в котором мы нашли своё убежище. Это дерево называется «Вяз». Стало быть, мы кто – «Вязары».

– Здорово придумал, – воскликнул Ивашка. – Я за это название, оно таинственное и древностью попахивает.

– Правильно! – поддержала его Алёна. – Глиняные игрушки, самые древние игрушки на земле. Они созданы были сразу после появления человека. Поэтому, название для нашего сообщества очень подходит. Есть в этом названии и мужественность, и таинственность...

Так игрушки и решили. Сказано, принято, сделано. Петушок тут же обстругал дощечку, написал на ней слово «ВЯЗАРЫ» и прикрепил к дереву с дуплом, только в низу, чтоб все могли прочитать.

Игрушки стали теперь себя гордо именовать «Вязаровцы».

После совещания сразу застучали топоры, зазвенели пилы. С дерева от дупла полетела щепка и опилки. Петушок с гусем доски пилят, Ивашка с Марфой печь из глины сооружают, Груня для коровки-Пестравки большую корзину плетёт. Через три дня всё задуманное было сделано. Дупло было облагорожено. В нём появились полы, кровати, в окна лились солнечные лучи, а из печи через трубу выходил дым и по всему лесу разносился чарующий запах Марфиных калачей. И потянулись к жилищу глиняных игрушек лесные жители, чтоб посмотреть, как Вязаровцы живут, а заодно и угоститься.

А угощать Вязаровцы любили. И шла по лесу о них слава. И чем больше о Вязаровцах узнавали – тем больше была слава и чем больше была слава, тем больше было у них возможностей встретить и недоброжелателей.

Сорока считала себя родоначальником этой славы, потому как именно она посоветовала игрушкам поселиться в дупле Вяза. Правды ради, надо сказать, что сорока действительно подсказала, где игрушкам можно

переночевать и дупло показала, но не более того. Теперь же она летала по лесу и всем говорила, какое товарищество она организовала на дереве в дупле. Это же самое сорока сказала и волчьей семье, живущей в самой глубине леса в логовище.

– Лежите, серые! Спите!!! – протрещала она над самым ухом седой волчицы и вожака стаи по имени Деревянная лапа, прозванного так за то, что он действительно, когда-то попал в капкан и чтоб не попасть к охотникам, отгрыз себе лапу и убежал. Потом ему бобёр выточил деревянную лапу и вот уже много лет вожак ходит на ней. – Лежите, говорю я вам, – вновь повторила сорока, – а того не знаете, что я в лесу товарищество вязаровцев организовала!

– Что!? Как!? Где!? – встрепенулась волчица. – Какое такое товарищество!? Брешешь, белобокая?

– Я не брещу, а трещу к вашему сведению, брещут собаки.

– Ладно, не придирайся. И не надо о собаках. Там где собаки, рядом и охотники... Лучше скажи, где конкретно это дупло находится? В лесу много всяких дупел. Лапы сотрёшь по всему лесу от дупла к дуплу бегать

– Не надо бегать. Вяз с отломанной верхушкой, все знают. Там у них лестница приставлена. По лестнице они к дуплу и поднимаются. А на ночь ту лестницу убирают.

– Спасибо, милая... Дерево это мы знаем... Спасибо...
Лети, уж. – Сказала ей Седая волчица ласково и сорока улетела.

– А что, – проговорил Деревянная лапа, – оглядывая выводок. – Не пора ли и нам попробовать калачиков в их вязарне. Птица говорит – больно они хороши.

– Это было бы очень кстати, – проговорила Седая волчица. – Только нам волкам не престало по деревьям лазить. Высоко, и разбиться можно. Надо что-то придумать, чтобы эта коммуна нас кормила и поила, а мы бы ничего не делали!

– Ха-ха-ха!!! Это славная мысль, – зарычал Деревянная лапа. Может быть, ты сама и придумаешь, как всё это обстряпать. Я что-то сегодня плохо думаю, видно вчера лосятиной объелся.

– Предлагаю слепить из глины шпиона и заслать его в дупло, – проговорила Седая. – Он там хорошенько всё обо всём узнает и нам расскажет, а мы уж обмозгуем, что нам дальше делать.

– Это мне нравится, это ты хорошо придумала, – похвалил Седую волчицу Деревянная лапа. – Только это что за шпион такой будет, которого мы сделаем?

– Ты, муженёк, совсем не хочешь головой работать, всё на клыки полагаешься. Как ты без лестницы к дуплу поднимешься, если не будет на дереве помощника и тебе эту лестницу оттуда он не спустит?

– Молодец, Седая, – и Деревянная лапа потёр лапу о лапу от предвкушения трапезы в дупле.

– Давай муженёк, слепим из глины Чучмыкало и пошлём это Чучмыкало к вязарам. Чучмыкало претворится больным и неимущим, вот вязаровцы его в дупло и пригласят, – предложила волчица.

– А кто это Чучмыкало, зверь, али человек? – поинтересовался вожак.

– И не зверь, и не человек. Мы же с тобой лепить не умеем. Ни путёвого зверя не слепим, а уж тем более человека. Слепим того, кто получится, тот и будет Чучмыкало.

– Ха-ха-ха!!! Вот здорово придумала! Славно у тебя, Седая, на это мозги работают. – И волки принялись за дело. Принесли глины, перемяли её лапами и слепили Чучмыкало. Что-то похожее на козу, зайца и поросёнка одновременно с двумя парами рожек и двумя парами ушей. Приделали ему пороссячий хвост, прилепили лапы на передние ноги, а копыта на задние. Высушили его, подкрасили, чем и как могли и отправили к дуплу, строго настрого наказав про волков ничего не говорить, а если вязаровцы будут спрашивать кто он таков?, твердить одно, что он – Чучмыкало, слеплен из глины, пустите в ваше дупло перезимовать, иначе Чучмыкало погибнет от холода и голода.

Принесли волки в зубах Чучмыкало к дереву с дуплом, а сами спрятались за соседнее дерево и стали

наблюдать. Чучмыкало же, выждав, когда волки спрячутся, заголосил:

«Помогите глиняному Чучмыкало!

Не дайте пропасть бедному сиротинушке!

Холод идёт – у Чучмыкало одежды нет!

Голод грядёт – у Чучмыкало поесть нечего!

Дожди идут – Чучмыкало размокает!

Враги окружают – Чучмыкало защитить некому!»

Услышали его причитания игрушки и стали разговор вести. С одной стороны вроде странник, а с другой стороны никто из вязаровцев никогда такого имени не слышал. Первой в пользу Чучмыкало высказалась сердобольная Алёна.

– Он же говорит, что он глиняный, значит, наш брат и надо помочь, – сказала она.

– Глиняный - то он глиняный, только кто его слепил? – нельзя в дом вот так, сразу, кого угодно пускать. – Заметила осторожная Марфа.

– Нас много. Что он может нам сделать дурного? – сказал гусь, – и потом он такой махонький... Я с площадки смотрел.

– Пусть влезает, – заключил Ивашка. – Эй! Кто ты там! Поднимайся в дупло! – крикнул он, высунувшись в окно. Через пять минут в дупло просунулась чудненькая голова с двумя парами ушей и рогов, лапами на передних ногах и копытцами на задних.

– Это и есть я – Чучмыкало, – проговорило странное существо и тут же забралось на стол и стало уплетать пирожки.

– А спрашивать хозяев разве не надо? – сделала гостью замечание Алёна. – У нас на столе не сидят.

– Я никогда не видел столов, – ответил Чучмыкало.

– С ним всё ясно, – буркнул петушок, – слепил его какой-нибудь озорник, да и выбросил на улицу. Только не выгонять же его теперь от нас! Будем перевоспитывать.

– Совершенно верно, – поддакнул Чучмыкало. – Меня надо перевоспитывать, а выгонять бессердечно и нецивилизованно.

– Хорошо. Берёмся за его перевоспитание и приучаем к манерам хорошего поведения, – подвела черту Груня.

– Работой мы его обеспечим, будет Пестравку на лугу летом пасти, а сейчас его надо оттереть, иначе от него псиной воняет.

– Ох, и омерзительно ты воняешь, – поддакнул гусь, – с твоим появлением наше дупло как бы превратилось в псиную конуру.

Через полчаса Чучмыкало, отёртый от запаха волчьей стаи, сидел за столом на скамейке, болтал ногами и мотал коротким поросячьим хвостиком. Он был премного всем доволен. И ещё он был рад тому, что вязаровцы не выставили его за дверь и что так всё хорошо обошлось. Через какое-то время,

присмотревшись к жизни игрушечного товарищества, он увидел, что в нём все равны, и каждый делает то, на что способен.

В первое время своего появления в дупле, Чучмыкало ничего не делал, а только влезал в доверие и ждал команды от волков. Его задача была только одна – стать в вязаровской команде своим и ещё, когда вязаровцы уснут, спустить вниз лестницу. Много ли времени прошло, или мало – никто не знает, только стали вязаровцы Чучмыкало доверять.

У вязаровцев было правило. Каждый вязаровец по очереди, в свой день, был обязан спускать вниз лестницу, чтобы игрушки могли сойти с дерева на землю. Там они заготавливали целебную траву, собирали ягоды, ловили рыбу.

Чучмыкало уже доверяли дежурство и он спокойно спускал лестницу, используя для этого деревянный ворот. И вот однажды, когда Чучмыкало спустил лестницу и спустился по ней сам, из-за ствола показалась серая морда Деревянной лапы.

– Эй! Чучмыкало! Ну! Кто там главный? Кого там можно украсть и потребовать выкуп. – И Деревянная лапа потёр лапу о лапу.

– У них нет главных, – проговорил Чучмыкало.

– Как нет главных? – удивился вожак.

– Нет у них главных, так что крадите любого и требуйте выкуп, – подтвердил Чучмыкало.

– За любого они выкуп платить не будут.

– Будут. У них такой закон.

– Тогда спусти лестницу сегодня ночью, когда свистну, понял? И попроси кого-нибудь тебе лестницу поднять. Скажешь, что за что-то внизу зацепилась. Он полезет вниз, тут мы его и сцапаем.

– Понял я тебя, Деревянная лапа, понял. Так и сделаю.

И вот настало время ночного дежурства Чучмыкало. Ровно в 12 часов ночи, когда все стали укладываться спать, Чучмыкало объявил, что лестница почему-то не поднимается, видно за что-то зацепилась. Проверить лестницу пошёл петушок, там под деревом его Седая с вожакom и сцапали. Заткнули ему рот, бросили в мешок и отнесли в логово. На следующий день стая прислала парламентёра. Молодой волк по имени Везуля подошёл к дереву с дуплом, постучал по нему палкой и, выставив ногу, прорычал:

– Эй! Выходи! Слушай Везулю! Везуля сейчас вам бумагу читать будет. Гы-гы-гы!!!

Игрушки высыпали из дупла на пристроенный настил и стали смотреть вниз, отыскивая глазами Везулю. Везуля начал читать.

УЛЬТИМАТУМ

Волчья стая, именуемая «Нелюдимая», захватила в заложники вашего глиняного петуха с топором. Если

ваше товарищество не обяжется выплачивать нам ежемесячно дань, то мы вашего петуха с топором загрызём. Выполняйте условия ультиматума и ваш петух будет жив. Гы-гы-гы!!!

Затем добавил:

– Ниже указаны цифры, чего и сколько нам поставлять.

Волк подпрыгнул и нанизал листок с ультиматумом на сучок.

– Вот, получите!!! Приду за ответом завтра, – и Визуля ушёл. После его ухода Ивашка быстро спустился вниз и принёс бумагу с текстом ультиматума. Вязаровцы стали изучать текст. Хотя особо изучать там было нечего. От Вязаровцев требовалось через каждые две недели предоставлять волчьей стае одного барана, сорок куриных яиц и одного гуся.

– Нет! Вы посмотрите! – возмущалась Алёна, – склад наши.

– А, может быть, порвём ультиматум и вопрос решим? – проговорил Чучмыкало. Он так специально сказал, чтоб вязаровцы обратили на него внимание. И эта его уловка сработала.

– Они петушка загрызут. Тут же ясно написано, – пояснила Марфа, думая, что Чучмыкало не понял текст.

– Да я понял, понял, – проговорил Чучмыкало. – Что будет страшного, если у нас станет на одного члена в команде меньше? Ничего страшного не произойдёт. Пусть петушок сам выбирается, как знает.

– Да ты что такое говоришь! Га-га-га... – возмутился гусь. – Для тебя потеря петушка, как я вижу, дело обыденное!!! Ты об этом так спокойно говоришь!!! Да ты завтра нас всех по одному отдашь. Так выходит!? Так только волки поступают. Загрызть соплеменника, если он оступился, у них обычное дело. Постой, а не будешь ли ты, Чучмыкало, – волчий шпион? Больно уж ты по волчиному рассуждаешь? А... Угадал? – и гусь строго посмотрел на Чучмыкало.

Чучмыкало от этих слов гуся даже затрясло от испуга.

– Нет, нет... Я не шпион, – проговорил он, заикаясь.

– Тогда кто тебя слепил? Говори! – выкрикнул Ивашка. – Не мог же ты из глины сделаться сам. Говори! – Ну! Мы знаем, кто нас слепил – игрушечник Трофим... – сердито проговорил Ивашка и добавил угрожающе. – Скажешь правду – сохранишь себе жизнь.

Так он сказал, чтоб только напугать Чучмыкало.

– Я скажу... скажу... я обязательно скажу, – всхлипывая, повторял одно и то же Чучмыкало. – Меня слепила старая волчица. Её в стае зовут – Седая.

– Можешь не продолжать, – оборвал Чучмыкало Ивашка. – Слепили и заслали к нам на дерево. Значит, лестница ни за что не зацепилась, её просто ты по сигналу стаи спустил, а волки её привязали, чтоб поднять было нельзя, так!?

– Так... – опустив голову, произнёс Чучмыкало.

– Ну и гад же ты, – произнесла Алёна.

– Он не гад, – сказала Груня. – Он выполнял задание стаи. И надо сказать, успешно его выполнил, талантливо, иначе у нас не было бы проблемы! – и она, взяв листок с ультиматумом, потрясла им над головой. – Это ещё говорит о том, что у нас отсутствует служба собственной безопасности и вот – результат нашей беспечности налицо. Мы же Чучмыкало ни одного провокационного вопроса не задали и не раскусили его сущности, когда с ним знакомились!

– Всё это так, только вопрос всё равно надо решать. Га-га-га... Наш товарищ в беде, – вставил гусь.

– У меня есть предложение, – проговорила Алёна. – Давайте Чучмыкало обменяем на петушка с топором... А!? Мы ведь раскрыли их шпиона. Я слышала, так бывает... Завтра Везуля придёт за ответом, а мы им и выставим их Чучмыкало.

С этим все согласились.

На следующее утро по дереву постучали. Это пришёл Везуля и не один, а с главарём волчьей стаи Деревянной лапой. С дерева через перила свесился Ивашка. Он цепко держал за воротник Чучмыкало.

– Ваш шпион разоблачён! – сказал Ивашка. – Не пора ли обменяться с вами, «любезные». Вы нам петушка, а мы вам вашего Чучмыкало. Как, идёт?

– Не...а. – Сказал волк Деревянная лапа. – Этого Чучмыкало можете оставить себе. Я его вам дарю. Ха-ха-ха!! Мы, если надо, себе ещё такого же слепим.

– Как это дарите!? – я же ваш... – растерянно и очень удивлённо громко спросил Чучмыкало Деревянную лапу.

– Тебя раскрыли как волчьего шпиона! – крикнул Деревянная лапа. – С этого момента ты перестал быть для волчьей стаи ценным, такова логика нашего волчиного сообщества. Мы бы тебя могли взять, если б ты был не из глины, а, например, из мяса. На обед бы пригодился. Ха-ха-ха!!! Простите, господа, – обратился вожак к обитателям дупла, – наш ультиматум остаётся в силе, и мы ждём ответ. Ответ дадите завтра утром. Думайте, – и волки ушли.

– Что же нам делать!? Я думала, что они дорожат своими шпионами? – сказала Алёна.

– Это волчье отродье дорожит только своими желудками, – пробормотал Ивашка. – Любую, хоть самую преданную им зверушку они бросят и вытрут об неё лапы, если она перестаёт быть для них полезной.

– Делать-то нам чего? – встрепенулась Груня.

– Я вас прошу, вы меня не отдавайте волчьей стае, – взмолился Чучмыкало. – Они меня разорвут на части и клочки по лесу разбросают. Бедный я бедный, никому не нужный Чучмыкало-о!

– А нам от тебя какая польза? – спросил шпиона гусь. – Из-за тебя наш петушок находится в плену. Мы тебе и сострадаем только потому, что ты тоже глиняный, как и мы.

– Только нас лепили любящие руки мастера, а тебя когтистые лапы волка. И ты не обожжён в огне, как мы, потому что твои серые мастера очень огня боятся, понял! – заключил Ивашка.

– Я думаю, если его обжечь, – вставила Алёна, – то из него неплохая фантастическая игрушка получится. Я не шучу... Посмотрите на него, чем не лунное создание. Главное – в нём предательскую суть огнём истребить.

– И то верно, – поддержала Груня, – заодно в нём выгорит вся эта волчиная мерзость, начиная с запаха.

– Так и сделаем, только позже, а сейчас надо думать, как петушка выручать, – проговорила Марфа, – Чучмыкало никуда не денется. – У, шпионская морда! – и Марфа угрожающе замахнулась на Чучмыкало веником. – Все беды из-за тебя...

– Я сейчас пойду к волчьему логову и освобожу глиняного петушка с топориком! – громко сказал Ивашка и стал одевать сапоги.

– Тебе туда нельзя идти, – заявил гусь. – Во-первых это должно быть далеко, а во-вторых, мы не знаем, где находится логово.

– Зато я знаю, – протрещала сорока, садясь на дерево со сломанной макушкой. – Вижу, что беда у вас. Ой, беда. Скажу я вам так. Летала я по лесу и видела вашего петушка с топором. У меня сразу возник вопрос: «Почему это петушок со связанными ногами и крыльями в логове у волчьей стаи находится?» Резонный вопрос. И я, сорока, не могла на него однозначно ответить, полетела узнать о петушке к вам.

– А вы, госпожа сорока, не могли бы показать нам, где находится волчье логово? – Спросила тихо Алёна.

– Это кому показать?

– Нам всем, – проговорила вкрадчиво Алёна.

– Ха-ха-ха! Вот насмешила! Вот насмешила! – Засмеялась сорока. – Спасительница нашлась. Да знаешь ли ты, кто такие волки!? Их все в лесу боятся. Никто с ними биться не выходит. Во-первых – их много, очень много. Во-вторых – у них крепкие зубы. А вы, что им противопоставите?? Ни-че-го, – убедительно подчеркнула она и улетела.

– Сорока права, – проговорил гусь. – Волки с нами расправятся, как с осенними опёнками. Просто наступят – и нас нет.

– А если нам наделать калачей не из муки, – начала вслух рассуждать Алёна, – а из глины. А!? Разве мы не сумеем!? Мы же видели, как это делает игрушки игрушечник Трофим.

– Зачем нам калачи, да ещё из глины? – полюбопытствовал гусь.

– Кстати, гуси нам тоже с петушками не помешают.

– Да говори ты яснее? – проговорил Ивашка.

– И так всё ясно, – улыбаясь, сказала Алёна. – Дело ведь в чём? – У нас нет своей армии, чтобы нас защищала. Вот я и предлагаю наделать из глины боевых калачей, боевых петушков и боевых гусей. Все будут вооружены пиками, саблями, боевыми топорами. Боевые гуси станут у нас воздушными истребителями, они будут нападать сверху, а ещё на них мы возложим воздушную разведку. Сделаем так же несколько

больших башен-калачей на колёсах. В них укроется наша артиллерия. Пусть волки попробуют устоять против такого войска. Разумеется, никак нельзя обойтись без саратовской гармошки с колокольчиками. В бой надо идти с музыкой.

– Здорово придумала! – вскричал Ивашка и запрыгал на месте от радости.

С таким решением вопроса все согласились. Действительно, а почему бы не выставить против серых разбойников самодельное войско. И работа закипела. Одни из вязаровцев носили глину, гусь летал за водой, Ивашка, Алёна, Груня и Марфа лепили. Работа спорилась и вскоре на ветках вяза, на подмостках, везде, где только можно, сушилось вязаровское воинство.

После того, как изделия высохли, Ивашка с гусем принялись за их обжиг. Несколько недель вязаровцы обжигали свои глиняные полки. Наконец всё было готово. Полки гусей-истребителей, гусей-бомбардировщиков, трёх башен-калачей с пушками, и сотня петушков с боевыми топорами и пиками были выстроены на поляне. Одного не доставало – карты, с месторасположением логова.

– Жаль, что у нас нет карты, – проговорил Ивашка.

– Как нет, а я на что!?! – протрещала сорока с сучка вяза. – Я полечу впереди. Я отлично летаю между деревьями и буду указывать вам путь к логову. Только знайте, Деревянная лапа, прознав, что ему придётся сражаться с целым глиняным войском, призвал на

помощь другие стаи волков, и теперь их много больше чем было.

– Ничего, справимся, – проговорил Ивашка и скомандовал: «К бою, Вязаровцы! Веди нас сорока к логову серых разбойников!» И только он это сказал, как зашевелились, взмахивая копьями и саблями, сотни глиняных калачей. Они стали выстраиваться в шеренгу. Сзади шеренги стали трещать кусты и мелкие деревья, это выкатывались на боевые позиции башни-калачи с пушками наверху и с окнами-бойницами по периметру. Впереди всех шёл с гармошкой с колокольчиками Ивашка и играл для подъёма духа керамического войска вдохновляющую на ратный подвиг мелодию.

А волки их уже ждали. Огромной серой массой они заполнили лес за поляной. Куда ни бросишь взгляд – везде волки, волки, волки. Предводителем у них был Деревянная лапа. Он восседал на командном пункте, который был сделан в виде двухэтажной башенки на колёсах, которую тащили с десятков диких свиней. Кабаны клыками раздирали заросли на пути командующего, прокладывая путь через лес.

Два войска сближались и, наконец, на большой поляне их передовые шеренги встретились. Началась битва. Сразу послышались грозное рычание, лязг зубов, свист ядер, стоны раненых. Волки, как не были сильны и беспощадны, они ничего не могли противопоставить боевым керамическим калачам-башням. Их клыки высекали искры, ударяясь о керамические стенки калачей-башен. Но пробить их они не могли. Калачи-

башни так усердно палили по скоплениям волков, что их каменные ядра убивали сразу десятками серых разбойников. Однако серые не сдавались и не отступали. Они ловко прятались за стволами деревьев, использовали густые кустарники для засад, откуда засовывали брёвна в спицы колёс башен-калачей и те не могли дальше двигаться.

– Боевые гуси, вперёд! – выкрикнул Ивашка, и десятки гусей, взмыв над лесом, принялись сбрасывать камни на головы диких свиней и волков. Это нанесло войску противника ощутимый вред. Кабаны, не выдержав атаки сверху, бросились с визгом бежать. Волки стали применять клыки к своим недавним союзникам. Но и клыками бегущих было не остановить.

Хоть кабаны и сбежали с поля боя, но волки были ещё достаточно сильны. Они всей серой массой навалились на вязаровское войско. И совсем бы плохо пришлось игрушкам, если бы не тихая Марфа. Она выгребла из печи угли, сложила их в тазик и, выбежав в первые ряды сражающихся, стала бросать раскалённые головёшки в волков. И это стало переломным этапом в сражении. Такого серые разбойники не ожидали. Ядра из башен они терпели, камни с неба они терпели, но, когда в них полетели раскалённые головни, волки не выдержали.

«Тикай, серые!!!» – крикнул кто-то из волков, – и вся эта, некогда злобная и воинственная масса, бросилась бежать с поляны. Над ними летала меж деревьев сорока и трещала: «Тра-та-та-та-та». «Это пулемёт» думали

волки и надавали жару, а боевые гуси снижались и, где лес был редок, клевали сверху серых разбойников.

Наступление вязаровцев было разгромным. Волки убегали и уже не сопротивлялись. Наконец одна из башен-калачей упёрлась в большое упавшее дерево и остановилась. Из неё вышли Алёна, Марфа и Груня. Они сразу поняли, что перед ними волчье логово. Женщины вошли в него и увидели связанного по ногам и крыльям петушка с топориком на плече. Он был еле живой. Женщины развязали петушка. А так как он был весьма слаб, то решили отправить его в дупло на колеснице предводителя волков, брошенной за ненадобностью. Очень пригодился и сам Деревянная лапа, которого нашли у болота под корягой, потому как он побоялся отступить со своей армией, так как волки не могли ему простить поражения и договаривались своего главнокомандующего загрызть.

Деревянная лапа не сопротивлялся. Он сам вошёл в оглобли и потащил свой командный пункт с петушком по просеке в направлении старого вяза с дуплом. В это время начался сильный дождь. Обожжённые глиняные игрушки не боялись дождя, они не могли размокнуть, а вот Деревянной лапе от ливня досталось, он промок до нитки. И только, когда все вязаровцы собрались в дупле, а их войско внизу встало на охрану дерева они вспомнили о Чучмыкало.

– Его надо немедленно найти, – встревоженно проговорила Алёна.

И тут в дупло влетела сорока.

– Не надо Чучмыкало искать, – протрещала она, – он не пропал, просто с ним произошло то, что и должно было произойти. Он в ливень пошёл в лес и размок, – и сорока положила на скамейку лепёшку мокрой глины. – Это всё, что осталось от волчьего шпиона, можете пощупать.

– Что же ты его не остановила?! – сердито спросила Марфа сороку.

– Почему ж? Останавливала, расспрашивала...

«И что он сказал?» – спросил кто-то тихо.

– Он сказал, что находится среди тех, кого он предал ему душевно тяжело, а быть с волками ему страшно и что он пойдёт туда, куда глаза глядят.

– Вы видите! Видите! Он всё осознал! – воскликнула Груня. – Я так и знала... он всё осознал!!! Только вот сделать уже ничего нельзя, Чучмыкало нет.

– Почему же ничего нельзя сделать, – проговорил гусь. – Из этого комка глины мы вылипим нового Чучмыкало и обязательно его обожжём, чтоб был совсем такой, как мы и не был шпионом.

– И без псиного душка, – вставила Марфа и все весело засмеялись.

На этом сказке конец. А вот слепили вязаровцы нового Чучмыкало, или нет, то мне неизвестно. Я с той поры с ними не встречался, хотя знаю, они и сейчас живут в том самом дупле. Только Вяз стал старее.

Саратов, 2020, 7 января.

Четыре ветра

У Дуни мама погибла в автомобильной аварии. Они жили немного вдвоём с папой, а потом отец привёл в дом новую жену и не одну, а с двумя девочками-одногодками. Конечно, Дуне было неприятно такое новшество в жизни, но она смирилась. Куда же ей деваться, если родной матери не стало.

– Ты Зину с Зоей не обижай, а наоборот помоги им освоиться на новом месте жительства, – попросил отец, уходя на работу. Дуня кивнула.

– Вот и хорошо! Вот и умничка! – проговорил отец и погладил дочь по волосам. – Привыкните друг к другу, притрётесь, и потечёт наша жизнь обычным руслом.

Только жизнь у Дуни, как говорил и хотел отец, не потекла обычным руслом. Оказалось, что эти тихие и, на первый взгляд, милые девочки оказались ленивицами с дрянными характерами. Они ругались между собой по поводу и без повода. А когда они между собой переставали браниться, то начинали выяснять отношения с Дуней. Зина и Зоя чинили Дуне многие гадости. То они Дунины платья помнут, то чулки запрятут, то нарисуют в её альбоме всякие мерзкие рожи, а когда Дуня пожалуется мачехе, то мерзавки её же и обвиняют, дескать, это она сама рожи нарисовала, а на них сваливает.

Как правило, мачеха в споре вставала на сторону дочек, а Дуню наказывала. Хотите знать, как она Дуню

наказывала? Да очень просто: то в угол поставит, то заставит пшено от мусора перебирать. Выбрать мусор не сложно. Дуня его выберет, а Зина с Зоей возьмут и незаметно снова его в пшено подсыпят. Мачеха на падчерицу с ремнём. Дуня всё терпит и ни слова не говорит.

Дуня вообще очень душевная и работающая девочка, не то что Зоя и Зина, которые не знают никакой домашней работы. А ещё Дуня любит читать. Она сама, без помощи взрослых прочитала книжечку со сказками. Её много чего интересует. Например: она, когда была жива её мама, посещала центр дополнительного образования и училась там лепить глиняные игрушки и играть на Саратовской гармошке с колокольчиками. Дома её мама научила вязать и выпекать разные разности. По праздникам они пекли с мамой настоящий саратовский калач. Калач после выпечки был тёплый, мягкий. Дуня знает всю рецептуру его изготовления. Помнит сколько нужно пшеничной муки, дрожжей, сахара, соли и так далее.

Жаль, что при мачехе в семье калачи уже не пекут. Мачеха запретила падчерице посещать кружки, а всё больше стала заваливать её домашней работой.

– Нечего зря шляться... – говорит она. – Подумаешь, всякую безделицу научилась из глины делать. Толку от этого... Да ещё свои поделки в дом тащит!..

Однажды она в ярости схватила слепленного Дуней баранчика и бросила его в мусорную корзину со словами:

– Попробуй достань! Сразу за дверь выставлю! Разводит здесь мусор...

– Правильно, мамочка, говоришь, – поддакнули сводные сёстры хором, а затем подошли, плюнули в корзину с мусором, куда только что улетел баранчик и расхохотались. Такого издевательства и надругательства над игрушкой Дуня вытерпеть не смогла. Её любимого Миту бросили в мусорную корзину, да ещё туда же и плюнули... Это было уже выше её терпения. Она подошла к мусорной корзине, достала из неё баранчика, отёрла с него слюну и положила за пазуху.

– Мама! Мама! Дуня-Пуня достала своего баранчика Миту! – закричали дочки и бросились к матери на кухню докладывать о Дунином преступлении. Мачеха, узнав об этом, тут же вошла в зал, поставила ногу на табурет, на котором сидела падчерица и громко проговорила:

– Это наглость! Моя милая. За это ты будешь серьёзно наказана...

С этими словами она схватила Дуню за шиворот и выставила её за порог.

– Проваливай прочь!!! – грубо сказала она и захлопнула дверь. Так совершенно неожиданно Дуня в холодную осеннюю ночь оказалась на улице. Прохожих нигде не было видно. Один игривый ветер, как котёнок

забавлялся с опавшими, побуревшими от заморозков листьями. Он, то гнал их от дома к дому, то поднимал в воздух и кружил у Дуни над головой. «Эх! Если б отец был дома, а не в командировке... Он бы не позволил мачехе выгнать дочку из дома», – думала Дуня.

Девочка долго бродила среди уснувших домов, пока окончательно не продрогла. Она зашла на детскую площадку, села на скамеечку и от обиды горько заплакала. Холод пробирал до костей. Зубы у Дуни стучали. Но самое главное в её ситуации была безнадёжность – никто не придёт и не обогреет, никто не скажет ласкового слова, никто не даст поесть...

Дуня достала из кармана, спасённого ею баранчика, и стала высказывать ему всё, что у неё накипело на сердце. Она гладила Миту по глиняным бокам, курчавой головке, щекотала его за ушами и всяко согревала его руками и дыханием, хотя в её теле тепла осталось не так уж и много. Вряд ли она досидит на этой скамеечке до утра. Уйдёт последнее тепло, и найдут её утром люди так же сидящей, на этой скамеечке, но безжизненно холодной. Знала это и Дуня, но что она могла поделать? Не было у неё ещё жизненного опыта противостоять самой невзгодам, мала она ещё.

И вдруг баранчик шевельнулся. От неожиданности девочка чуть не выпустила его из рук. Мита повернул головку, посмотрел на Дуню и проговорил

– Ме-э-э-э, Дуня. Ты отдаёшь своё последнее тепло мне, глиняной игрушке. У тебя доброе сердце и отзывчивая душа. Я рад за тебя. Только и у меня есть чем тебя порадовать. Поставь меня на землю рогами на восток, а хвостиком на запад и увидишь, что будет...

Дуня даже удивиться как следует не смогла, до того она продрогла и поставила машинально баранчика на землю. Мита, как очутился на земле, так сразу стал скакать по детской площадке, трясти рогами и высоко подпрыгивать, как бы танцевать. Дуне показалось, что этим беганьем баранчик подаёт кому-то условные знаки. И вдруг Дуня рядом с глиняным баранчиком увидела ещё одного баранчика, только воздушного. Это был баранчик-ветер. Ветер принял вид баранчика и скакал вместе с её глиняным баранчиком.

Только они так не долго скакали. Вдруг баранчики остановились и стали разговаривать друг с другом. При этом Мита часто поворачивал голову в сторону Дуни, а баранчик-ветер согласно кивал головой.

– Кто ты? – спросила Дуня незнакомого баранчика.

– Меня зовут – Авра, – ответил воздушный баранчик. – По просьбе моего друга глиняного баранчика я пришёл, чтобы помочь тебе.

После этого баранчики стали бегать и понарошку бодаться. Вот они разбежались, стукнулись рогами и на том месте, появились резные столбы с окованными железом и медью, воротами. Ворота были закрыты. Баранчики снова разбежались, и каждый из них стукнул

рогами в свою половинку ворот. После чего сразу заиграла очень красивая музыка, ворота распахнулись и за ними Дуня увидела необыкновенной красоты город.

– Пошли скорее в этот город!.. – произнёс Мита. – Там мы согреемся и увидим то, чего до селе не видели.

– Хорошо... – согласилась Дуня, и они шагнули за ворота.

Авра бежал впереди и показывал куда идти. А Дуня с глиняным баранчиком шли за ним. Вот Авра их вывел на небольшую площадь. На этой площади Дуня увидела четыре замка.

– Это замки моих родственников, – пояснил баранчик-ветер. – Первый замок принадлежит моему северному брату – Борею. Это он насылет на землю вьюги и метели и под их завывание слушает и сочиняет сказки. Он очень могущественный и в тоже время очень сентиментальный. При сочувствии кому или чему либо, он может заплакать и даже разрыдаться.

– Вот не думала, – сказала Дуня. – Я полагала, что он самый суровый и беспощадный.

На её слова Авра только улыбнулся и продолжил говорить.

– Второй замок принадлежит южному брату – Ноту. Он, наоборот, весной отогревает землю и делает жизнь на земле радостной и весёлой.

– Вот к нему мы и пойдём, – проговорила Дуня повеселевшим голосом, – хоть отогреемся.

– К сожалению, мы не можем пойти к Ноту. Нот сейчас спит и двери замка заперты. Он будет спать до весны. Давайте лучше зайдём к Борею, – и Авра ступил на крыльцо замка.

Хотя Дуня и так от холода еле шевелила языком, ей ничего не оставалось, как пойти за воздушным баранчиком.

– Не бойся, – подбадривал её Мита, идя следом, – Авра не желает нам ничего худого. Я ему полностью доверяю.

– А почему твоего друга зовут Авра?

– Потому что он не взрослый ветер, а ветерок, дитя. – Пояснил Мита. – Мы с ним познакомились, когда я после лепки сох на подоконнике, помнишь, ты меня туда поставила, а он там играл со стрекозами?

Девочка в ответ только улыбнулась, вспомнив эту историю.

Как только они вошли в пышно изукрашенную зимними узорами залу, то сразу на троне увидели Борея. Это был старец с длинными белыми усами и такой же длинной белой бородой. Белые волнистые волосы спадали ему на плечи. На уровне лба они были подвязаны искрящейся серебряными лучами тесьмой. Взгляд его был строг и чуть задумчив.

– Кто это ко мне пожаловал? – спросил он строго.

– Это я, Авра... – ответил воздушный баранчик.

– Я вижу, что это ты, а кто с тобой?

– Это глиняный баранчик Мита, – и он указал на баранчика, – а это девочка. Её зовут, Дуня.

– Припоминаю... Эта та самая неслушница, что выскочила в холод ночью на улицу, кое как одетая, и стала гулять со своим баранчиком...

– Это совершенно не так, – возразил Авра. – Дуня, послушная девочка. Это её мачеха выгнала на улицу в холод.

– Это из-за меня, всё получилось, – встрял в разговор Мита. – Она не виновата. Если б не её сводные сёстры, которые на меня наплевали, то ничего бы и не было.

Старец поднял руку в верх. Все замолчали.

– Ах, я старый дурак, – проговорил Борей, и пал лбом на ладонь. – Ах, я старый пень с глазами. – Плечи его стали вздрагивать, а по неприкрытой щеке поползла серебристая слеза. – Что же я наделал! Чуть не погубил ни в чём неповинное дитя... Подойди ко мне девочка... – и Борей протянул к Дуне, украшенные перстнями с самоцветами, руки.

Дуня подошла к старцу, тот поднял и посадил её к себе на колени, а затем прикрыл её полой своей богатой шубы. Хотя дыхание у Борей было холодное, но под шубой Дуня быстро согрелась. Борей же погоревав о судьбе, Дуни вдруг спросил:

– Скажи Дунюшка, а умеешь ли ты сказывать сказки? Я очень люблю сам сказывать сказки, люблю их и слушать. Уважь старика, расскажи чего-нибудь.

– Хорошо, дедушка. Я знаю сказки и читать умею, – отвечает Дуня. – Хочешь я расскажу тебе сказку про саратовские ремёсла?

– Хорошо... рассказывай. Много я сказок слыхивал, а вот о Саратовских ремёслах слышать не доводилось. Хотя постой, – и он, обратившись к Авру, сказал:

– Пригласи ка сюда моих братьев Зефира и Эвра. Им тоже будет интересно послушать, особенно западному ветру Зефиру про ремёсла должно понравится. Любит он всегда что-то мастерить, то игрушки, то музыкальные инструменты, то ещё чего... У восточного брата, Эвра, тоже такие наклонности есть.

– Сей час приглашу!.. – выпалил Авра и выбежал из замка.

Не прошло и десяти минут, как в палату Борея вошли западный ветер, Зефир и восточный ветер, Эвр. По дороге видимо им Авра рассказал о Дуне и ветры, ничего не спрашивая, уселись рядом с Бореем и стали слушать Дуню. А Дуня стала рассказывать братьям ветрам сказку про саратовскую глиняную игрушку, про саратовскую гармошку с колокольчиками и конечно же про знаменитый саратовский калач. И вот, когда она рассказывала о том, что случилось с игрушкой и гармошкой, оживился ветер Зефир, глаза его заблестели, он стал потирать руки и довольно хмыкать. Когда же рассказ перешёл на историю калача, то оживился ветер Эвр. Он стал ёрзать в кресле и воодушевлённо повторять: «Славно! Очень славно!».

После того, как Дуня закончила рассказывать сказку Зефир спросил девочку, а может ли она собственными руками что-то делать. На что Дуня кивнула и сказала, что умеет играть на саратовской гармошке с колокольчиками. Тут же Зефир хлопнул в ладоши и у Дуни на коленях очутилась гармошка с колокольчиками. Дуня взяла её в руки, прошлась по клавишам, дзинькнула колокольчиками и заиграла. Тут уж ветры никак удержаться не могли. Они покинули свои места и стали плясать посреди залы.

Зефир быстрее братьев двигал ногами, прихлопывал в ладоши, а под конец пустился впрысядку. Борей расстегнул шубу, откинул воротник и так расходился, что чуть нечаянно всех не заморозил. Эвр, сложив руки на груди, так выбивал дробь каблуками, что с потолка сыпался иней.

– Ну, братья, хватит, – проговорил Борей переводя дыхание. Ветры были довольны. Когда они немного отдышались, то Зефир спросил Дуню:

– Какие же игрушки ты из глины можешь делать?

– Я могу делать разные игрушки, но лучше всех у меня получаются баранчики, – и она кивнула на глиняного баранчика Миту.

– Да, я сделан из глины Дуниными руками, – подтвердил Мита. После этих слов Зефир взял баранчика в руки и произнёс: «Славно!».

– Братцы! Дайте и мне слово молвить... – нетерпеливо проговорил восточный ветер Эвр.

– Говори. Мы тебе не мешаем, – произнёс Борей.

– Скажи, Дуня. Ты сама калач саратовский видела, или только о нём в сказке читала?

– Как же, конечно видела. Я его с мамой пекла. Да я и без мамы его испечь могу.

– Разве? – удивился Эвр. И, засомневавшись, спросил, – скажи, девочка, а что входит в рецепт саратовского калача, чего в саратовской земле не бывает и быть не может? Подумай. Если ответишь, то признаю в тебе мастера.

– Тут, дяденька ветер, и думать нечего. Нет в саратовской земле морской соли, а в калаче она присутствует. Унас и моря в Саратове нет.

После её ответа ветер Эвр захлопал в ладоши и заулыбался. Заулыбались и другие ветры.

– А можно мне вас спросить, – обратилась Дуня к ветру Эвру. – Скажите, а откуда вам известно про саратовский калач и его рецептуру?

– Он, Дуня, – проговорил вместо Эвра Борей, – знает брат толк в саратовской твёрдой пшенице, которую выращивают на востоке области из которой и выпекается саратовский калач. Он же ветер восточный.

«Славная девочка, – начали говорить братья ветры, – Жаль брат южный ветер, Нот, спит. Он тоже бы с нами порадовался. Дуняше надо обязательно помочь...»

– И поможем! – проговорил Борей. Он хлопнул в ладоши и тут же на Дуне вместо её изношенного короткого пальто появилась красивая шуба, на голове соболя шапочка, а на ногах отороченные дорогим мехом сафьяновые сапожки. Дуне в таком одеянии было

уютно и тепло. А ещё ветры нагрузили для Дуни целый воз подарков и всё это, вместе с Дуней, доставили поутру к её подъезду.

Люди стали выходить из подъезда по разным надобностям и тут же увидели Дуню с ворохом всякой всячины. Прибежали Зина и Зоя. Затем прибежала мачеха и всплеснула от удивления руками. Потом пришёл отец и всё дочернино добро занёс в квартиру. Мачеха тут же стала расспрашивать падчерицу о том, что и как с ней приключилось. Дуня всё по простоте душевной и рассказала.

Мачеха тут же решила и Зою с Зиной отправить к братьям ветрам. Она одела дочерей получше, а ближе к полуночи посадила их на скамейку на детской площадке. Сёстры захватили с собой Дуниного баранчика Миту. Они сразу поставили его на землю и Зоя стала говорить ему приказным тоном:

– Ну! Глиняная твоя душа, живо зови своего дружка-Авра, пусть и нас сведёт к братьям ветрам!

Мита, очутившись на земле, тут же запрыгал, затанцевал и вскоре сёстры увидели воздушного баранчика Авра. Баранчики о чём-то между собой поговорили, а дальше произошло то же самое, что и при Дуне. В результате они все очутились в замке Борея, где у того в гостях были ветры Зефир и Эвр.

Ветер Борей сразу посадил девочек на колени, приготовившись слушать сказки. Только сказок он и его братья не слышали. Зоя и Зина их просто не знали.

– Может быть вы ремёслами интересуетесь? – спросил Зефир, надеясь услышать от сестёр что-то интересное.

– Это что за ремёсла такие? Их, что едят? – Спросила с издёвкой Зина.

– Если говорить о саратовском хлебном калаче, то этот калач, разумеется, едят. – Пояснил Эвр. – Вы о нём чего-нибудь знаете?

– Это у нас сеструха всё знает, – ответила Зина. – Она любит с мукой возиться. У неё и спросите.

– А про саратовскую гармошку с колокольчиками вы что-нибудь слышали? – спрашивает западный ветер. – Может быть, даже и играть на ней умеете?

«Охота была мех дёргать» – высокомерно произнесла Зоя. «Нам что делать больше нечего», – добавила Зина!?

После такого ответа у ветров на лицах нарисовалось недоумение.

– Вы что, и местную глиняную игрушку лепить не умеете? – поинтересовался Зефир.

– Охота была пальцы в глине мазать. – Буркнула Зоя. Зина же, дёрнув сестру за рукав, ответив двусмысленно:

– А это, что, разве не наша саратовская глиняная игрушка... – и она кивнула на глиняного баранчика. – Ведь хорош, правда?

Такого поворота ветры не ожидали.

– Это, значит, вы слепили такого великолепного баранчика? – уточнил Борей.

– Если нам не верите, то его сами и спросите... – ответила Зоя.

– Почему бы и не спросить... – сказал Зефир и тут же, обращаясь к глиняному баранчику, произнёс: – Так, скажи, Мита, кто тебе жизнь дал?

– Разумеется, моя ненаглядная Дуняша. – Произнёс Мита, несколько витиевато, на чистом русском языке. Сёстры услышав человеческую речь из барашкиных уст, от неожиданности вздрогнули и хотели бежать, но строгий голос Борея их остановил:

– Куда же вы?! А подарки. От нас без подарков никто не уходит.

И тут же в комнату внесли чемоданы с подарками. А затем сестёр ветры с чемоданами доставили к подъезду дома где они жили.

Мать, как увидела дочерей в окно с подарками, сразу побежала жителей подъезда собирать и дочерьми хвалиться. Высыпал на улицу народ, шубы девочек хвалит, руками меха щупает... И всё бы хорошо, только вдруг платья, шубы и ленты диковинные стали превращаться в разных гадов земных.

Испугались Зина и Зоя. Закричали, завизжали от страха, посбрасывали с себя одежды и гадов, и голыми побежали в подъезд и по лестнице домой в квартиру, только их и видели. А народ смеётся: «Поделом вам бездельницы!!!»

На том и сказке конец. А Дуня стала жить-поживать и ремёслами саратовскими заниматься.

Саратов, 2020, 12 августа.

Оранжевый мальчик

Эта история произошла совсем недавно. Я бы и сам в неё не поверил, если б в ней не приняли участия мои лучшие друзья. А теперь всё по порядку.

Девочка Тася пошла на лужок собирать опёнки и шампиньоны для супа и увидела там, наполовину вросший в землю, большой, прямоугольный камень. Девочка и раньше ходила на этот лужок, но камня этого там не было. Тася заинтересовалась и решила его исследовать, вдруг это метеорит. Она встала на камень, от удовольствия подпрыгнула и крикнула «поехали!» И тут же камень под её ногами шевельнулся и вниз заскользил, подобно лифту. Едет вниз Тася, а по сторонам коренья, камни и грунты разного цвета мелькают. Потом совсем темно стало, а Тася едет и едет. Затем её земляной лифт движение замедлил и остановился. Тася сошла с каменного лифта и поставила корзину на землю.

Сказать, что Тася удивилась увиденному в месте остановки лифта – это значит – вообще ничего не сказать. Во-первых, это было очень глубоко под землёй, а во-вторых, там, где она очутилась, было большое пространство оранжевого цвета с различными оттенками. Сойдя с каменного лифта, девочка оказалась совершенно в ином мире. Тася увидела, как светло-оранжевый небосвод без солнца постоянно льёт на оранжевую землю свои светло-оранжевые лучи. Эти

лучи льются со всех сторон и потому предметы на земле не отбрасывают тени. Лучи не слепят Тасю и она с удовольствием подставляет под них своё лицо. Насладившись тёплыми лучами, Тася стала осматривать место, куда её привёз каменный лифт.

Девочка увидела, что сзади неё высится скала с каменным лифтом, а перед ней простирается большая каменная площадка, из расщелин которой трава и кусты пробиваются. И тут она вдруг услышала в корзине какой-то шорох. «Туда, наверное, забралась оранжевая мышка», – подумала Тася и сбросила с корзины покрывало. Удивлению её не было конца – на дне корзины мирно спали три её самые любимые игрушки: мальчишка–хлебный калач, девочка–гармошка с колокольчиками и глиняный петушок с ямчатой росписью.

– Ах, вы, неслушники! Вы как здесь оказались!? – спросила Тася строго. И вдруг, после этого вопроса, её игрушки стали шевелиться, а затем сели на дно корзины. Этому Тася удивилась не меньше, нежели тому, что очутилась в оранжевой подземной стране. Ведь раньше её игрушки не были живыми, а были обыкновенными игрушками, как тысячи других. А тут вдруг ожили.

– Не ругай нас, – сказал хлебный калач, спросонья. – Мы просто хотели с тобой пойти за грибами. А так как ты не хотела нас с собой брать, то мы и залезли в корзину...

– Не брани нас, Тася... Мы тебе пригодимся... – заверила гармошка.

– А я бы хотел знать, что это за место, где мы находимся? – проговорил петушок, осматриваясь. – Это совсем не похоже на луг, что у нас за огородом. Здесь всё по-другому.

– Я тоже, как и вы, не против узнать, где мы?.. – проговорила Тася.

– Как!!! И ты тоже этого не знаешь!? – удивился петушок и вопрошающе посмотрел на Тасю, затем на хлебный калач и гармошку.

И тут Тася вкратце рассказала друзьям, о том, как они очутились в подземном мире.

– Чудеса, да и только-о... – протяжно сказал хлебный калач.

– Надо осмотреться, – проговорил петушок. – Совсем ничего не знаем. – И он стал ходить и осматривать площадку. Минут через пять он подошёл совершенно обескураженный.

– Друзья! Хочу вас обрадовать – Мы находимся на выступе высокой горы, которая поддерживает небесный оранжевый свод, а наша площадка заканчивается отвесным обрывом. Подойдите вон к тому камню и перед вами откроются удивительные подземные просторы, – и петушок указал крылом на камень, лежащий от них метрах в пятидесяти.

Игрушки и Тася подошли к камню и осторожно посмотрели за него. Там, далеко внизу, колосились

желтоватые нивы; за ними громоздились оранжево-красные леса. За лесами, извивающейся нитью, тянулась жёлтая река с коричневатыми обрывистыми берегами, а за ними опять поля, леса и так до самого горизонта. Ближе к горизонту виднелись высокие и низкие строения большого города.

– Я вижу город. – Заключил хлебный калач.

– Если есть город, значит есть те, кто этот город построил, – вдумчиво произнёс петушок.

– Это не всегда так, – заметила Тася. – Я видела по телевизору заброшенные города, в которых давным-давно никто не живёт.

– Будем надеяться, что в этом городе есть жители, – сказала гармошка, ведь кто-то же засеял эти поля!?

– Нам надо найти спуск с этого выступа, – проговорила Тася, – и стала искать тропинку, идущую вниз.

– Стойте! Стойте! А как же я! Вы про меня забыли! – раздался крик. Изумлённые друзья повернулись и увидели бегущего к ним от скалы мальчишку. Тася остановилась и внимательно посмотрела на невесть откуда взявшегося человека. Мальчик был чуть выше Таси. Его лицо, руки, одежда были оранжево-жёлто-красных оттенков. В общем, как и всё в этом мире. «Оранжевый мальчик» – подумала она и улыбнулась.

– Как тебя зовут и откуда ты взялся? – спросила девочка строго.

– Меня зовут – «О».

– Что? У тебя имя из одной буквы? – удивилась девочка.

– Да. Пока я дитя, то моё имя состоит только из одной буквы, а когда подросту к моему имени прибавится ещё одна буква. Когда я стану взрослым то моё имя будет иметь три буквы, а когда совсем состарюсь, то имя будет иметь пять букв.

И вдруг оранжевый мальчик расплылся в улыбке.

– Я догадался, – вы с верхнего мира... Мы, подземные жители, знаем о нём. Я вижу – вы здесь случайно! А раз так, то вам опасно спускаться вниз с этого скального образования.

– Какая же опасность нас ждёт внизу? – спросил петушок.

– Нам бы это очень хотелось узнать... – добавила гармошка.

– Там, внизу, находится государство правды и справедливости? Находиться в нём опасно, – просто ответил мальчик.

– Правды и справедливости, – повторила Тася. – Интересно-о-о-о... Чего же опасаться в государстве с таким названием? Я, наоборот, хотела бы побывать в этом государстве, а потом бы рассказала о нём в школе. Одноклассники бы были в шоке. У нас на земле только говорят о правде и справедливости, а у вас под землёй целое государство такое есть. Подземные жители просто молодцы!

– Не обольщайся. Это совершенно не так. В этом государстве нет ни правды, ни справедливости! – воскликнул оранжевый мальчик.

– Это почему? – поинтересовалась гармошка.

– Государством правды и справедливости управляет кучка отпетых толстых мошенников. Нужно заметить, что эти жирные человеки очень изобретательны. Это они назвали так государство. Они изобрели такую систему управления гражданами, которая позволяет им всё время находиться у власти.

– Чтоб этого не происходило, у нас, на земле, выбирают президента, а у вас как? – спросила Тася немного разбравшаяся в устройстве государственного управления.

– И у нас выбирают! – воскликнул собеседник. – Только у нас толстые делают вид, что выбирают. У нас слово «президент» давно стало собирательным.

– Как это? Разве президент – это не один человек? – удивилась девочка.

– Здесь нечему удивляться. Просто у нас одни мошенники, выбирают других мошенников и так в течении ста лет. Им – толстым всё равно кто из их шайки будет президентом, главное, то, что это будет их человек.

– И что же, народ ничего этого не видит?! – возмущённо воскликнул петушок.

– Народ это понял и решил больше не голосовать за толстых. Только пока народ с этим разбирался, мошенники другую пакость придумали.

– Какую? – с интересом спросила гармошка.

– Пакость эта такая. Завтра у нас состоятся выборы президента. Толстые мошенники знают, что люди на этих выборах проголосуют против их кандидата, толстые им надоели. Они будут выбирать тонкого. Так толстые прохиндеи заранее стали своего толстого брата морить голодом, чтоб тот стал тонким. Завтра они объявят его кандидатом в президенты из народа и подсунут людям.

– Ты смотри, какие у вас тут дела разворачиваются, – покачал головой петушок.

– А вот мне хочется знать другое. Скажи-ка оранжевый – Как это «морить голодом»? – спросил хлебный калач.

– А очень просто, – засмеялся оранжевый мальчик. – Они бросили жребий, кому из толстых мошенников быть следующим президентом и того, кому выпал жребий, стали морить голодом. Сейчас претендент на кресло президента стал таким тонким, что его не отличить от прочих рядовых граждан страны.

– А ты об этом откуда знаешь? – спросила подозрительно гармошка. – Дело-то, как я понимаю, секретное...

На это замечание оранжевый мальчик несколько не смутился и тут же ответил:

– Мой отец был у толстяков садовником в замке. Я помогал отцу и видел, как брата толстяков Ману заперли в подвале и стали морить голодом. Я думал, что это наказание за провинность. Стал потихоньку ему еду носить и передавать через решётку оконца. Тогда мне Ману и рассказал, что с ним произошло. Он сильно на братьев обиделся. В общем, при передаче очередного свёртка, меня схватили и упекли на эту гору, чтоб еду не носил и про задумку толстяков людям не рассказал.

– Ах, вот почему ты здесь! – воскликнула гармошка.
– А я думаю: «откуда ты на этой горе взялся?»

– Так вот и взялся... – закончил рассказ оранжевый мальчик.

– Что же нам в этой ситуации делать? – задал вопрос хлебный калач.

– Как что? Надо не допустить, чтобы ненавистные людям толстые мошенники правили в государстве дальше. Нельзя позволить, чтобы они выиграли на выборах президента! – Высказался петушок и добавил.
– А для этого надо составить план действий. Где у вас проходят выборы? – обратился он к оранжевому мальчику.

– Они у нас проходят на центральной площади города, – ответил тот.

– Кажется, я знаю, что нам надо делать, – пропищала гармошка с колокольчиками. – Нам надо под видом уличных артистов пробраться на центральную площадь, где будут люди голосовать за президента.

– Правильно, – поддержал гармошку петушок. – Мы на площади должны сказать людям правду.

– Ничего не выйдет, – заметил оранжевый мальчик. – Другие храбрецы тоже хотели сказать правду и где они!? Их нет. Они даже двух слов не успевали народу сказать, как их тут же хватили и сажали в подвал.

– Наша задача успеть сказать всю правду, перед тем как нас сцапают, – подытожила Тася. – Народ услышит и примет правильное решение. А теперь пора распределять роли. – Гармошка предложила проникнуть на площадь под видом уличных артистов. Хорошее предложение. Мы будем идти и петь, плясать, кувыркаться, жонглировать, то - есть, всяко занимать и смешить толпу. Так труппа дойдёт до середины площади, а дальше?! Что, Петушок, будем делать потом?

– А дальше что делать, мы не знаем. Мы не знаем, как в оранжевом мире проходят выборы президента, – сказал петушок и, обращаясь к оранжевому мальчику, спросил: – Расскажи нам, как у вас проходит голосование, чтоб можно было сориентироваться.

Оранжевый мальчик стал объяснять.

– В голосовании нет никаких хитростей. На площади врыты в землю три столба. На среднем, самом высоком столбе, на шпиле, или спице, крепится государственный флаг. На столбах пониже, что по сторонам, в трёх метрах над землёй, сооружены помосты с креслами. В этих креслах сидят кандидаты в президенты. Каждый гражданин подходит к выбираемому кандидату и

стукается лбом в его столб и отходит в правую или левую сторону, вот и всё. На какой стороне соберётся больше людей – тот и победил.

– Забавно. – Проговорила Тася.

Узнав о процедуре голосования, друзья стали совещаться. Каждый из них предлагал свой метод огласки плана толстяков. Гармошка предложила сочинить и спеть частушку про толстых мошенников. Хлебный калач предложил вырезать у него на спине текст, который бы уличал толстяков, а петушок сказал, что во время голосования он взлетит на спицу флагштока и оттуда прокукарекает о мошенничестве толстых. Всем такие предложения понравились.

– Друзья!! Мы планы строим, а сами сидим на этой каменной площадке и не можем с неё спуститься! – Воскликнула Тася и тут же спросила оранжевого мальчика:

– Как спуститься с этой горы вниз?

– Да, никак, – ответил тот. – Меня сюда привезли на винтокрыле. Больше никак не спустишься.

– Понятно... – сказал петушок. – Я, думаю, что винтокрыл, это устройство типа нашего вертолётa. У нас ни винтокрыла, ни вертолётa нет, поэтому полетим на мне. Я спущу всех вниз, а вот поднять вас назад я не смогу. На это сил и лётных качеств у меня не хватит. Поэтому решайте – спускаться нам вниз, или не

спускаться. Ведь можно спустится и до конца своих дней назад, на землю, не вернуться.

– А как же выборы! – возмутилась Тася. – Да вы что! Завтра выборы президента! Под угрозой свобода жителей оранжевой страны! А мы! Мы – просто трусишки!

– Я за полёт, – сказал хлебный калач.

– Я с вами, – поддержала его гармошка.

– Спасибо, друзья! – со слезами радости на глазах проговорил оранжевый мальчик. – Всем спасибо!!! Не знаю, как выразить те чувства, что во мне бурлят. Верхние люди – настоящие товарищи! Вы не за свою, а за нашу свободу, можно сказать, идёте на смерть. Ведь вы прекрасно понимаете, что если толстые мошенники останутся у власти, то они обязательно со мной и с вами расправятся.

Но ему на эти слова никто не ответил.

– Надо торопиться. – Сказал петушок и подошёл к обрыву. Первой на петушка села Тася. Петушок, как и обещал, перенёс друзей к подножию горы. Со скалы он планировал достаточно легко, а вот на скалу, даже без груза, он поднимался медленно с остановками на всевозможных каменистых выступах. Когда петушок полетел вверх за последним из друзей – оранжевым мальчиком, все, затаив дыхание, смотрели, как тяжело петушку даются эти высокогорные метры подъёма.

Всю ночь шли друзья по лесам, оврагам и тёмным тропам до столицы оранжевой страны. Хотя они и очень

устали, но были несказанно рады, когда увидели ворота большого города.

– До открытия ворот оставалось не больше часа. К ним уже подходили избиратели из других населённых пунктов. К десяти утра собралась большая толпа. Вот под звуки трубы ворота открылись и люди стали входить в город. А когда они входили, то не могли не заметить небольшую группу уличных артистов, которые шагая в толпе, пели песни, жанглировали камешками, это умела делать Тася, гармошка, привлекая внимание, играла весёлую музыку. Впереди группы шагал оранжевый мальчик.

Когда толпа достигла центра города, то на площади на самом высоком столбе все увидели развивающийся флаг оранжевой страны, а по сторонам от него стояли другие два столба. На этих столбах, в прибитых к ним креслах, сидели два кандидата в президенты. От земли до них было не более трёх метров. Один из кандидатов был очень толстый, а другой совсем худой, просто кожа да кости.

Каждый из них произнёс короткую речь о том, как собирается осчастливить оранжевых жителей подземной страны. Толстый говорил о новых технологиях сбора урожая и что с их применением все жители от мала до велика будут сыты. Ему аплодировали.

Тощий говорил о справедливости, которую он в случае его победы будет утверждать в стране. Жажущих справедливости было в народе гораздо больше. Бурное рукоплескание перешло в авацию.

Люди знали, что если в стране будет справедливость, то и голодающих людей не будет, как не будет и слишком толстых.

Когда толпа была уже достаточно накалена, а рукоплескание закончилось, на площади раздался один смешок, затем другой, третий... Парень высокого роста взял и посадил хлебный калач себе на плечи. Это было сделано правильно. Хлебный калач из-за малого роста мало кто видел, а вот когда он оказался на плечах высокого оранжевого парня, то уже большее количество жителей страны могли прочесть на спине хлебного калача текст, рассказывающий о мошенничестве толстых.

Через несколько минут толпа уже смеялась, свистела и улюлюкала. К высокому парню бросились стражи порядка. Они быстро скрутили Тасю, гармошку, хлебный калач и высокого парня и бросили их в подвал.

– Ну, вот и закончились для нас честные выборы в самой справедливой оранжевой стране, – проговорил хлебный калач, потирая ушибленное колено.

– Да! Ненадолго нас хватило, – в тон ему ответила гармошка и обречённо звякнула колокольчиками.

Высокий парень молча смотрел в узкое оконце. Тася сидела на соломе и отрешённо смотрела в одну точку. Она вдруг вспомнила дедушку, который, заподозрив неладное, бросился искать внучку. А её нигде нет и корзинки с грибами тоже. Он даже не догадается, что

его Тася находится глубоко под землёй в оранжевой стране и даже сидит запертая в подвале.

А в это время на площади разворачивались следующие события. Оранжевый мальчик взял петушка в руки и подбросил его над головой. Это было сделано по просьбе самого петушка, так как он не мог, зажатый толпой, взлететь. Как только петушок почувствовал свободу он тут же захлопал крыльями, взлетел на спицу флагштока и оттуда начал кричать про то, что тощий кандидат в президенты вовсе не тощий, а самый что ни на есть толстый, только прошедший процедуру отощения.

Его слова услышали тысячи людей. И все поняли, как их хотели одурачить толстые мошенники. Однако, толстые не сдавались. Действующий старый президент вышел к народу и стал говорить, что народ обманывают, что тощий кандидат в президенты выходец из народа. Этому надо верить и никто не может доказать, что он родной брат толстых.

– Я смогу!!! – раздался крик из толпы. Люди замерли. Это кричал оранжевый мальчик. Его тут же пропустили вперёд и он, встав рядом с прежним толстым президентом, попросил его оголить левое плечо. Прежний президент не захотел оголять левое плечо, но с него быстро сорвали рубашку и все увидели на его левом плече большое родовое пятно.

– А теперь посмотрите левое плечо у тощего кандидата, – сказал оранжевый мальчик. – Вы увидите у него такое же родовое пятно. У всех толстых братьев есть такие родовые пятна! Об этом мне рассказал этот тощий кандидат, когда его братья заставили голодать, а я ему тайно от них приносил немного еды.

Тотчас сорвали рубаху с тощего кандидата и все люди увидели на его плече такое же родовое пятно.

Толпа возмущённо гудела. Все прихвостни толстых мошенников сразу же разбежались с площади, а оранжевый мальчик и петушок пошли освобождать Тасю, гармошку, хлебный калач и высокого парня. Через некоторое время замки двери подвала завизжали пружинами и дверь каземата открылась. Освободители и освобождённые бросились обниматься друг с другом.

– Оставайтесь у нас... – проговорил высокий парень, обращаясь к Тасе.

– Друзья! Наш каменный лифт работает только два дня через каждые сто лет, – заметил оранжевый мальчик. – Оставайтесь у нас и через сто лет мы вас отправим на землю.

– Мы так не можем, – проговорила Тася. – Через сто лет я уже не буду жить. Люди на земле живут гораздо меньше ста лет. Только отдельные из нас переступают эту планку, но это исключение из правил.

– Жаль! – сказал оранжевый мальчик. У нас в стране люди живут по пятьсот лет и более и для нас сто лет, как для вас десять.

– Очень жаль. – Проговорила Тася. – А так хотелось всё у вас посмотреть, изучить, запомнить и, возможно, применить у нас на земле.

– Друзья! Надо торопиться. Скоро последний подъём лифта на поверхность земли! – воскликнул высокий парень.

После его слов на площади приземлился винтокрыл. Да, законы физики неумолимы. Это был такой же вертолёт, как и на земле, только винты у него были внизу, а кабина сверху. В общем, это законы физики не отменяет.

Все уселись в винтокрыл и он за минуту поднял уезжающих и провожающих на ту самую каменистую площадку с лифтом. Тася, петушок, хлебный калач и гармошка с колокольчиками встали на камень-лифт, помахали провожавшим, все разом подпрыгнули и крикнули – «поехали». Это был сигнал для начала движения. Каменный лифт устремился вверх и через некоторое время Тася и её друзья оказались наверху, на той самой лужайке за домом бабушки с которой и началось их удивительное путешествие в недра земли.

Саратов, 2020, 14 сентября.

Содержание

1. Сказка о глиняном петушке золотом гребешке, гармошке с колокольчиками, да румяном калаче с хрустящей корочкой	3
2. Лесной великан Берендей.....	26
3. Чего око не видывало, ухо не слыхивало и язык не ощущал.....	34
4. Серебряная стерлядь с золотыми плавниками.....	48
5. Перламутровый туман.....	73
6. Глиняный денщик	102
7. Монстр Тунгалот.....	115
8. Вязары.....	129
9. Четыре ветра.....	155
10. Оранжевый мальчик.....	169

Литературно - художественное издание
Пётр Петрович Африкантов

СКАЗКИ О СИМВОЛАХ ГОРОДА САРАТОВА

Издана в авторской редакции.